

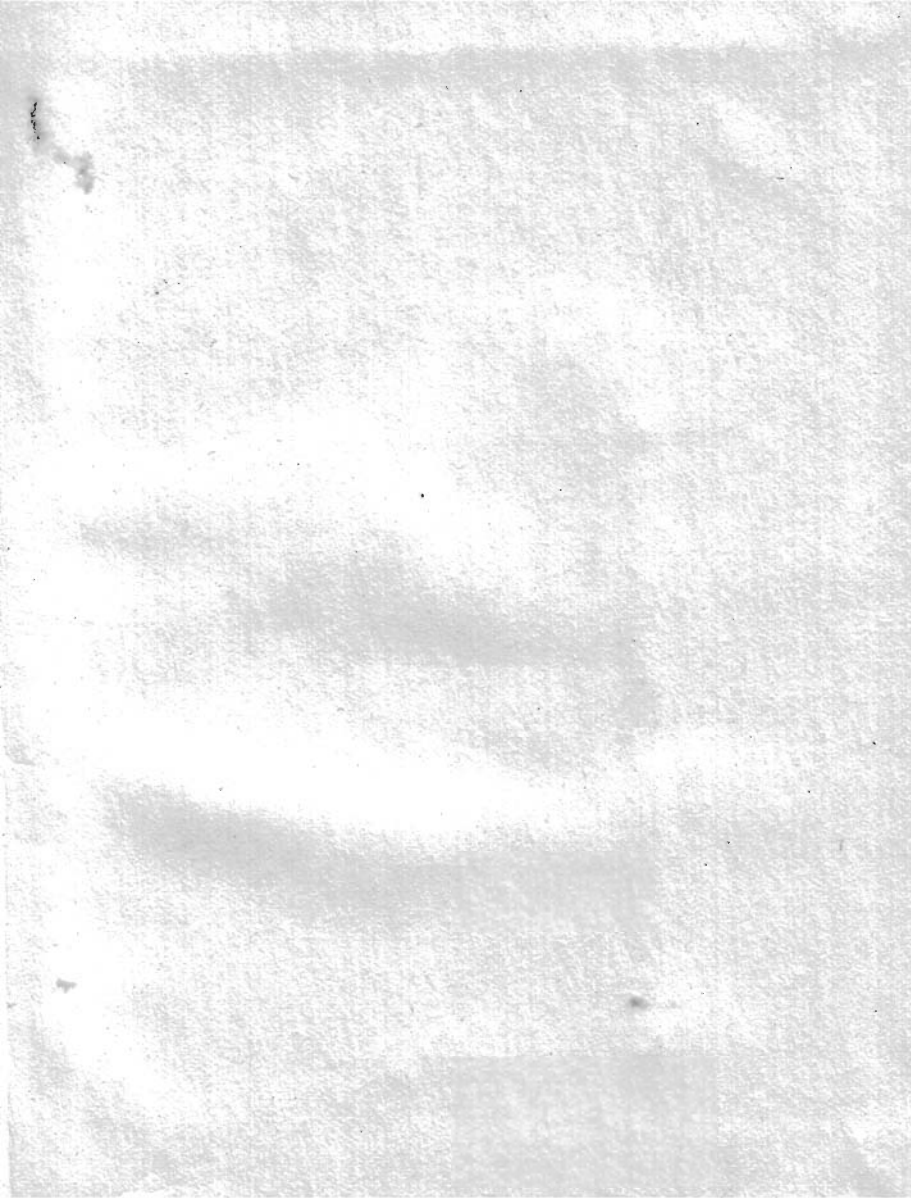
Н. КОЗЬКО, Е. КРИВОШЕЕВА

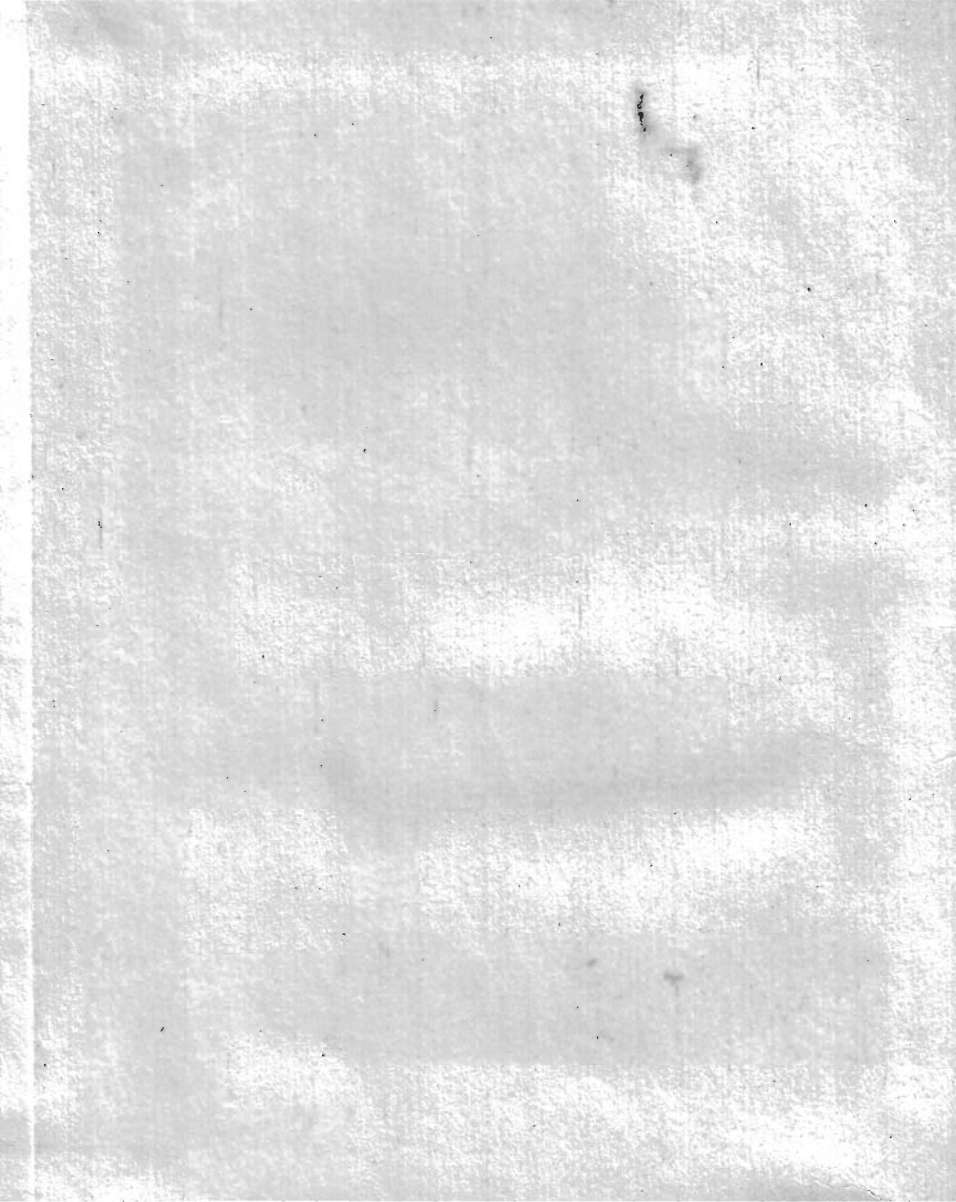
ЗАГАДКА

АМК

ЭРНИТЫ

Краев

Н. КОЗЬКО, Е. КРИВОШЕЕВА

63.3 (2P-4Кем)
К59

Э АГАДКА
Э РНИТЫ

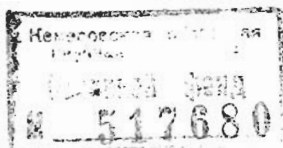
183349

ЭК

Кемеровское книжное издательство
1990

ББК 63.3(2)713

К 59

Козько Н. Т., Кривошеева Е. Д.

К59 Загадка Эрниты.— Кемеровское кн. изд-во, 1990.—
176 с.

ISBN 5—7550—0104—9

Эрнита — имя героини рассказа известного американского писателя Т. Драйзера. Действие рассказа происходит в 20-е годы в Кемерове. Кто такая Эрнита? Какое отношение она имеет к Кузбассу? Книга «Загадка Эрниты» дает ответ на эти вопросы. Она раскрывает страницы истории края, связанные с Автономной индустриальной колонией «Кузбасс» и с судьбой американки Рут Эпперсон Кеннел, которая приехала вместе с иностранными специалистами в Сибирь.

К 0505040000—01 90
М 145(03)—90

ББК 63.3.(2)713

ISBN 5—7550—0104—9

© Кемеровское книжное издательство, 1979, 1990. Оформл.

ПРЕДИСЛОВИЕ

У замечательного американского писателя Теодора Драйзера в серии «Галерея женщин» есть рассказ «Эрнита». В нем он пишет:

«Шел август 1922 года, и Россия находилась в очень трудном положении... Нашему американскому отряду энтузиастов понадобилось две недели, чтобы добраться специальным поездом до Кемерово в Кузбассе, в глубине Сибири». Эти слова принадлежат героине рассказа, Эрните. За вымышленным именем стоял живой образ американской женщины Рут Эпперсон Кеннел из далекого Сан-Франциско.

Кто же она — эта Эрнита-Рут Кеннел? Какими судьбами она оказалась в Советской России, в далеком сибирском городе, чем привлекла к себе внимание одного из классиков американской литературы? Как сложилась ее дальнейшая судьба?

Ответ на эти вопросы и составляет сюжетную канву книги Н. Козько и Е. Кривошеевой «Загадка Эрниты».

После окончания гражданской войны Советская страна приступила к восстановлению народного хозяйства. Время было тяжелое. Разруха захватила основные отрасли тяжелой промышленности, в стране начался голод.

Реакционные круги капиталистического мира стремились задушить Советскую Россию в кольце экономической блокады и дипломатической изоляции.

Восстановление народного хозяйства было основной задачей молодого пролетарского государства. «...Мы будем побиты,— го-

ворил В. И. Ленин на VIII Всероссийском съезде Советов, — если мы не добьемся восстановления нашего хозяйства»¹.

В крайне сложной ситуации В. И. Ленин и Советское правительство считали необходимым использовать для поднятия экономики страны все меры, в том числе и помощь иностранных специалистов и рабочих. Именно тогда Коммунистический Интернационал призвал рабочих капиталистических стран поддерживать Советское государство и оказать ему помощь в восстановлении народного хозяйства. Была выдвинута идея о формировании специальной группы американских рабочих и инженеров для восстановления тяжелой промышленности России. Этот план был одобрен Владимиром Ильичем Лениным.

После переговоров между Советским правительством и представителями американских рабочих Хейвудом, Рутгерсом и другими было принято решение об организации Автономной индустриальной колонии (АИК) «Кузбасс». Главной задачей АИК было восстановление промышленности Кузбасса силами советских и иностранных рабочих.

К весне 1922 года специально созданный в Нью-Йорке комитет сформировал первые группы иностранных рабочих и специалистов, которые изъявили желание отправиться в Советскую Россию. С одной из таких групп в августе 1922 года в Петроград прибыла молодая американка Рут Кеннел...

Известно, что Рут Кеннел не была в числе руководителей колонии, нет ее имени и в списке крупных специалистов. Должность Рут в колонии была скромной — библиотекарь и секретарь. Но в судьбе этой женщины отразились характерные черты эпохи, когда великие идеи Октября, пройдя заслоны лживой буржуазной пропаганды, нашли отклик в сердцах людей всего мира, заставили их по-иному взглянуть на происходящие события, на свою судьбу, свое место в жизни.

Рут Кеннел принадлежала именно к тем американцам, которых глубоко волновали социальные проблемы в своей стране и за рубежом. Она выступала против участия США в мировой

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 142.

войне, посещала митинги, организованные рабочими, участвовала в демонстрациях. И понятно, почему эта женщина оказалась среди тех, кто откликнулся на призыв помочь Советской России — стране, которая, по словам Драйзера, была для Эрниты-Рут маяком свободы, образцом торжества новых социальных верований.

Годы, прожитые Рут Кеннел в стране Советов, можно разделить на два периода: «аиковский», прожитый в Кемерове, и московский, связанный с работой в Коминтерне. Именно тогда и состоялась ее встреча с Драйзером, результатом которой стали совместная работа и дружба с писателем, а затем и появление рассказа «Эрнита».

У читателя невольно может возникнуть вопрос, стоит ли снова обращаться к судьбе Эрниты-Рут после того, как Теодор Драйзер уже описал «аиковский» период ее жизни? Безусловно, стоит!

Драйзер с большой симпатией изобразил в своем рассказе Эрниту-Рут, многое увидел и открыл читателю в ее судьбе. «Я знаю Эрниту,— пишет он.— Знаю ее честность, знаю ясный и смелый взгляд ее глаз, жаждущих правды, жаждущих любви, и хочу рассказать вам о том сцеплении обстоятельств, которые привели ее в самую гущу одного из величайших социальных поворотов в истории человечества». Но поворотные моменты в судьбе Эрниты Драйзер пытался объяснить, в первую очередь, сугубо личными переживаниями, несколько принизив их социальное звучание. Сама Рут Кеннел восстала против такого толкования (она писала об этом в предисловии к одному из первых изданий рассказа).

Кроме того, сравнительно небольшой объем рассказа и его определенная направленность обусловили и ограничение материала о жизни колонии, ее людях.

Журналистка Н. Козько и историк Е. Кривошеева постарались дополнить историю Рут Кеннел, искреннего друга нашей страны, представительницы прогрессивных сил Америки, и подробнее рассказать, как и почему Рут-Эрнита оказалась в Советской России, какое место в ее судьбе заняла АИК «Кузбасс».

Шаг за шагом идут авторы по следам своей героини, собирая подчас по крупицам интересные факты, воспоминания, отыскивая забытые публикации. Более того, удалось разыскать самой Рут Кеннел, которая жила в городке Пало-Альто близ Сан-Франциско.

Первые сведения об Эрните-Рут были получены Е. Кривошеевой от дочери колониста Джона (Ивана) Прейкшаса — Анны Ивановны Прейкшас. Это она первая открыла авторам, что за вымышленным именем Эрниту стоит реальное лицо — Рут Эпперсон Кеннел. Пополнить сведения о Рут помогла дочь руководителя АИК «Кузбасс» Рутгерса — Гертруда Себальдовна Рутгерс-Тринчер. Но обе они ничего не знали о судьбе Рут. Однако Г. С. Рутгерс-Тринчер помогла разыскать ее подругу Мелли Кальверт, жену одного из основателей колонии Герберта Стенли Кальверта. А вскоре из США в Кемерово пришло письмо, подписанное именем Рут Кеннел. Более 10 лет длилась переписка между журналисткой — сотрудником областной молодежной газеты «Комсомолец Кузбасса» Н. Козько (Чунтоновой) и Рут Кеннел. Н. Козько подробно рассказала о судьбе Рут, ее поисках, сомнениях на страницах «Комсомольца Кузбасса». А потом долго и нелегко рождалась эта книга, создавая в содружестве журналистом и историком.

Письма Рут Кеннел, ее воспоминания, отрывки из ее книг, дневниковые записи явились ценным дополнением документального фундамента книги.

Но книга рассказывает не только о судьбе американской женщины, испытавшей огромное влияние идей Великой Октябрьской социалистической революции, влияние той действительности, которая открылась ей в Советской стране. «Загадка Эрниту» стала в некоторой степени и книгой об Автономной индустриальной колонии «Кузбасс», сыгравшей свою положительную роль в становлении тяжелой промышленности Кузнецкого бассейна и явившейся одной из форм проявления пролетарской солидарности.

Перед читателем разворачивается картина жизни многонационального коллектива, он услышит горячие споры о судьбе Рос-

сии, о революции, узнает о людях колонии, ее руководителях, голландском коммунисте Себальде Рутгерсе, рабочем Франке Грунде (который навсегда связал свою судьбу с Кузбассом), о преданной колонии всей душой Бронке Корнблит, инженере Пирсоне, которого захватил дух созидательной работы в Сибири, и о многих других.

Безусловно, Рут Кеннел не во всем могла разобраться и понять до конца. Некоторые события она воспринимала субъективно. Авторы не затушевывают, не сглаживают сомнений и колебаний своей героини, давая возможность читателю понять и историческую, и психологическую сложность тех жизненных обстоятельств, в которых действует Рут.

После отъезда из Кемерово, Рут Кеннел осталась в Москве, где работала в Коминтерне переводчицей. Здесь в ноябре 1927 года состоялась ее встреча с Драйзером. Незадолго до этого Кеннел по предложению Госиздата приняла участие в подготовке к изданию на русском языке произведений Драйзера и написала предисловие к сборнику его рассказов.

Рут Кеннел не случайно стала секретарем Теодора Драйзера: она знала Советскую Россию, жила ее делами и помыслами, ей был знаком творческий путь писателя.

77 дней провел Драйзер в путешествии по стране Советов — побывал в Москве, Ленинграде, Харькове, Тбилиси, Баку и других городах. Рут Кеннел сопровождала писателя, вместе с ним посещала фабрики, учреждения, музеи, театры, дома рабочих, присутствовала на приемах в народных комиссариатах, в Смольном, встречалась с М. М. Литвиновым, А. И. Микояном, А. М. Коллонтай, К. С. Станиславским, В. В. Маяковским...

В этой поездке Рут была не только секретарем, но и активным помощником Драйзера: она помогала ему понять новый мир. Дни, проведенные рядом с великим американским писателем, размышления о беседах с ним оставили след в дневниках, которые регулярно вела Рут. Эти записи впоследствии, через много лет, были использованы в книге Р. Кеннел «Драйзер и Советский Союз». В письмах в Кемерово Рут Кеннел часто цитировала свои старые дневниковые записи. Все это помогло авто-

рам «Загадки Эрниты» воссоздать картину драйзеровского восприятия советской действительности.

Мы видим живого Драйзера со всей противоречивостью его взглядов, стремлением разобраться в событиях, с его симпатиями к стране Советов. Это еще одно красноречивое свидетельство тех сдвигов в умах и чувствах передовых людей Америки, которые вызвала Великая Октябрьская социалистическая революция.

В заключительных главах книги «Загадка Эрниты» мы встречаем Рут-Эрниту вновь на земле Кузбасса. Она приезжает сюда в 1931 году по заданию ВОКС'а как корреспондент американского газетного объединения. Она видела огни Кузнецкстроя, индустриальный рост Кемерово, энтузиазм советских людей, строящих новую жизнь. Встреча с друзьями-колонистами, которые остались в Советской России, укрепила ее веру в правильности когда-то избранного пути.

Прошли годы. Многие ушло из памяти людей, забылось... Но есть вещи, которые всегда стоит вспомнить. Н. Козько и Е. Кривошеева в своей книге раскрыли загадку Эрниты и рассказали читателю о судьбе молодой американки, оказавшейся в водовороте больших социальных событий, которые определили всю ее дальнейшую жизнь, ее деятельность, мысли и чувства.

Рут Кеннел до конца жизни оставалась в рядах прогрессивных американцев, которые активно участвуют в антивоенном движении, протестуют против происков империалистических сил США. Она принимала участие в выпуске книг к столетию со дня рождения В. И. Ленина, а в августе 1971 года выступала на конференции, посвященной 100-летию юбилею Теодора Драйзера, которая состоялась на родине писателя в городе Терре Хот, и горячо отстаивала его прогрессивные взгляды, рассказывала о поездке писателя по Советскому Союзу и об участии его в борьбе против фашизма и войны.

Специальный корреспондент «Литературной газеты» Я. Засурский, который был на этой конференции, писал, что его встреча с Рут Кеннел была особенно впечатляющей, что «с под-

лично молодым задором она полемизировала с теми, кто пытался дискредитировать прогрессивные взгляды Драйзера».

Годы укрепили веру Рут Кеннел в страну Советов. Не случайно в одном из писем Н. Козько (Чунтоновой) она писала: «Мне и сейчас дорого то, что было дорого сорок лет назад».

Книга «Загадка Эрниты» не является специальным историческим исследованием и не претендует на всестороннее освещение истории АИК, но она достоверно воспроизводит многие события и факты, очерчивает людские судьбы, передает характерные штрихи того времени, помогает понять, почувствовать эпоху. И рекомендуя книгу «Загадка Эрниты» читателям, можно надеяться, что они оценят в ней стремление живо и тепло рассказать о человеке, который был связан с одной из интересных и важных страниц истории Кузнецкого бассейна и через всю жизнь пронес верность идеям интернациональной пролетарской солидарности.

«Загадка Эрниты» написана на основании изучения источников, научных исследований, литературных произведений, воспоминаний, писем.

Авторы особое внимание уделили ленинским работам, в которых даны определяющие оценки деятельности колонии и ее роли в восстановлении экономики страны.

Большую помощь в написании книги оказали исследования советских историков Э. Б. Генкиной, Р. Я. Тарле, Е. М. Полянской и других.

Авторы использовали отдельные документы и исторические факты из книг Г. Тринчер (Г. Рутгерс) и К. Тринчер «Рутгерс» и Я. Засурского «Теодор Драйзер», из воспоминаний Элен Драйзер.

У авторов книги было много помощников. Это прежде всего сама Рут Кеннел, которая присылала не только письма со своими воспоминаниями, но и свои книги, изданные в США, публикации своих статей об АИК, подлинные письма к Драйзеру, а затем и свою работу, изданную в 1969 году в США. Письма Рут Кеннел дополнили письма Мелли Кальверт, которая сообщила ряд интересных сведений. Помощь эта была бескорыстной. В од-

ном из писем Р. Э. Кеннел писала, что ее «...единственное желание — помочь укреплению дружбы между народами».

И, наконец, последнее. Деятельность Рут Кеннел, как бы ни были скромны ее масштабы, показывает нам Америку простых людей, чьи симпатии — на стороне советского народа. А творчество Т. Драйзера — это позитивная сторона американской культуры, интерес к которой является одним из свидетельств прочного стремления советских людей к мирному сосуществованию, о чем с новой силой свидетельствуют советско-американские контакты в наше перестроечное время.

Авторы заканчивают книгу событиями 30-х годов. Они расстаются с героями книги на Кузбасской земле. Но этим не заканчивается история АИК «Кузбасс», не заканчивается и история жизни тех, кто по зову своей совести, по партийному и интернациональному долгу работал в Кузбассе вместе с советскими людьми над восстановлением промышленности страны.

Пребывание в Советской стране оставило неизгладимый след в жизни аиковцев.

И сегодня в США, Голландии, Бельгии живут люди, сохранившие память о Кузбассе, о нашем городе. Они пронесли через годы фашистской оккупации, «холодной войны» свою веру в Советский Союз.

Встреча с ними впереди.

Ю. ВАРНАКОВ,
кандидат исторических наук

ЧАСТЬ I

УЗБАССКАЯ ОДИССЕЯ

Глава I

Рано утром пятого августа 1922 года маленькая «Варшава» миновала Крошштадт. Пассажиры парохода, включая и детей, которых тут было около двадцати, не спали. Все собрались на верхней палубе, с замиранием сердца следя, как проплывают мимо берега незнакомой России. Видны были широкие улицы с деревянными тротуарами. Между досками пробивалась трава. Это дало повод особенно рьяным энтузиастам еще раз — в который раз за время пути! — воскликнуть:

— Мы преобразим разрушенную деревянную Россию! Мы сделаем ее новой Пенсильванией!

На палубе заколыхалось красное полотнище флага, с которым будущие колонисты не расставались от самого Нью-Йорка. В Данциге появление красного знамени, сопровождавшееся пением «Интернационала», послужило причиной недовольства полицейских. Всюду в портах, где останавливалась «Варшава», собирались толпы рабочих, которые с энтузиазмом приветствовали путешественников. Сейчас долгий морской путь подходил к концу. Пароход причалил к берегу.

На пристани было пустынно: ни толпы встречающих, ни звуков оркестра. У причала собралась лишь горстка любопытных.

Но даже отсутствие торжественной встречи не могло снизить приподнятого настроения приезжих. Ведь все они так долго ждали этого момента. Начинался новый этап в биографии каждого из них. Вступление в этот новый этап они ознаменовали пением «Интернационала». Группа рабочих порта поддержала поющих, подхватила «Интернационал» на русском языке.

Рут, стоя рядом с мужем на палубе среди колонистов, тоже пела, хоть долгожданная встреча оказалась совсем не похожей на ту, о какой мечталось: революционной стране некогда было устраивать пышные встречи.

Пусть обетованная земля кажется пустынной, Рут знала: на этой земле трудятся миллионы людей, повернувших колесо истории, свершивших пролетарскую революцию, остановивших мировую войну, столь ненавистную для Рут и ее товарищей по союзу «Индустриальные рабочие мира».

Маленькая, с короткой стрижкой, совсем юная с виду в свои двадцать восемь лет, Рут заметно волновалась, ощущая значительность момента. Франк Кеннел, ее муж, высокий, очень смуглый, с черным крылом падающих на лоб волос, был более спокоен.

— Как хорошо, что в Кемерове нас встретит Большой Билл!¹ Я давно мечтаю увидеть его, — взволнованно говорила мужу Рут. — Но кажется он там ненадолго?

— Да, я слышал, что директором будет Рутгерс.

— Кто он? Немец? Тоже «уоббли»?²

— Боюсь быть неточным. Знаю, что он голландец, но вот насчет убеждений...

А человек, о котором говорили супруги Кеннел, тоже был

¹ Хейвуд Уильям (1869—1928). С 1901 года член Социалистической партии Америки — один из основателей организации «Индустриальные рабочие мира». Активный участник рабочего движения в Америке. В 1921 году, скрываясь от преследований, нелегально прибыл в Советскую Россию. Умер в Москве. Захоронен у Кремлевской стены.

² «У о б л и» — так было принято называть членов организации «Индустриальные рабочие мира».

в пути. Себальд Рутгерс, завершив дела, связанные с составлением окончательного проекта договора, разрешив десятки срочных и неотложных проблем, которые ежечасно рождало новое предприятие, вместе со своим секретарем и переводчицей Брониславой Корнблит¹ тоже направлялся в Сибирь.

Где только ни приходилось ему до этого воплощать свои инженерные замыслы — в Роттердаме, на Яве и Суматре, в Нью-Йорке... И всюду мучило обидное сознание того, что его труд, его талант идут не на улучшение жизни народа, а на обогащение кучки работодателей. Рутгерс видел жестокость колониализма, унижение простых людей, равносильное рабству, бездушный техницизм, чуждый всему живому, беспощадную эксплуатацию.

С юных лет Себальд Рутгерс связал свою жизнь с рабочим классом. В 21 год он член социал-демократической рабочей партии Голландии, потом — голландской компартии. В США Рутгерс возглавлял Лигу социалистической пропаганды, левое крыло Американской социалистической партии.

Осенью 1918 года Рутгерс принимает решение поехать в Москву.

Длинный, необычайно трудный путь от Америки до Москвы, через оккупированные японцами территории, через весь Дальний Восток, через всю Россию.

И все-таки он в Москве. Вот где найдет он применение своим силам и знаниям!

Москва празднует первую годовщину революции, и голландский коммунист Рутгерс приветствует колонны демонстрантов.

А впереди событие, оказавшее огромное влияние на всю последующую жизнь, — встреча с В. И. Лениным. Тепло и дружески встречает В. И. Ленин Рутгерса. Рутгерс приехал из страны, правительство которой не признает Советскую

¹ Корнблит Бронислава — секретарь С. Рутгерса. Участвовала в польском революционном движении. Умерла в Ялте в 1925 году.

республику и готово задушить ее в кольце блокады. Но рабочие... Как они восприняли победу революции? — вот что больше всего интересует Ленина. Рутгерс поражен глубиной ленинских познаний в истории и сегодняшнем дне американского революционного движения. Могут ли американские рабочие помочь стране Советов в восстановлении экономики?

Короткое пребывание в Москве Рутгерс использует для работы — его назначают инспектором водных путей. В свободное время он стремится как можно больше узнать об экономике страны, планах ее развития. Однажды ему в руки попадает проект об использовании сибирского угля для металлургии Урала. В проекте — смелые мысли о создании металлургического завода в Кузбассе, разработка угольных месторождений.

Этот проект не выходит из головы...

А жизнь снова бросает Рутгерса в дальние путешествия. Предстоит подготовка к конгрессу Коминтерна. Он едет в Голландию, Италию, увозя с собой свои мысли об интересном проекте и ленинскую мечту о привлечении иностранных рабочих к восстановлению хозяйства первой страны социализма.

Рут понимала Рутгерса. Ведь в его лице как бы отражались мысли и чувства честной, рабочей Америки. Перед ее глазами проходили картины недавнего прошлого.

«Руки прочь от Советской России» — так заявил американский пролетариат тем, кто посылал оружие интервентам, окружал Советскую Россию блокадой. Рут помнила, как поднялась эта Америка в защиту Советской России.

Советская Россия выстояла, и в ее победе над силами интервентов была и доля участия рабочих всего мира.

Теперь в Советской России залечивали раны войны и интервенции.

И вот сейчас появилась возможность работать непосредственно на хозяйственном фронте революции, вместе с пролетариатом молодой республики Советов, когда «весь мир на-

силы разрушен» и пришла пора построить «наш, новый мир». Советская Россия, Сибирь обещали стать местом второго рождения инженера Рутгерса. В начале 1921 года Рутгерс вновь возвращается в Советскую Россию. В Москву он привез результат своих долгих размышлений — проект привлечения иностранных специалистов и рабочих к восстановлению народного хозяйства Советской республики.

А в это время в стране решалась одна из первоочередных задач: как, какими силами восстановить горнодобывающую промышленность, как дать стране топливо, без которого нельзя пустить заводы, наладить работу транспорта.

Советское правительство в условиях крайней ограниченности внутренних ресурсов пошло на привлечение иностранных капиталов. В 1920 году Совет Народных Комиссаров принимает специальный декрет о концессиях. Объектом концессии не раз называлась Сибирь. «Горные богатства Сибири,— говорил на VIII Всероссийском съезде Советов В. И. Ленин,— представляются совершенно необъятными, и мы даже в лучшем случае, при большом успехе, в несколько лет не могли бы разработать одной сотой их доли...»¹

Советское правительство в 1920 г. принимает специальный декрет о концессиях: «...процесс восстановления производительных сил России может быть ускорен путем привлечения государственных и коммунальных учреждений, частных предприятий, акционерных обществ, кооперативов и рабочих других государств к делу добывания и переработки природных богатств России».

Не случайно в этом декрете было упоминание об иностранных рабочих. Советское правительство знало о солидарности с Советской Россией пролетариата Америки, Европы и Азии.

К моменту подписания декрета в США уже работало общество технической помощи Советской России, в которое

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 113.

стекались тысячи заявлений от рабочих, инженеров, желающих поехать в Советскую Россию.

В сентябре 1920 года советский представитель в США Л. Мартенс сообщил Высшему Совету Народного хозяйства: «...технический отдел советского бюро занимается регистрацией техников, рабочих и специалистов, предлагавших свои услуги Советской России и готовых по первому зову отправиться туда. Нам уже удалось зарегистрировать около 20 тысяч человек, в числе которых находится большое количество первоклассных специалистов во всех областях техники».

В начале июля в Нью-Йорке собрался съезд обществ технической помощи Советской России. На этом съезде главным вопросом была организация рабочих групп для помощи Советскому государству.

Встретившись в Москве с товарищами-интернационалистами, приехавшими на III Конгресс Коминтерна и I Конгресс Профинтерна — Хейвудом и Кальвертом¹, Рутгерс долго и сосредоточенно обсуждал с ними проект создания в Сибири индустриального предприятия с помощью иностранных рабочих.

В лице Хейвуда и Кальверта Рутгерс нашел своих единомышленников. Более того, Кальверт приехал в Москву с предложением об использовании американских рабочих и специалистов для восстановления народного хозяйства Советской России.

Далекая, неизведанная Сибирь, таящая несметные залежи угля, — именно она должна стать не объектом концессии, а новой промышленной организацией...

Вот почему, как позднее рассказывал Рутгерс, 12 июня 1921 года он и его друзья отправили В. И. Ленину письмо, где изложили проект будущей колонии.

«Мы хотим обсудить вместе с Вами, — писали они, — це-

¹ Кальверт Г. С. — член американского профсоюза металлистов. Член ИРМ. Был делегатом I конгресса Профинтерна. Впоследствии отошел от революционного движения.

лесообразность плана, а в случае Вашего согласия безотлагательно получить полномочия на обследование Кузнецкой области с точки зрения возможности создания промышленной рабочей колонии».

Организаторами колонии были видные деятели рабочего движения, и они сразу же стремились придать колонии форму интернациональной помощи пролетариата стране Советов.

«Мы гарантируем Совету Труда и Обороне громадный отклик на этот проект со стороны революционных масс всего мира, большинство которых приедут на собственные средства и привезут запасы мелких орудий первой необходимости...» — говорилось в проекте организации индустриальной колонии.

Проект был лишь общей декларацией. Детальная же его разработка начнется в Совете Труда и Обороне и будет проходить под пристальным вниманием В. И. Ленина. В своих воспоминаниях Рутгерс потом напишет, что их план был поощрен В. И. Лениным.

А потом закипела работа. Совет Труда и Обороне, руководимый Лениным, 22 июня принимает постановление о промышленной эмиграции: «Признать желательным развитие отдельных промышленных предприятий путем сдачи их группам американских рабочих...»

Из своего, до предела загруженного трудового дня, В. И. Ленин выкраивает время для того, чтобы проследить за ходом дел будущей колонии. Письма, деловые встречи, подготовка решений...

Работа шла не только в Москве. В далеком Новониколаевске было известно об идее создания иностранной рабочей колонии.

28 июня возглавляемая Рутгерсом группа выезжает из Москвы в Кузбасс. Цель поездки — наметить район будущей колонии. Он будет в Кузнецком бассейне, который природа щедро наделила подземными богатствами. В Новониколаевске Рутгерс встречается с руководителями Сибревкома. Со-

бирается специальное совещание с представителями партийных органов и хозяйственных организаций. Сколько было горячих споров! 11 августа Сибревком снова вернулся к вопросу об организации колонии.

Сибревком приветствовал создание колонии, но сразу же поставил этот вопрос конкретно, по-деловому. Да, в Сибревкоме знали, что иностранные рабочие готовы помочь Советской России. Сибревком в решении записал, что он «...приветствует идею эмиграции американских и других рабочих в пределы Сибири вообще, в Кузнецкий бассейн — в особенности». Но знали и другое: среди тех, кто выдвигал и поддерживал создание колонии, были приверженцы анархо-синдикализма, особенно из членов организации «Индустриальные рабочие мира». А их представители были и в инициативной группе. Не случайно в первоначальный проект проникло претенциозное положение о том, что американцы создадут промышленную колонию, которая будет образцом всемирной организации рабочих. Ирмовцы намеревались включить в состав колонии значительно большую территорию, не имея на то ни достаточного опыта, ни средств. В проекте не подчеркивалось, что колония должна быть государственным предприятием. Было много общих фраз и недостаточно конкретных обязательств.

Позднее Рут увидит, как много вреда принесет подобная позиция. Сибревком снял налет синдикализма. Да, колония нужна, да, ей в интересах дела должна быть предоставлена автономия, свобода в организации производства. Но вместе с тем колония должна работать под руководством Сибревкома и хозяйственных организаций Сибири. Были уточнены и районы действия колонии. Рутгерс, заручившись поддержкой сибиряков, выехал в Москву, в Совет Труда и Оборона Сибревком направил письмо, в котором не только выражал свое согласие на организацию колонии, но и брал обязательства обеспечить подготовку к передаче колонии Кемеровского рудника и химзавода и предоставить строительные материалы.

Впоследствии Рут не раз слышала от Рутгерса, от его секретаря, Кальверта и других организаторов колонии, как много сделал В. И. Ленин для ее организации.

Вскоре после возвращения Рутгерса из Сибири его, Хейвуда и Кальверта принял В. И. Ленин.

19 сентября 1921 года Рутгерс вместе с Хейвудом и Кальвертом входят в кабинет В. И. Ленина. В. И. Ленин хорошо осведомлен о событиях. Он задает Рутгерсу несколько вопросов. И сразу чувствуется стремление В. И. Ленина к точности, конкретности: есть ли связи с инженерами, квалифицированными специалистами, есть ли средства?

Рутгерс стремится ответить Ленину с той конкретностью, которую требуют вопросы В. И. Ленина. Да, есть специалисты и рабочие. Они готовы поехать на работу в Советскую Россию, есть и средства. В этот же день В. И. Ленин пишет В. В. Куйбышеву.

«19.IX.1921 г.

т. Куйбышев!

У меня сейчас были

Рутгерс,

Кальверт

и Хейвуд;

представители группы американской рабочей колонии, желающей взять Надеждинский завод и ряд предприятий в Кузнецком бассейне.

Они просят, чтобы их представитель (с переводчиком) лично был в **СТО** в пятницу. Я думаю, это надо разрешить...»¹

Ленин в письме излагал требования организаторов колонии, их обязательства.

По-деловому решал Владимир Ильич все организационные вопросы. Вместо декларационных заявлений, которыми (Рут это хорошо знала) страдали ирмовцы, Ленин предложил четкий план будущей колонии, ее организационный статус. 25 октября 1921 года был заключен договор с коло-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, с. 203.

нией, и его организаторы Кальверт и Том Баркер¹ уезжают в Нью-Йорк — им предстоит сформировать первые партии колонистов.

Нелегкая предстоит работа. Правда, с весны 1921 года в Нью-Йорке действует комитет по организации группы рабочих и инженеров, желающих ехать в Советскую Россию. В комитете работают американские коммунисты. Но обстановка сложная. Усиливаются репрессии. Они направлены против компартии. Ее обвиняют в «связях с Москвой», всячески пытаются опорочить.

Но и в этих условиях надо донести правду о индустриальной колонии, о Советской России, о целях тех, кто едет в Советскую Россию.

Комитет приступает к изданию «Кузбасского бюллетеня». На его страницах статья Себальда Рутгерса. Журнал «Нейшн», буржуазный еженедельник «Воскресный мир», отдельные газеты Штатов приводят правдивые сведения о колонии. Это помогает. Популярность колонии растет. И вот настало время исполнения мечты, время выполнения обещанного... Уже отбыли в Советскую Россию три партии колонистов.

«Варшава», везущая четвертую партию, подходила к петроградскому пирсу. Американские колонисты, согласно договору, везли в Россию запасы продовольствия, инструменты для работы, одежду.

Чемоданы Рут и Франка, собранные заботливыми матерями, были неудобны и тяжелы. А когда начался таможенный досмотр, они все, и Рут едва ли не больше других, испытывали страшную неловкость перед служащими таможни, которые, казалось, оторопели от такого количества вещей и продуктов...

Когда таможенник поднял из чемодана меховое манто Рут, краска залила ее лицо. «Он думает, наверное, что я

¹ Баркер Том (1887—1970). Родился в Англии, в семье батрака. Активный член ИРМ. За революционную деятельность подвергался преследованиям. В 1921 году — делегат I конгресса Профинтерна.

буржуйка, — так ведь тут, кажется, говорят». Она просто читала это в глазах усталого таможенника. И тут она отчетливо ощутила, какая пропасть лежит сейчас между той ее жизнью, которая осталась за океаном, и этой, разрушенной, обескровленной, суровой страной.

Мужчины таскали багаж, женщины с детьми скопились на пристани, у груды вещей. «Варшава» спешила уйти сегодня же вечером, и поэтому все ее пассажиры оказались на берегу, когда надвинулась ночь.

Нужно было думать о ночлеге. Вокруг начальника таможи собралась группа наиболее деятельных мужчин, владеющих русским языком. Среди 135 человек было немало бывших эмигрантов, тех, кто возвращался в отчий дом, не найдя за океаном ни хлеба, ни свободы.

Начальник таможи, закончив свою работу, оказался не таким уж суровым. А возможно, что он уже с кем-то поговорил и узнал, для чего прибыли сюда эти люди. Лицо его смягчилось, подобрело.

— Что же мне с вами делать? — размышлял он вслух. — У реки ночь холодная, детишки замерзнут.

Местом первого ночлега приехавших из-за океана стал на советской земле старинный запущенный особняк.

— Настоящее олицетворение прошлого России! — восклицала Рут, взбираясь по ступенькам на второй этаж. — Полуразрушенный, заплесневелый, с грязью, скопившейся за два века. Все это надо переделывать, мыть, чистить.

Франк еле поспевал за женой, кляня про себя тех, кто построил дом с такими крутыми неудобными ступенями.

На втором этаже оказался огромный зал с балконом. Его окна выходили на Неву.

— Тут есть еще комната! — выбежала навстречу Она Прейкшас¹, двенадцатилетняя дочь Джона Прейкшаса. Она

¹ Анна Ивановна Прейкшас после ликвидации АИК «Кузбасс» осталась в СССР. Окончив Томский пединститут, работала преподавателем английского языка в Кемеровском пединституте. В настоящее время живет в Днепропетровске.

привязалась к Рут и спешила ей первой сообщить обо всем, что успевала узнать и увидеть за долгие часы пути.

Пока Франк размещал чемоданы, Рут вместе с Оной поспешила в соседнюю комнату.

— О, это настоящая шкатулка! — засмеялась Рут, оглядывая небесно-голубые стены, витые колонны и люстру. Окон в комнате не было.

— Здесь будут спать женщины и дети! — сказала Она. — Ведь их меньше. А мужчины — в зале.

Внизу, во дворе, все сгрудилось у костров. Необычность обстановки, русские песни, несущиеся с Невы, костры во тьме — было отчего взволнованно биться сердцам приезжих.

Стоя на балконе темного здания, Рут и ее спутники воображали себя на палубе огромного корабля, отправляющегося в неизвестные дали.

Пробуждение было нелегким. Тревожили перипетии долгого пути в Сибирь, проблемы питания в дороге. Женщины атаковали руководителя группы инженера Альфреда Пирсона, едущего с женой и детьми:

— Что мы будем сегодня есть? Нам негде готовить пищу.

— Где русские, которые должны нас провожать в Сибирь?

— Когда мы поедем дальше?

Пирсон как мог успокаивал их:

— Позавтракать можно хлебом и колбасой. Дайте на-чать день — все устроится.

Пирсон распорядился выделить часть денег из общего фонда, чтобы на рубли, полученные в результате обмена, купить что-нибудь из съестного на рынке.

В обмен на свои доллары Рут получила целую кипу бумажных денег.

— Ну, ты теперь еще и миллионерша, — подтрунивал Франк, намекая на вчерашнее смятение Рут перед таможенниками.

— Что мы купим? — Рут тщетно пыталась втолкнуть в сумочку свои миллионы. — У меня голова кружится от попытки сосчитать эти колоссальные суммы.

Вдоль всей территории базара тянулся ряд маленьких ларьков с провизией. Еды было очень мало. За три с половиной миллиона Рут купила восемь яблок, полфунта черного хлеба, немного моркови и две сушеных рыбины.

— Вот и лопнули твои миллионы, — смеялся Франк, когда они возвращались назад.

Днем всех перевезли в отель на Невском проспекте. Ласковое августовское солнце, наконец, прорвало пелену обычных для Петрограда туч, и в лучах его ярко сверкали купола, иглой вонзался в небо шпиль Адмиралтейства. Из окна дребезжащего, переполненного трамвая Рут смогла увидеть вблизи город, в котором родилась революция, расколовшая мир надвое, перевернувшая сознание многих людей ее страны, ее собственную душу. Город вступил в пятый год Советской власти. В облике Петрограда, как в зеркале, отражалась судьба Советского государства. На лицах пассажиров трамвая Рут видела следы озабоченности, деловой сосредоточенности. Не хватало хлеба, топлива. Многие промышленные предприятия были закрыты. Медленно, но упорно Петроград залечивал раны гражданской войны и интервенции.

Вот потому не только люди, но и сам город казался колонистам суровым и озабоченным.

Отель представлял из себя шестипэтажное каменное здание. Колонистам предоставили шестой этаж.

Вместе с другими женщинами Рут занялась распаковкой одеял для второго ночлега в Петрограде.

Все утомонились, а Рут и не пыталась уснуть. В первый день приезда, полный волнений и хлопот, она как будто и не вспоминала о своем мальчике, полуторагодовалом Джиме, оставшемся в Калифорнии. Мысли о нем неотступно преследовали Рут во время всего путешествия. И вот сегодня она опять мучает себя вопросами: права ли она, оставив мальчи-

ка на бабушек, пусть и нежно любящих своего внука, права ли, что добровольно лишила его — насколько, бог знает, — материнской ласки, материнского внимания?

Нет, большая цель не заслонила от нее ребенка. Но она верила, что в будущем взрослый сын поймет мать, которая не отказалась ради него от большого дела, а отправилась в страну революции за общим благом, на поиски себя — новой, деятельной, отважной.

Прибыл советский представитель, который должен был сопровождать колонистов в Кемерово. Теперь предстояло переправить из порта огромное количество грузов и снаряжения к поезду, чем и занялись все будущие колонисты. Заняты были все, и это помешало будущим колонистам, в том числе и Рут, рассмотреть Петроград как следует. Но видно было, что население города бедствовало.

— Что же мы увидим в Сибири? — спрашивала Рут Франка и, скрывая свои сомнения, внутренне экзаменовала себя: «Сейчас ты пока наблюдатель, пусть горячо сочувствующий и верящий в дело революции, но наблюдатель. Ты знаешь, что у тебя есть прочный тыл, что, согласно договору, тебя обеспечат всем необходимым, если ты захочешь вернуться домой. А смогла бы ты жить в этой стране, зная, что должна навсегда разделить с ней заботы и тревоги? Смогла бы отказаться от обеспеченности, сытого, благополучного быта, как отказывались многие из русских революционеров, порвавшие со своим классом?»

У себя дома Рут без колебаний ответила бы на эти вопросы. Здесь, когда она увидела вблизи не столько романтику, сколько прозу и будни революции — без демонстраций, гимнов и пламенных речей, — Рут не решалась ответить себе.

Глава II

«Дорогая Мелли! Вечером в грозовую погоду наш поезд оставил Петроград...

Наш поезд мы зовем «Максим Горький». Ты ведь зна-

ешь, что этот писатель много путешествовал по стране. В составе нашего поезда 19 товарных вагонов. В нескольких из них устроены нары, а в остальных еда и вещи. Света нет, пользуемся свечами. Воду приходится кипятить. Жажду утоляем только кофе. Есть у нас вагон-прачечная с ваннами для стирки мылом и горячей водой. В специальном вагоне-кухне повара готовят еду. Первое время печь дымила, как при большом пожаре, и было жалко поваров, по лицам которых текли слезы. Надеюсь, что в будущем году для путешествия в Кемерово будут специальные вагоны-кухни и столовые. На больших остановках мы выстраивались у вагона-кухни, чтобы получить пищу».

Рут писала и думала о том, как и когда письмо это попадет за океан, в Америку, к ее приятельнице Мелли Кальверт, жене одного из авторов идеи АИК Герберта Кальверта. Представляла, с каким интересом прочтет Мелли письмо, как будет рассказывать о нем членам ИРМ в Нью-Йорке: «Читайте, читайте! — скажет Мелли. — Рут писала это из самого сердца России».

Рут понимала, как важно было донести до Америки правду о Советской России. Выпужденные отказаться от интервенции, правящие круги США по-прежнему не признавали Советскую республику. В Америке не прекращался поток книг и брошюр, в которых говорилось о непрочности советского строя, о непреодолимых трудностях, переживаемых Россией.

В 1922 году министр Гувер самодовольно заявил, что в России социализм скомпрометирован, что там происходит чудовищная катастрофа.

Рут решила, что будет писать в Америку обо всем, что она видит, что с ней произойдет, писать честно, правдиво, как это делали Джон Рид и Альберт Рис Вильямс.

Состав группы, с которой приехала Рут, более соответствовал условиям договора, чем первые группы. По договору в Россию должны были ехать передовые квалифициро-

ванные рабочие. А среди тех, кто приехал в Кузбасс весной, было немало случайных людей.

В условиях кризиса в сельскохозяйственном производстве и в угольной промышленности США без работы остались тысячи сельскохозяйственных рабочих и чернорабочих с шахт. Среди них особенно много было иностранных рабочих: венгров, поляков, югославов, украинцев. Многие из них являлись членами ИРМ. Да и в организационном комитете было велико на первых порах влияние ирмовцев. Ведь сам «Большой Билл» подписывал вместе с Рутгерсом проект договора о создании АИК.

С самого начала организаторы АИК решили вербовать рабочих для Кузбасса среди коммунистов и членов ИРМ. В Кузбасс потянулись многие члены ИРМ. Особенно много их было в составе первой группы колонистов. Их привлекала сама идея создания рабочей колонии в стране без капиталистов, без эксплуатации. И, пожалуй, не было у этой идеи, на первых порах, более восторженных и горячих приверженцев, чем «уоббли».

В 20-е годы коммунисты Америки часто выступали вместе с ИРМ. В отличие от соглашательской тактики американских профсоюзов, входивших в Американскую федерацию труда, члены ИРМ участвовали в стачках, забастовках.

Но в то же время идеологи ИРМ не понимали необходимости бороться за диктатуру пролетариата, за политическую власть рабочих. Во взглядах ирмовцев было немало анархизма. Это впоследствии не раз осложняло обстановку в Автономной индустриальной колонии «Кузбасс», мешая подчас решению чисто производственных проблем, сказывалось на эмоциональном «микроклимате» АИК, на взаимоотношениях в этом сложном многонациональном коллективе.

«Рабочий класс и класс предпринимателей не имеют ничего общего», — провозгласил первый учредительный съезд ИРМ. ИРМ выступала против сотрудничества с буржуазией, за объединение рабочих без различия профессий, квалификации, национальной и расовой принадлежности. Члены ИРМ

были людьми, в большинстве своем преданными делу рабочего класса, неутомимыми борцами с несправедливостью.

Рут устраивала демократичность ирмовцев, эмоциональность, презрение к авторитетам, любовь к дискуссиям, спорам.

Большинство ирмовцев, ехавших в Советскую Россию, искренне хотели помочь восстановлению хозяйства страны. Но не все из них представляли себе истинный характер нового предприятия и хотели видеть в АИК одну из тех полуанархических промышленных колоний, содружество которых они мечтали установить во всем мире.

Встретившись в Кузбассе с необходимостью подчинения партийным и хозяйственным органам Советского государства, одни из них решили уехать, другие отстаивали свои принципы, чем в значительной степени мешали работе колонии. Кроме того, оказалось, что среди колонистов первой группы было мало квалифицированных рабочих и специалистов.

Сигналы о том, что в подборе колонистов есть серьезные упущения, стали известны Рутгерсу. Была проведена перестройка организационного комитета в Нью-Йорке, к его работе привлечены коммунисты.

В составе второй, третьей и особенно четвертой групп было уже больше квалифицированных рабочих и инженеров. Но и в них были те, кто не обладал нужной для колонии специальностью.

Рут тоже не могла похвалиться тем, что она владеет профессией, нужной России. Да, она закончила университетские библиотечные курсы, она отличная стенографистка, секретарь. Но достаточно ли этого для того, чтобы оказаться нужной в Сибири? Или Франк Грунд. У него тоже далеко не героическая профессия: пекарь-кондитер, вчерашний мойщик посуды в ресторанах побережья. Неужели он займется в Кузбассе кексами и пирожными? Ясно, что он отправится в шахту и будет добывать уголь. Но когда еще к нему придет квалификация? А рабочей силы, надо полагать, в Кузбассе и без Франка Грунда достаточно.

Однако большая работа, проведенная Рутгерсом и Нью-Йоркским комитетом, давала себя знать. В составе новой партии были и крупные специалисты, квалифицированные рабочие. И среди них инженер А. Пирсон, за плечами которого был большой опыт работы на шахтах в Пенсильвании, высококвалифицированные техники, такие, как Прейкшас, специалисты коксового производства (Николов и др.).

«Что же буду делать в Сибири я? — думала Рут. — Знаю только, что не буду бездельничать, прятаться за спины других. Я умею работать и буду делать все-все». Она просто была уверена, что не сбежит из Сибири, как сбежали уже через несколько недель некоторые любители приключений. Те ждали распростертых объятий и благодарностей за то, что соизволили осчастливить Сибирь своим прибытием, а у них спросили: что вы умеете делать, умеете ли переносить трудности, отсутствие жилья и сибирский холод? Тогда они обвинили руководителей колонии в обмане и срочно потребовали возвращения на родину. Чтобы оправдать такое поспешное возвращение, надо было что-нибудь придумать — вот они и клеветали на Россию и АИК как могли. Оказаться среди таких «рыцарей на час»? — Рут передергивало от одной этой мысли. Нет, она не допустит, чтобы кто-то смеялся над ней и над идеей, которая сейчас влечет ее в далекую Сибирь.

— Рут, можно к вам? — заглянула в куше Она Прейкшас. Она все старалась чем-нибудь помочь Рут, которая в пути вела всю секретарскую работу. А работа эта была обширной. Ведь происходило не просто переселение группы людей, в которой один не зависел от другого, а перемещался большой коллектив, связанный и моральными, и материальными узами. Рут была единственным человеком, который вел подробнейшие записи — дневник путешествия с первого его дня.

— Что, Она, соскучилась? — Рут обняла девочку. Двенадцатилетняя Она выглядела старше своих лет, была крупной, рослой. Вместе с Оной ехали в Сибирь два ее брата,

долговязые и неразговорчивые Эмиль и Юджин. Оне было скучно с ними. Ведь Эмилю исполнилось всего лишь 10, а Юджину и того меньше — 8 лет.

Она целыми днями вертелась около Рут — закладывала кошку между листами, разбирала то, что уже было напечатано. В вагоне постоянно стоял шум — это носились дети, сбивая с ног взрослых, крича и ссорясь.

Рут часто приходилось видеть занятого и озабоченного отца Оны — Джона Прейкшаса. Он, как и Франк Кеннел, был членом оргкомитета по обслуживанию всей группы в пути от Петрограда до Кемерово. От этого человека веяло скрытой силой. За плечами Джона Прейкшаса были годы пребывания в компартии США, годы нелегкой борьбы за права рабочих.

— Она, расскажи мне, почему твой отец решил поехать в Россию?

— Потому что его хотели убить.

— Кто? За что?

— Я не знаю, но мама очень плакала в последнее время и все громко разговаривала с папой. Однажды утром мама нашла под дверью записку. Там было написано, что, если папа не уберется с рудника Кемитон в 24 часа, то его обольют смолой, обсыпят перьями и посадят на кол. Представляете, как нам было страшно? Я рада, что мы уехали оттуда. Нашу улицу называли большевистской — мы все старались помочь России, когда здесь произошла революция.

— «Мы»?.. Ты-то что могла сделать?

— Ого! Я стояла на карауле во время сходок. Когда стали собирать деньги в помощь России, я тоже ходила по домам, участвовала в постах у кинотеатров, в концертах с аукционами, лотерейные билеты продавала, значки. В школе меня называли большевичкой, а учительница говорила: «Если бы не было революции, люди бы в России не голодали теперь, а тебе с твоими «революционерами» не пришлось бы бегать и собирать гроши». — и показывала ученикам газеты, в которых большевиков рисовали чудовищами — вместо во-

лос на голове кишат змеи, глаза вылезли из орбит, а изо рта крест-накрест торчат кинжалы.

— Знаю, знаю,— смеялась Рут.— Ты и на самом деле маленькая большевичка.

— Я стану настоящей большевичкой, как только приеду в Сибирь.

Слушая Ону, Рут думала, как похожа девочка на своего отца, горняка-эмигранта, одного из тех, кто ехал в Россию не за приключениями, а с одной целью: работать, работать и работать для своего класса.

Такие люди, как Джон Прейкшас, выделялись в общей массе, Рут знала, что каждый из коммунистов приехал в Россию с зашитым в подкладку пиджака кусочком красного шелка. И это было как пароль, как свидетельство верности идеалам революции.

У Рут такого пароля не было. Но по строю мыслей своих и убеждений она во многом была очень близка к тем коммунистам, которые уже начали свою работу в Сибири.

В рассказе Драйзера, который, по словам Рут, совпадает во всем с фактами ее реальной биографии, есть одна неточность: Эрнита названа американской коммунисткой. Видимо, для Драйзера было само собой разумеющимся, что женщина с такими взглядами не может не быть членом коммунистической партии. Многозначительная неточность, с которой Рут не приходило в голову спорить!

Глава III

Тот, кто читал «Эрниту», мог бы сверить «досибирский период» биографии Рут в изложении Драйзера с тем, что рассказывает о себе сама Эрнита-Рут Кеннел в письме в Кемерово от 1 марта 1969 года. Она пишет, что родилась в Оклахоме, в семье, рано лишившейся отца. «Моя мать осталась с четырьмя маленькими детьми, которых надо было ставить на ноги. Мое детство, понятно, было не очень счастливым,

хотя мать моя для своего времени была культурной женщиной — она закончила учительский колледж...»

Рут Кеннел рассказывает о своем поступлении в школу в Калифорнии, куда они впоследствии переехали: «По окончании школы я работала и изучала библиотечное дело. Так я стала детским библиотекарем в крупной библиотеке г. Ричмонда».

«Тем временем,— продолжает Рут,— я вышла замуж за Франка Кеннела. Это было в 1917 году, когда США вступили в первую мировую войну. Мы выступали против участия нашей страны в войне, в чем я сошлась со своей матерью, которая верила в социализм столь же страстно, как и я».

А это уже Драйзер:

«Эрнита и ее мать прочли немало книг по политическим и социальным вопросам, они были глубоко убеждены в том, что война всего лишь результат грубого и жестокого соперничества между капиталистическими державами, которые преследуют чисто материальные выгоды, и что Англия, Франция и Россия ничуть не лучше Германии, если не хуже.

На этой почве у них происходили ожесточенные споры с Леонардом, который собирался даже пойти добровольцем на фронт, чтобы спасти демократию».

Драйзер приводит в «Эрните» любопытную деталь. На самой заре семейной жизни Эрниты мать Леонарда (Франка Кеннела), всегда очень внимательная к настроениям молодоженов, оставила однажды им на кухонном столе записку: «Дорогие дети, яйца и масло в холодильнике, кофе и сахар в буфете. Будьте счастливы и не спорьте о войне».

Рут, а затем под ее влиянием и Франк, стали встречаться с противниками войны. «Сначала это были члены Народного совета борьбы за демократию и мир — организации, которую усиленно преследовали «стопроцентные американцы», безоговорочно стоявшие за войну, а потом члены социалистической партии, считавшейся в Америке еще более вредным сообществом», — продолжает Драйзер.

Его рассказ дополняет Рут:

«За выступления в проповедях против войны Франк был уволен с работы. Это было трудное для нас время. Мать также уволили за антивоенные высказывания, и нам ничего не оставалось делать, как поехать в Пало-Альто, купить там акр земли и начать разводить кур, продавая яйца через кооператив. Затем Франк устроился клерком в методистском книжном объединении, и мы переехали в Сан-Франциско...»

Рут рассказывает о вступлении в Народный дом, который стал центром сосредоточения всех радикалов и особенно «уббли». Тогда Рут казалось, что единственная организация, которая может сделать что-то реальное для рабочих,— это ИРМ.

Началась работа в Народном доме, объединявшем противников войны, сторонников Советской России — социалистов, анархистов, членов ИРМ. Рут была секретарем Народного дома, днями и ночами она была занята в его библиотеке, школе, театре.

О боевой поре работы в Народном доме, предшествовавшей решению поехать в Россию, Рут Кеннел пишет так:

«Полиция регулярно проводила в Народном доме обыски, арестовывая всех, кого заставляла в нем, как бродяг, хотя все эти люди работали в ночную смену. Их увозили в тюрьму, и они долго томилась там, прежде чем мы могли их выволочь. В разгар эпидемии гриппа «удобным поводом» для арестов было отсутствие на ком-то из нас марлевой маски.

Мы ставили в нашем маленьком театре пьесы Шоу, антивоенные пьесы о рабочих. Полиция успевала и тут.

У нас была русская чайная, в ней бывало много русских, которые принадлежали к нашему Народному дому. Я помню день, когда пришли радостные вести о революции в России. Все столпились в чайной и произносили тосты с чайными чашками в руках. Гремели революционные песни».

Продолжает Драйзер: «Тем временем произошла русская революция,— «Десять дней, которые потрясли мир»,— и Эрнита увидела в ней как бы дар небес, разрешивший все ее

социальные запросы. Победа Ленина! Теории Маркса! Освободить мир от капиталистического гнета! Снять ярмо с простого человека! Советская Россия казалась ей тогда маяком свободы, образцом новых спасительных социальных верований. Ее взор обратился к Москве, к Ленину и его гигантскому делу».

А это слова Рут: «1919 год. Преступный закон¹, вменяющий в вину даже распространение книг, защищающих синдикализм. Однажды ночью, когда я закрывала штаб, сержант полиции сообщил по секрету, что есть ордер на мой арест. Я была в это время беременна. Пришлось уехать к матери на ферму. Между тем некоторые из наших товарищей были арестованы, их допрашивали по поводу «преступного синдикализма». Мне пришлось появиться в суде, чтобы дать показания в их пользу. Им дали разные сроки заключения в Сан-Квентинском исправительном доме. Директора нашего дома судили за распространение синдикалистской литературы. В суде я показала, что только что в библиотеке свободно получила книгу, излагающую конституцию «уоббли». Адвокат пустил книгу по рядам. Это помогло оправдать директора».

Потом пришли известия, которые изменили всю нашу жизнь. Мы узнали об организации групп рабочих и техников, которые ехали в шахтерский город в Сибирь, чтобы помочь завершить строительство химзавода и пустить шахты.

Нас захватила идея помощи русской революции, но я боялась оставить сына, хотя бабушка соглашалась взять его воспитание на себя. Мама даже вызвалась поехать вместе с нами. Борьба между гражданской совестью и материнской любовью продолжалась много дней. В конце концов победи-

¹ Закон, принятый американским конгрессом в октябре 1918 года. По этому закону предусматривалась высылка всех иностранцев, заподозренных в антиправительственной деятельности. На основании этого закона в США проводились частые аресты иностранных, а иногда и американских рабочих.

ло мое желание использовать эту редкую возможность помочь новой России.

Для меня было настоящей пыткой в последний раз уложить ребенка спать. С комком в горле я пела ему о «тихом нежном ветре с западной стороны»... Ночью меня разбудил плач Джима. Его лицо горело, как в лихорадке. Он успокоился на моих руках.

В ту ночь, когда мы уезжали из Сан-Франциско, я перебудила всех пассажиров своим плачем».

Поезд тронулся. Начинался путь в Советскую Россию, путь, который казался великолепной возможностью не только говорить и спорить о великих делах, но и попробовать вершить их, помогая своим трудом укреплению первого в мире государства трудящихся.

Глава IV

«Поезд подъезжал к Волге — продолжает повествование Рут Кеннел. — С полей был уже убран урожай. Ближе к Уралу потянулись холмы, поросшие соснами и елями...

Понедельник. 14 августа. Мы простояли все утро в большом городе Вятке. Идет дождь. Мрачный, холодный день. Этот дождь сильно помешает уборке пшеницы. Тов. Никитин продиктовал письмо в Кемерово для Рутгерса.

Вторник. 15 августа. В полдень мы переехали Волгу по большому мосту, который был частично разрушен Колчаком и восстановлен теперь. В Пермь мы прибыли к пяти часам.

Среда. 16 августа. Я окончила печатать и собирать бумаги для Никитина, который оставляет нас в Екатеринбурге. В три часа дня мы прибыли туда. Екатеринбург — большой город на Урале. Мы попрощались с Никитиным. Он вернется в Петроград, чтобы сопровождать следующую группу.

Четверг. 17 августа. Завтракали в Тюмени. Видели небольшой белый дом, принадлежащий местному Со-

вету. В садике домика стоял красный деревянный монумент с большевистской звездой. Монумент воздвигнут в честь защитников революции. Тут же стоял бюст Карла Маркса на мраморном постаменте.

Пятница. 18 августа. Местность становится монотонно ровной, очевидно, это животноводческий район. Больше остатков военных укреплений, траншей.

Суббота. 19 августа. Ночью мы медленно двинулись... Шел дождь, и все выглядело серым и скучным. Мы подъезжали к Омску, бывшей резиденции Колчака.

Понедельник. 21 августа. Утро застало нас за Омском. Наш состав стал толкать паровоз «Красная звезда», один из тех, что побывали под огнем в этой войне.

Вторник. 22 августа. Стояли час в Барабинске, послали телеграмму Пирсону, который отправился в Кемерово через Москву, сообщая ему, что дети здоровы и что скоро мы встретимся.

Четверг. 23 августа. В 6.30 прибыли в Новоиколаевск. После завтрака пошли на почту в город. Длинная очередь выстроилась перед зданием Красного Креста в ожидании хлеба. Я заметила, что в каждом городе свой особенный запах, который можно назвать «русским». Сегодня я поняла, что это запах русского табака. Мужчина предлагал медвежью шубу за сорок миллионов рублей (около десяти долларов)...

Встретивший нас представитель АИК сказал, что у каждого будет дом, хорошая пища и т. д. Вечером было заседание техсовета, а мы с Анной Пирсон вышли на платформу и наблюдали за чудесным закатом. Местность снова становилась приятной, с небольшими холмами».

Глава V

Через пятнадцать лет Рут Кеннел так опишет прибытие группы колонистов в Кемерово в своем романе «Товарищ

Костыль», посвященном жизни и быту колонистов в Кузбассе:

«Был жаркий августовский день. Река, один из притоков Оби, которая течет в океан, делила город надвое. На левом берегу, где они стояли, была железная дорога и химзавод. На правом, на горах, были угольные шахты, магазины, конторы, разбросанные в лесу. Главный управляющий АИК с несколькими американцами встречал их на вокзале. Отец Давида (одного из героев романа — Н. К., Е. К.) указал на полного высокого мужчину с одним глазом, одетого в косоворотку, расстегнутую на волосатой груди. Это был Билл Хейвуд¹, один из руководителей «Индустриальных рабочих мира».

Поехали через равнину к холмам, миновали серое каменное здание конторы и центрального управления шахт, откуда тянулась канатная дорога.

Они увидели свой дом, выглядевший довольно внушительно и современно в окружении приземистых домишек...»

Рут очень обрадовало то, что город оказался на берегу реки, на холмах, поросших лесом.

Томь неслась мимо парома, холодная даже на вид, несмотря на жаркое солнце.

— А пляжей здесь нет,— Рут смотрела на темную гальку, сплошь покрывшую речные берега.

— Зато посмотри туда,— Франк показал на виднеющийся вдали остров, удивительно желтый среди общих серо-зеленых тонов.— Сколько там купающихся! Чем не наше побережье в Калифорнии?

На склоне холма, к которому они подплывали, расположилось множество палаток.

— Неужели нам придется в них жить? — в голосе Рут, вместе с понятным испугом, была отчаянная готовность пойти и на такое «испытание». — Как это должно быть роман-

¹ Б. Хейвуд летом 1922 года, до приезда С. Рутгерса, возглавлял организационную группу в Кемерове.

тично — пионеры освоения Сибири среди бушующих снегов!

— Положение здесь довольно острое, — заметил инженер Пирсон. Он, успевший загореть за те несколько дней, на которые опередил их поезд, сегодня встречал свою жену и детей. — Организация дела пока плохая, дисциплина тоже слабая. Не хватает мест в домах, многие, если не большинство, живут в палатках.

— Но вы не жалеете, что приехали сюда? — спросила Рут.

— Разумеется, нет. Со временем, я думаю, все устроится должным образом.

— Где же будем жить мы? — спросил Франк, помня и об оставшихся на ночь в поезде товарищах по путешествию.

— Мы возьмем вас к себе. У нас две комнаты.

Через день, когда улеглись волнения, во дворе конторы собрались все колонисты. Сидели и стояли группами по десять-двадцать человек. Рут впервые увидела их вместе — настоящий интернационал на русской земле: хмурые, будто бы всем недовольные финны, гордые голландцы, степенные и педантичные немцы, черноглазые веселые югославы, шумные, бесцеремонные американцы. До Рут дошли слухи о том, что отношения с финнами у руководства колонии налаживаются с трудом. Немалую роль в этом сыграла языковая разобщенность — финны не владели английским языком, которым пользовались колонисты. Отсюда их недоверие к администрации, обида на то, что в правлении не было их представителей.

Больше всех шумели ирмовцы, которых было понемногу во всех группах.

Рут уже знала, что ирмовцы требовали передачи решения всех вопросов рабочим собраниям. Они всячески стремились ограничить деятельность правления АИК, отрицательно относились к «власти» главы правления Рутгерса.

Билл Хейвуд с трудом навел общую тишину.

— Товарищи! — начал он. — Мы можем сегодня приветствовать четвертую группу наших соотечественников, при-

бывших в Сибирь за тем же, за чем прибыли и мы. Приветствуем их на этой земле!

Хейвуд и сам, видимо, был не особенно уверен в ответном энтузиазме. И не ошибся. Вместо аплодисментов со всех сторон понеслось:

— Долго они еще будут слать сюда людей? Нам самим негде жить, а тут опять целый состав!

Билл пытался утихомирить крикунов.

— Товарищи! Скоро мы начнем, наконец, работать, как подобает истинным пролетариям-интернационалистам.

— А мы, по-вашему, не так работаем? — кричал кто-то из бывших американских лесорубов-сезонников. — Вы обеспечили нас инструментами? Вы дали механизмы?

— Ишь, раскричались, и не поймешь, чего, — ворчал, стоя рядом с Рут, какой-то мужчина, одетый в подпоясанную ремешком косоворотку. Она не понимала, что он говорит. А русский шахтер, обитатель одного из расположенных поблизости деревянных барачков, пришедший на шум, отходя ворчал:

— Ишь, раскричался! Нет, чтобы за дело взяться...

А «уоббли» продолжали кричать:

— Понавезли боссов! Их и в Америке сколько угодно. Мы для того и ехали в Россию, чтобы самим быть хозяевами!

— Прежде чем быть хозяевами, надо научиться подчиняться! — не выдержав, тоже стал кричать Хейвуд. — Иначе ваших хозяйских распоряжений никто не захочет слушать!

Рут охватило чувство досады, злости на этих крикунов, которые мешали выяснить до конца сегодняшнее положение дел, а это ведь так важно для любого из них, вновь прибывших. Ей даже стало страшно на мгновение: оказывается, «уоббли», те, что приехали раньше, еще ничего не сделали. Общая цель пролетариев-интернационалистов здесь в ее конкретном выражении, не всеми колонистами была понята.

Бурное и бесполезное, по существу, собрание закончилось. Рут, Франк и Альфред Пирсон шли по осеннему лесу к сво-

ему дому. Закат докрасна обуглил стволы, густая трава опутывала башмаки, манили в глубь леса незнакомые Рут поздние сибирские цветы.

— Некоторые из наших людей считают, что уже только за то, что они согласились поехать сюда, их надо нежить на пуховиках и осыпать благодарностями. Приехать — что может быть проще. Работать, и вдвое производительнее, чем неквалифицированные русские шахтеры, — это куда трудней.

— Скажите, Альфред, — обратилась Рут к Пирсону, — от чего же все зависит? Какие перспективы есть, если они действительно есть, у колонии?

Рут знала, что Пирсон квалифицированный горный инженер. В Сибирь Пирсон приехал движимый не столько высокими идеями, сколько желанием заработать. Но, как видно, идея «Кузбасса» увлекла и его. О нем, Альфреде Пирсоне, Рутгерс позже упоминал в письме В. И. Ленину: «Приехал также один очень дельный американский горный инженер, Альфред Пирсон, имеющий большой опыт практической работы в Америке. Американские горнорабочие... теперь самостоятельно работают в одном из рудников под руководством инженера Пирсона».

Пройдет немного времени, и на страницах американского журнала «Coal age» появится статья под названием «Угольная промышленность Сибири делает успехи, считает американский инженер». Автором этой статьи будет Альфред Пирсон.

Через Рутгерса Пирсон безусловно был хорошо осведомлен об экономическом обстановке и хозяйственных задачах Кузбасса. Шел второй год восстановительного периода. С большим напряжением удалось решить топливную проблему. Но лишь частично: железные дороги Сибири получили кузнецкий уголь. Однако уровень, достигнутый в эти годы, был недостаточен, да и неустойчив.

А между тем нужда в угле возрастала. Началось восстановление уральской металлургии, был решен вопрос о необ-

ходимости строительства в Кузбассе металлургического завода.

Восстановление металлургической промышленности повышало спрос на кокс. В едином народнохозяйственном плане Сибири указывалось, что на Кузнецкий бассейн возлагается: «...изготовление в широких размерах кокса в Кемерове и снабжение им Урала».

Для осуществления этого в плане предусматривалась стройка Кемеровского завода¹, который бы на месте перерабатывал значительную часть угля.

Рут, Франк и Пирсон, остановившись, смотрели на завод на противоположном берегу, от которого не поднималось ни дыма.

— Проекты его были составлены французскими и бельгийскими инженерами, а строили австрийские военнопленные и в последнее время — русские из Донбасса. Завод жизненно необходим для индустриализации страны и особенно Сибири, но он остается незаконченным. И наша задача — завершить его строительство.

В своем отчете о первом году пребывания в Кузбассе для нью-йоркского еженедельника «Нейшл», с которым Рут договорилась перед отъездом о регулярном сотрудничестве, она писала об этих трудных днях, полных чисто бытовых хлопот:

«Когда мы прибыли, все комнаты, кроме трех, были заняты, включая кладовые и ванны, многочисленными русскими семьями. Потом они переехали в другие помещения, осталась только одна русская семья. Старуха из этой семьи рассказывает о страшных днях, когда колчаковские войска опустошали этот район. Сражения происходили на реке. Многие инженеры и технические работники были искалечены или убиты колчаковцами.

Пищи достаточно... Всем начинает даже нравиться черный хлеб. Тот, кто предпочитает готовить сам, получает паек

¹ Речь идет о коксохимзаводе.

на десять дней. Мыло и табак выдаются раз в месяц. Все члены колонии, кроме матерей с маленькими детьми, должны делать полезную работу. Взамен рабочие получают пищу, квартиру, и некоторые — зимнюю одежду. Коммунальная прачечная может еженедельно выстирать десять единиц белья для каждого рабочего. Сапожная мастерская ремонтирует обувь. Мы живем без денег очень хорошо.

Русские — ...веселый, дружелюбный народ».

Глава VI

Еще в Америке, перед отъездом, Франк и Рут думали о том, чем займутся в России, какая польза будет стране от их труда.

— Тебе проще, — говорил Франк, — ты и библиотекарь, и машинистка, и секретарь. Мне будет труднее.

Он к тому времени закончил трехгодичный курс в коммерческом учебном заведении и получил диплом экономиста. Впоследствии, уже освоившись, Франк участвовал в создании новой системы калькуляции на кемеровских шахтах.

Но вначале была тревога, страх оказаться «не на высоте» и, не найдя точки приложения сил, превратиться в таких же крикунов, каких здесь было немало.

Устроившись, Рут сразу обратилась к главному директору Рутгерсу с просьбой дать ей работу. Рутгерс приехал сюда двумя неделями раньше.

— Вам, конечно, хочется двигать горы и наблюдать своими глазами, как этот край прямо-таки на глазах расцветает от вашего энтузиазма? А пошлю я вас, разумеется, в контору. Там сейчас у вас будет не так уж много дел. Но скоро, я думаю, все изменится. Я собираюсь в Москву с докладом и предложениями.

Так случилось, что, не будучи непосредственно связана с производственной деятельностью колонии, Рут была в курсе всех ее дел. А в делах колонии было немало сложностей.

Колония только что создавалась, и продолжало сохра-

няться смешанное руководство «Кузбасстреста» и АИК «Кузбасс». Это подчас затрудняло принятие срочных решений, вносило всякие недоразумения.

Отношение основной массы русских рабочих к приезжим было доброжелательным. Еще в мае 1922 года, когда стали прибывать первые партии колонистов, на Кемеровском руднике состоялось специальное собрание рабочих.

«...Рабочие Кемеровского рудника,— говорилось в резолюции собрания,— приветствуют товарищей американцев и выражают полную уверенность, что русские и американские рабочие пойдут рука об руку в совместной работе...»

Но на руднике оставались старые специалисты, работники бывшего акционерного общества «Копикуз», которые всякое новшество, принятое новой властью, встречали настороженно. Так же настороженно, даже враждебно, отнеслись они и к самой идее создания АИК «Кузбасс», и к приехавшим иностранным специалистам.

На дворе уже стояла зима, первая русская зима для большинства колонистов. Рут не могла удержаться от смеха, увидев Пирсона в «русском» одеянии — на нем была черная меховая шапка, тулуп, огромные меховые рукавицы, черные валенки.

— Вы похожи на демона! — смеялась она. — Только в зимнем варианте. А ваша борода этот портрет великолепно довершает.

— Нечего смеяться, — отвечал Пирсон. — Сами наденете то же, что и я, не сегодня, так завтра.

— Да я и не спорю! Франк получил и для меня этот набор.

Порой Рут завидовала тем, кто работал в многочисленных мастерских, на шахте или на строительстве завода. Они знали непосредственно свой труд и были уверены, что тот, кому это положено, правильно его учтет, требовали инструмент, материалы — и ждали выполнения своих законных требований. Здесь же, в конторе, пужно было свести воедино эти отдельные запросы, требования, всегда быть готовыми

отобразить полную картину жизни колонии. Это было не просто.

Рутгерс уехал в Москву в начале октября. Рут и многие колонисты знали, с чем связан отъезд Рутгерса.

Договор, первоначально заключенный между представителями иностранных рабочих и Советским правительством, требовал уточнений и изменений.

В. И. Ленин не переставал интересоваться делами АИК. 20 октября он запросил справку о состоянии дел в колонии.

Составляя ответ В. И. Ленину, Рутгерс мысленно подводил итоги... Многое оценил по-новому. Ясно было, что колония должна бросить все силы на решение производственных задач. С горечью вспоминал Рутгерс о чрезмерном пропагандистском духе деятелей из ИРМ. Им нужен был эксперимент, подтверждающий их социальную утопию — рабочую колонию, управляемую самими рабочими, без «боссов», без администрации, без приказов. Собрание решает все. А Рутгерс уже знал цену этим шумным собраниям.

Весь ноябрь и декабрь в Госплане, Совете Труда и Обороне решался вопрос о деятельности АИК, и вот, наконец, 25 декабря 1922 года Совет Труда и Обороне утверждает договор.

Прежде всего подчеркивается цель создания АИК «Кузбасс» — развитие угольной и металлургической промышленности в Сибири и на Урале.

Колония будет советским государственным предприятием. Это не какой-то оторванный от реальной почвы образец. Это прежде всего промышленное предприятие, подчиненное СТО. Самостоятельность и автономия сохранялись. Но договор дал четкое обоснование автономии. Это не то, чего ждали ирмовцы, не свобода от администрации, не воплощение анархо-синдикалистских идей. Договор ясно говорил о том, что свобода действий предусматривается лишь по внутренней организации и нужна она для быстрого «...введения новейших методов производства...»

Опыт нескольких месяцев показал, что колония не мо-

жет замкнуться в узких рамках «автономии». Жизнь сама доказала необходимость широких связей со всеми организациями.

После отъезда Рутгерса, едва успев перепечатать ему материалы, переполненная впечатлениями Рут пишет корреспонденцию в «Нейши».

«5 октября Рутгерс уехал в Москву, чтобы предоставить советскому правительству доклад. Будущее Кузбасса зависит от их решения... Россия получит от нас многое... Мы построим современную горную промышленность.

Романтический период... закончился».

Рут была права. Начинались трудовые будни. Новый договор, утвержденный в Москве, четко оценил реальную обстановку. Уточнялся район действия колонии — Кемеровские копи; число иностранных рабочих, которые должны были составить иностранную часть колонии, ограничивалось до тысячи.

Шел второй год нэпа, и в договоре ясно подчеркивалось, что с прежней оплатой труда в виде натуральных расчетов должно быть покончено.

Но значит ли это, что «кузбасский эксперимент», как иронически величали колонию ее недруги, потерпел крах? Нет! Советское правительство по-прежнему ценило стремление иностранных рабочих помочь пролетарскому государству и видело в колонии предприятие, где в единое сливаются практические задачи Советского государства с интернациональным долгом трудящихся всего мира...

Вот почему Советское правительство подтвердило все свои обязательства в отношении АИК и даже расширило их — АИК «Кузбасс» было ассигновано 2 миллиона рублей золотом. Из них — 500 тысяч отпускалось в американской валюте. На них правление АИК могло заказать необходимое оборудование для шахт и завода.

Журнал «Нейши» публикует статью Рут, и с тех пор на протяжении трех лет, проведенных ею в АИК, на его стра-

ницах будут регулярно появляться корреспонденции, рассказывающие американцам правду о колонии.

Одну из таких статей Рут назовет «Новая Пенсильвания». И это название будет не случайным. В этой же статье она напишет о том, что АИК будет создавать не Атлантиду, а новую Пенсильванию¹.

Глава VII

Приближался конец декабря. Впервые Рут и Франк встречали Новый год вдали от родины. Этот яркий, всегда особенно радостный праздник как нельзя лучше подходил к Сибири — к ее снегам, морозам и лесам. У себя дома Рут бегала бы сейчас по магазинам, закупая шампанское и лакомства. Здесь, в Кемерове, надо было крепко подумать, чем компенсировать отсутствие этого. Ну, торт испечет прославленный кондитер Грунд. Ему даже приятно будет после физической работы в забое перебрать свои рецепты и начать втайне, как он любит, колдовать над каким-нибудь чудом кондитерского искусства. А вот шампанское придется заметить русской водкой.

— Ты помнишь, как мы праздновали свадьбу Джима? — оторвалась Рут от пересчета бесчисленного вороха русских денег. Завтра с утра она собиралась в кооператив. — Чем не банкет? Особенно эти соленые помидоры. Чудо!

Когда вдалеке от дома оказываются десятки молодых холостых мужчин, нет ничего удивительного, что они ищут и в конечном счете находят среди местных красавиц пару для себя. Нашел ее и электрик Джим Блек. Свадьба была скромная. Женщины, которых смутил довольно бедный наряд Дуси, русской невесты, быстро обновили ее гардероб за счет своих запасов. Когда молодые, едва понимавшие друг друга, так как говорили на разных языках, и тем не менее счастли-

¹ Пенсильвания — штат на северо-востоке США. В нем находится один из крупных каменноугольных бассейнов страны.

ливые, вернулись из горсовета, их уже ждали пироги. Но сразила всех соседка молодоженов — она принесла целую миску красных соленых помидоров, которые великолепно довершили свадебное пиршество.

Дусины родители жили на левом берегу. Компания возвращалась домой поздно вечером. Реку заливал яркий лунный свет, где-то сторож стучал в деревянную колотушку, и звук ее раздавался в ушах, пока они поднимались по двумстам деревянным ступенькам, ведущим к их «оффису», главной конторе, расположенной на самом берегу.

— Как ты думаешь, Франк, если мы срубим и нарядим елочку, это очень рассердит русских? — Рут имела в виду решительное отрицание елки, этого символа буржуазных предрассудков. — Что за торжество без елки и Санта-Клауса?

— Просто не надо говорить об этом слишком громко. Пойдем и срубим вечером, — ответил Франк, который что-то загрустил накануне праздника.

— Так пойдем сейчас, — загорелась Рут. — Где мои лыжи?

Она довольно ловко облачилась в тулуп и торопила Франка:

— Скорей, скорей, мне так хочется побывать ночью в лесу!

Они вышли на крыльцо. Ночь была чистой и прозрачной, луна делала ее похожей на раннее утро. Далеко тянулся черный лес, на другом берегу простиралась равнина, на которую редкие сосны бросали свои одинокие тени. Снег шуршал под лыжами.

Новый год праздновали с елкой.

Колонисты собрались в своей коммунальной столовой, настроение было праздничное, но и тревожное: что привезет из Москвы Рутгерс? Тревожнее всех чувствовали себя ярые ирмовцы. Они понимали, что почва уходит у них из-под ног, что дороге им анархо-синдикалистские принципы оказываются под угрозой. Приезд Рутгерса из Москвы не обещал им ничего хорошего.

Дело в том, что ирмовцев оттеснили на второй план коммунисты. Коммунисты все больше становились ведущей силой в колонии, и были сильны еще и потому, что их поддерживали русские большевики.

В одном из своих отчетов Рутгерс писал, что работу удалось продвинуть «благодаря симпатии местных рабочих, а главным образом партийных и советских организаций».

У коммунистов налажены связи с Сибревкомом, с парт-организациями рудника и химзавода. Они частые гости на заседаниях правления АИИ. Не все из них еще настоящие марксисты. Коммунистическая партия Америки создана совсем недавно, в стране, где так сильны оппортунистические тенденции, проповедуемые Американской федерацией труда. Ощутимо и влияние ИРМ. Может быть, поэтому сильна еще «детская болезнь левизны»? Но под влиянием лучшей части партии, Коминтерна, с американской секцией которого поддерживается связь, коммунисты переходят на позиции руководства колонией, изживают элементы «левого уклона». Во всех делах они становятся на сторону Советского правительства и действующего под его руководством правления.

У американских коммунистов часто бывают собрания вместе с русскими. Ирмовцам теперь нечего ждать от них «национальной солидарности». Руководит коммунистами не американец, а финн — Арви Тикка. Среди финнов также работают коммунисты-финны, среди югославов — хорваты и сербы-коммунисты.

«Надо уезжать», — это решение приняли те, кого еще вчера Рут считала самыми пламенными революционерами, бунтарями, под мощными ударами которых падут последние остатки капитализма в России.

Но тревоги — тревогами, а новогодний вечер вступал в свои права, на время сглаживая противоречия:

Понемногу все оживились — сказалось действие праздничного застолья.

На вечер пришли русские девушки, и кавалеры старались развлекать их как могли. А когда пробил двенадцать часов

и на землю пришел Новый, 1923 год, грянула песня, которую пели американские рабочие у себя на родине.

Мы прерий целину подняли, дома сложили до небес,
Стальные сети проложили, заводы возвели.
И вот, голодные изгои, дрожим среди чудес.
Но в союзе наша сила.
Солидарность навсегда!
Солидарность навсегда!
Да, в союзе наша сила!

Рут пела вместе со всеми и верила, что АИК «Кузбасс» с честью преодолеет трудности.

А петоропливый поезд, все тот же «Максим Горький», идущий из Москвы, в этот момент подходил к Топкам. В одном из его вагонов, прислонившись к холодному стеклу, сидел худощавый человек. Себальд Рутгерс встретил Новый год в поезде. Он вез из Москвы договор, утвержденный СТО после трехмесячных трудных и радостных переговоров.

Глава VIII

Высунув от усердия язык, Она Прейкшас старательно выводила буквы на листке почтовой бумаги. Сегодняшний вечер семья решила посвятить переписке с Америкой. Писала мать, писал отец, писала и она своим соседям в Западную Виргинию. Девочка еще не знала, что это письмо сделает ее имя известным в Америке, а один из поклонников новой «писательницы» будет слать ей детские подарки, когда она сама будет матерью двухлетнего сына.

Весной в бюллетене «Кузбасс», выходившем в Нью-Йорке, под заглавием «Что рассказывает двенадцатилетняя девочка о Кемерове», появилось письмо с таким предисловием:

«Она Прейкшас 12 лет. Она уехала в Кемерово в прошлом году и шлет своим друзьям в Западной Виргинии некоторые свои впечатления. Они достойны сравнения со «страшными» рассказами некоторых клеветников, которые вернулись обиженными и разочарованными, потому что они не

нашли совершенного человеческого общества в Кузбассе».

Дальше шел текст письма.

«Кемерово. Сибирь. 6 января 1923 года. Дорогие друзья! До сих пор у нас нет вестей о том, получили ли вы мое последнее письмо. Мы все счастливы и здоровы и надеемся, что и вы тоже и что вы хорошо провели рождество и Новый год. У нас был вечер встречи Нового года, и мы очень хорошо провели время.

Я хожу в русскую школу каждый день и уже умею писать и читать по-русски. Пока еще слабо говорю по-русски, но колония организовала вечерние занятия, чтобы все учились русскому языку. Папа меня учит петь по-русски.

Здесь не так холодно, как некоторые предполагали. Самый большой мороз был 38 ниже нуля. Даже если и бывает чуть холодней, то это ненадолго. Снег лежит толщиной в три-четыре фута. Воздух здоровый и приятный. Весна и не заметишь как придет...

У папы мало времени писать, так как он заведует шахтой и он очень занят, мы не видим его с шести часов утра и до восьми вечера. Здесь 12—15 пластов каменного угля, один из них толщиной в 60 футов. Здесь не хватает шахтеров, и весной мы ожидаем пополнения.

Плотники построили нам большой коммунальный дом на 150 человек, но он еще не совсем закончен, однако мы и некоторые другие уже живем в нем. Столовая при нем будет вмещать триста человек. С расстояния он выглядит как нью-йоркский отель. Нашим предоставляется выбор: или питаться в столовой, а их у нас две, по одной на каждом берегу, или готовить самим.

Здесь две лесопилки, два театра, пять шахт, химзавод, три бани, не считая тех, что на шахтах, две механические мастерские, столярная, жестяная, портняжная и сапожная мастерские, пекарня и две электростанции. В домах у нас электричество, и можно им пользоваться для бытовых нужд, если только есть уют и другие приборы.

Летом здесь тепло и красиво. Мы ходим купаться, удить

рыбу, кататься на лодках и на охоту. Зимой мы катаемся на санках и коньках. Привезите свои коньки, когда приедете.

Шахтеры работают по шесть часов в день и лишь иногда больше, поверхностные рабочие — по 8 часов. Наши женщины тоже работают по несколько часов, в основном на кухне в столовой. Когда горняки поедут весной, пусть возьмут с собой прочную теплую одежду и хорошую прочную рабочую обувь.

По истечении трех лет мы надеемся добывать не менее двух миллионов тонн угля в год. Американцы уже подняли производительность шахты в несколько раз. Коксохимзавод через девять месяцев будет работать полным ходом.

Привезите несколько голубей и пару попугаев. А папа просил два стальных складных удилица в десять футов и много крючков размера номер семь.

С самыми наилучшими пожеланиями к вам. Надеемся увидеть вас весной.

Анна Прейкшас.

Маленькая Она, теперь называвшая себя по-взрослому Анной, и не подозревала, что ее письмо станет одним из тех живых человеческих документов, которые помогут рассказать правду об АИЖ, защитить ее организаторов и руководителей от травли, развернувшейся за рубежом.

А Рут в это же время писала свои заметки, которым вскоре суждено было стать основой для очередной статьи в «Нейшн», опубликованной 2 мая 1923 года.

«Северная группа шахт Кузнецкого бассейна перешла из двойного управления в руки американцев. Объединение русской и американской администрации состоялось первого февраля...»

Рут объясняла необходимость введения 17 категорий оплаты труда — обстоятельство, вызвавшее едва ли не самое сильное брожение в умах многих колонистов. «Как так, ехали сюда создавать коммуны, и вдруг такое разграничение в заработках?» Она объясняла, что это вызвано требованиями

новой экономической политики и поможет ликвидировать уравниловку в учете труда каждого. Комитет ИРМ, разумеется, возражал против нового договора и особенно против системы оплаты.

Рутгерсу приходилось несколько раз выступать на рабочих собраниях. Он нашел поддержку у И. Прейкшаса, А. Стрейка, А. Пирсона. Но вот прав ли Рутгерс в его спорах с «ИРМовцами»? Ведь в их предложениях было и то, над чем следовало задуматься: роль рабочего коллектива, соблюдение его интересов.

Может быть, нужно было искать пути к их сердцам? Но в своем стремлении к перестройке, к переходу к нэпу, Рутгерс, как считала Рут, был прав.

Она была согласна с Рутгерсом. Ведь живя в одном доме с ним и Пирсоном, работая вместе с ними в управлении, Рут знала и видела больше, чем некоторые ее друзья по ИРМ, а уверенность Рутгерса в необходимости нововведений не могла не передаться и Рут с Франком.

Новая экономическая политика потребовала от каждого советского предприятия строжайшего хозрасчета, умения «выжать» из каждого рубля, вложенного в производство, все, что он может дать. Собрание, обсуждавшее новый договор, было бурным. И все-таки им была принята резолюция об одобрении нового договора более чем двумястами собравшимися.

«Но набралось 37 человек недовольных,— писала Рут в той же статье.— Большинство из этих 37 были разочарованы в колонии. Все получили бесплатный проезд до границы с пайком на один месяц. Рутгерс считал, что организация не обязана делать больше для тех, кто нарушает двухгодичный контракт. Часть уехавших составляли «уоббли».

Написав эту фразу об «уоббли», Рут сама удивилась чувству отстраненности от тех, кого обозначила она этим словом. Они уезжают, и никто из них, кажется, не стыдится своего поступка. Все настроены воинственно, как люди, считающие себя проповедниками истины, справедливости.

Хопкинсон, огромный лесоруб из Канады, который еще на пароходе громко кричал о том, что они, «убобли», «водрузят над Сибирью красное знамя пролетарской солидарности», теперь стал главой отъезжающих.

Рут уже не гипнотизировали его громкие слова: она видела этих людей в деле, знала цену их призывам, не ведущим ни к чему реальному, и понимала: будущее колонии определяется не крикунами. Оно в руках тех, кто идет за Рутгерсом, за коммунистами.

Коммунисты становились главной силой колонии. Их было более ста. Среди тех, кто вошел в коммунистическую ячейку, были коммунисты с большим партийным стажем и опытом революционной борьбы. Таким был Рутгерс, Джон Прейкшас, голландский коммунист Эгберт Бегемани, имевший за плечами более чем 20-летний опыт работы на крупнейших предприятиях.

Численность коммунистов росла. С 1923 года на работу в колонию стали приезжать рабочие и инженеры из Германии, Бельгии, Голландии. Отбор желающих ехать в Советскую Россию шел более строго, чем в первый год существования колонии.

Большую работу проделала коммунистическая партия Германии, особенно в промышленном Руре, где было много высококвалифицированных рабочих и специалистов. В этой работе активную роль играл секретарь партийного комитета Рура Антон Зефгоф. По рекомендации ЦК Компартии Германии прибыл в АИК «Кузбасс» инженер И. А. Орман. Слесарь высокой квалификации, член КПГ Отто Шмидт прибыл в Кузбасс по рекомендации партийной ячейки в Эссене. Из Бельгии приехал участник революционного движения механик Ван Доорен.

Сила коммунистов заключалась не только в их численности. Она проявлялась также в сплоченности с русскими коммунистами. Рут была свидетельницей роста и укрепления этих связей. Ей часто приходилось передавать Рутгерсу извещения о партийных конференциях, собраниях, на которые

приглашались иностранные коммунисты. Общение с русскими коммунистами, знакомство с работой партийной организации — все это помогало преодолевать национальные перегородки. Не случайно Рут слышала, что некоторые коммунисты считали возможным и даже нужным построить американскую ячейку по типу партийной организации русских коммунистов и ликвидировать иностранные секции.

В библиотеку Рут все чаще поступала литература, посланная Коминтерном. Рутгерс имел тесные и давние связи с его деятельностью и понимал, как необходимы в колонии материалы, объясняющие события в Советской России, политику русских коммунистов, позицию международного центра рабочего движения в борьбе с уклонами в коммунистическом и рабочем движении. И тут, и на руднике были организованы политзанятия. На них о революции, о хозяйственной политике говорили те, кто принимал в этих событиях прямое участие. Выступали приезжающие из Новониколаевска партийные и хозяйственные работники.

Рутгерс был нередким гостем на этих занятиях.

По-видимому, по его предложению на занятиях было начато изучение книги В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Он сам перевел на английский язык с помощью Бронки несколько глав.

Рутгерс приехал воодушевленный, полный планов. Он старается успеть всюду, его видят то на одном берегу, то на другом. И всюду с ним его секретарь и помощник Бронка Корнблит. У нее поразительная интуиция, она обладает способностью распознавать людей, предугадывать перспективность того или иного специалиста.

На хорошем русском языке она часто делает для Рутгерса доклады и сообщения, помогает отвечать на вопросы. А вопросов много, они бывают недоброжелательными, особенно если в делах колонии обнаруживаются промахи. Бронка не теряется, не пасует перед этими вопросами, отвечает на них здраво и обстоятельно. Она умеет видеть далеко, пра-

вильно оценивать обстановку, Бронислава Корнблит, польская революционерка, женщина в красной косынке.

Вот на кого хотелось бы походить Рут. Вот у кого училась она преодолевать минутную слабость, училась не замечать жизненных мелочей, которые другим заслоняли весь мир.

На Бронку можно было всегда положиться, найти у нее поддержку. Таких преданных делу колонии людей становилось все больше.

В колонии быстро выделился партийный «костяк», группа людей, которые всегда были опорой Рутгерса. Таким был, например, тридцатилетний серб Живко Байскич, который за свою жизнь много повидал и многое сделал. У Рут сразу установились с ним добрые, приятельские отношения. С Живко не раз делилась она своими мыслями и сомнениями и просто любила поболтать с ним в тихие часы за столиком библиотеки. Живко и сам затруднялся порой сказать, к какому народу, к какой национальности он принадлежит.

— Родился я в Венгрии. Учился, то бишь получал шишки в подмастерьях, в Белграде. А сюда приехал из Америки, — загибал он пальцы. — А отсюда, может быть, поеду в Индию...

— В Индию? — попадалась в ловушку Рут.

— А куда? Посоветуете в Новую Зеландию? Там меня не устраивает климат! — хохотал Живко. — Нет, никуда я отсюда не поеду. В Белграде бастовал, в Будапеште восемь недель голодал, когда была стачка нашего Союза металлистов, в Вене бастовал. В Питсбурге опять больше месяца уламывали боссов из «Вестингаузэлектрик» — они же, кроме стачки, доводов не признают. Дальше — Сан-Франциско, Вашингтон. На судостроительном заводе — слова всеобщая забастовка на семь недель. И это еще чепуха по сравнению с восемнадцатимесячной забастовкой в Чикаго. Борьба, стачки, пикеты — это, конечно, необходимо, но все-таки я рабочий и хочу отдавать свои силы делу, работе на себя, на свой класс, а не на капиталиста.

Живко Байскич был веселым, добродушным и доброжелательным парнем. Рут знала, что он член исполнительного комитета югославской фракции Коммунистической партии США, член общества друзей Советской России.

Рут встретила Живко в Кемерове, и в 1931 году (рассказ об этом впереди) Живко строил тогда шахты в Осинниках, Прокопьевске, Киселевске. На одной из этих шахт он стал главным механиком. Орден Ленина, орден Трудового Красного Знамени — такими наградами увенчала его труд страна.

Семь детей Живко Байскича остались на новой родине. Семь наследников начатого им в двадцатых годах славного дела.

Домой уезжали те, кто, по сути дела, не нашел применения себе в условиях колонии — по неумению или по нежеланию.

Их поступок не нашел поддержки у большинства колонистов. На митинге, который был организован коммунистами АИК совместно с русскими рабочими, этот поступок был сурово осужден. Колонисты «...готовы,— говорилось в резолюции митинга,— на немедленное развитие дела, а со стороны Компартии и профсоюзов будет оказана всяческая поддержка».

Финская секция американской ячейки Коммунистической партии сурово осудила отъезд нескольких колонистов-финнов. И здесь была не только забота о колонии. Рабочие-коммунисты понимали, что подобные события будут на руку врагам рабочего класса в Америке.

Надо понять задачи колонии, не покидать ее, так как это «...вредно скажется на рабочем движении в США» — так заканчивалась резолюция.

А у Рут дел было сверх головы. Об этом она писала домой. Опубликовавший письмо бюллетень «Кузбасс» снабдил его припиской:

«Это письмо получено нами от Рут Кеннел, которой поручено создание библиотеки в Кемерове. Мы уверены, что оно

побудит наших друзей высылать книги, чтобы возможно скорее создать библиотеку в Кемерове. Очень хорошую статью госпожи Кеннел интересующиеся Кузбассом могут найти в «Нейшн» от 2 мая. Мы искренне рекомендуем ее тем, кто последует призыву первого Кузбасского организационного комитета».

Рут, наверное, тогда не могла даже представить, как важны были ее объективные статьи о Кузбассе в американской прессе.

В апреле на страницах «Нью-Йорк таймс» появились статьи, где описывалось «крайне тяжелое положение» американских колонистов в Советской России и по существу искажалась картина деятельности колонии.

Не случайно поэтому 14 мая 1923 г. исполком Коминтерна направляет в ЦК РКП(б) и СТО письмо, в котором говорится: «...так как подобного рода статьи в настоящее время часто появляются в американской печати, служа орудием антисоветской пропаганды, просим Вас прислать через нашего представителя соответствующий материал Рабочей партии (Коммунистической) Соединенных Штатов, чтобы она могла дать отпор этой кампании».

А Рут в своей статье писала: «В Кемерове были благоприятные условия во всех отношениях, и мы начали эффективную организационную работу. Я никогда не писала вам о прогрессе нашей колонистской библиотеки... Я была назначена на конторскую работу в главной конторе и была занята восемь часов в день. В декабре я, наконец, получила разрешение поместить книги в маленькой комнате в доме, занятом профсоюзом... Я открывала библиотеку вечером, а в субботу и воскресенье — после полудня, используя время, оставшееся после восьми часов работы в конторе...»

Первого февраля, когда произошло объединение, я и несколько преданных друзей библиотеки упростили управление уступить нам для библиотеки чертежную комнату в верхнем этаже здания конторы (большая солнечная комната)... Я официально получила конторский американский письменный

стол, скоросшиватели, папки и прочее. Я находилась здесь, одновременно ведая почтой колонии и выполняя всю английскую печатную работу для разных отделов. Наша библиотека значительно выросла за счет поступлений от членов колонии и нескольких книжных посылок, которые послали вы, так что мы уже отчасти заполнили свои стеллажи.

Я думаю, что наша библиотека может сравниться с библиотекой маленького города в Америке. Я веду выдачу, и около ста книг и много периодических изданий постоянно находятся в обращении. Я пытаюсь приучать специалистов все больше и больше пользоваться ими для справок.

Русские тоже стали пользоваться библиотекой. У нас есть немного русских книг, регулярно поступают несколько русских газет... Библиотека имеет очень большое влияние на колонистов...

Я хочу лично поблагодарить всех хороших друзей в Америке, которые время от времени посылали книги и журналы...

С приветом ко всем, Рут Кеннел».

Глава IX

Политсводка с 1 по 7 мая 1923 года.

«...Настроение рабочих к американцам доброжелательное, но среди рабочих наблюдается консерватизм к новым методам работы, вводимым американцами... Стремление к объединению с русскими рабочими наблюдается».

Все так и было: противоречиво и сложно. Недаром в одном абзаце политсводки были и слова об установлении контактов между русскими и колонистами, и упоминание о противодействии и консерватизме.

Все это в общем-то не было неожиданным. Об этом не раз предупреждал Рутгерс и его товарищей В. И. Ленин.

То, что было связано с В. И. Лениным, с его отношением к АИК, особенно часто обсуждалось и обдумывалось колонистами накануне первомайского праздника, который им впервые в своей жизни предстояло отметить открыто, вме-

сте со всеми пройдя в праздничных колоннах демонстрантов.

Если по всей России праздник был исполнен великого смысла как день единения борющейся республики с миллионами друзей ее за рубежом, то в Кемерове слова «солидарность», «братство» звучали тем более значительно, потому что здесь на деле проверялась солидарность, в практических делах выковывалась дружба русских и зарубежных рабочих.

Люди 27 национальностей — интернационал в миниатюре — у себя дома они выражали свою солидарность с русской революцией митингами, сбором средств для экономической помощи задыхающейся от голода и разрухи стране. Здесь они могли дать ей больше — свои силы, опыт, знания. Это будет новым ударом по ненавистному им капитализму. Недаром, обращаясь к ним, зарубежным пролетариям, в 1921 году, Ленин говорил: «Из мирных средств борьбы против ига международного финансового капитала, против международной реакции нет другого средства, которое бы так быстро и так верно обещало победу, как помощь восстановлению народного хозяйства Советской России»¹.

Если Рутгерс бьется за то, чтобы вовремя поставлялись бревна для строительства жилых домов, если Бронка Корнблит пресекает попытки старой администрации ставить палки в колеса, если инженер Баарс шлет бесконечные запросы об оборудовании в Нью-Йорк, Берлин, Чикаго, — они думают не только об этих, конкретных задачах. Они смотрят дальше, видят мощный индустриальный Кузбасс, видят страну, крепнущую усилиями миллионов людей. А за всем этим встает нелегко, с болью оставленная ими, родная, и в то же время враждебная страна, где им трудно дышалось, где их труд не ценили, а их самих преследовали... Но они верят: придет время, когда они смогут быть полезными и на своей родине так же, как и здесь.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, с. 264.

Об этом мечтали ветеран голландской компартии Себальд Рутгерс, член компартии с острова Ява Адольф Баарс, член исполнительного комитета югославской фракции компартии США, секретарь общества друзей Советской России Живко Байскич...

Первомай в стране победившей революции. Для них это Праздник с большой буквы.

— Когда в 1919 году я пробирался в Голландию через латвийскую границу,— говорит Себальд, набрасывая тезисы своего предстоящего выступления на митинге,— я нес с собой письмо Ильича к голландским товарищам. Он написал его по моей просьбе.

Рутгерс и сейчас помнит эти слова: «Дорогие друзья! Шлю вам наилучший привет. Наше положение очень трудное из-за наступления 14 государств. Мы делаем величайшие усилия. Коммунистическое движение во всех странах растет замечательно. Советский строй повсюду стал для рабочих масс практическим лозунгом. Это — огромный всемирно-исторический шаг вперед. Победа международной пролетарской революции несмотря ни на что — неизбежна»¹.

— Тогда я еще не думал,— говорит Рутгерс,— что всего через три года мне придется не только своими глазами наблюдать укрепление этого строя, но и способствовать ему.

Бронка — рядом. Она, как всегда, будет переводить выступление Себальда на русский, и потому должна сейчас уяснить для себя ход его мыслей.

Они выходят из дому, направляясь к главной конторе. И вот уже рядом с Рутгерсом и Бронкой — Пирсон со всей семьей, Рут с Франком... Ветер доносит от главной конторы звуки музыки, на лесных дорожках нестрят яркие косынки женщин, светлые пятна мужских рубашек. Все идет на митинг. Идут колонной со знаменем обитатели холостяцких бараков — крепкие, рослые здоровяки, вчерашние лесорубы и каменотесы, с ними шагает Баарс. Идут техники и инженеры,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, с. 57.

вчера еще деловые и солидные люди, а сегодня сбросившие груз производственных проблем и ставшие обычными американскими парнями. Вот шествует группа финнов, как всегда, серьезных и молчаливых. А у главной конторы уже собрались русские рабочие.

В этот день, Первого мая 1923 года, на площади у конторы было невиданное количество народу.

— Тысячи две с половиной, не меньше, — окинул взглядом толпу Рутгерс.

В это же время шел митинг на химзаводе. Отсюда, с правого берега, они не могли видеть его, но по тому, как трудился буксир, как быстро ходил с правого на левый берег паром, можно было судить, сколько людей собралось на митинг там.

Сегодня Рутгерсу, финну Хуттанену и американцу Дугласу предстоит выступать перед многоязыким коллективом. Рутгерс изучает русский и обязал этому всех руководителей, но выступать без переводчика он не решился. Не потускнеют ли от перевода, от многократной трансформации чувства, которые он хочет выразить сегодня, сумеет ли зажечь ответную искру в сердцах людей?

Он знает, о чем будет говорить. О Ленине. О своих встречах с ним. О том, как много ждал Ильич от иностранных рабочих и как должны они оправдать возлагаемые на них надежды.

— Друзья! Товарищи! — говорит Себальд, и Бронка не переводит этих слов, ставших уже интернациональными, знакомыми любому шахтеру. «Камрад» — это слово хорошо понятно русским.

— От имени иностранных членов колонии «Кузбасс», от имени тех, кто приехал помочь вам строить новый, социалистический Кузбасс, от имени пролетариев Америки, Канады, Польши, Голландии, Финляндии и многих других стран Европы поздравляю вас с праздником международной солидарности — праздником Первого мая!

Не успевает Бронка закончить перевод, как раздаются аплодисменты, приветственные возгласы.

— Еще не исполнилось и года,— говорит Рутгерс, обращаясь к русским товарищам,— как здесь, на руднике, появились первые палатки колонистов. Еще практически только начинается та работа, ради которой мы здесь. Еще некоторые из вас не до конца убедились, что мы не буржуи, не концессионеры, купившие ради прибылей ваш рудник. Мы работаем наравне с вами, и наши прибыли — для вашего и теперь нашего государства. Единственное богатство, которое мы хотели бы увести отсюда,— наше единство, наша дружба и сознание того, что мы оставляем за собой дымящие трубы завода и ожившие, действующие шахты. Мы хотим передать вам наш опыт — капитализм обращал его на обогащение себе, на еще большую эксплуатацию пролетариата — здесь он поможет работать быстрее, жить лучше!

Себальду хочется до конца использовать представившуюся возможность наладить контакт колонистов с русскими. Он знает, что сегодня, отрешившись от повседневных забот, люди — наиболее благодарные, наиболее восприимчивые слушатели. И этот настрой нужно использовать для общего дела.

Рутгерс говорит о Ленине, о своих встречах с ним, и тот факт, что выступающий сейчас человек бывал у Ленина, разговаривал с вождем,— возвышает в глазах участников митинга не только самого оратора, но и коллектив, который он привез с собой.

— Ленин шел на то, чтобы на какое-то время использовать для восстановления промышленности иностранные капиталы. Нечего, говорил он, жалеть об этих издержках, если благодаря им удастся создать крупную промышленность под советским контролем. Среди концессий находился и Кузбасс. Но мы сказали: «Товарищ Ленин! Зачем пускать капиталистов сюда, где уже достаточно навредил Кошикуз? Поручите это иностранным пролетариям. Мы привезем с собой оборудование, машины, соберем деньги. Не надо капиталистов!»

И Ленин ответил: «Если справитесь, выполните обещанное — я за!»

Это Ленин дал нам строгий наказ — чтобы ехали в Россию только люди, способные и готовые сознательно вынести тяготы лишения, чтобы они работали с максимальным напряжением, с вдвое большей производительностью, чем обычно работали в Кузбассе. Вы убедились: кто не выполнил этого, того мы отправили домой.

Пока Бронка переводит, в сознании Себальда мелькает последний, четвертый пункт этого «наказа»-обязательства. Этот пункт со свойственной Ленину прозорливостью предугадывал все то, что им здесь пришлось и придется пережить в плане чисто человеческом, эмоциональном. Тут Ленин не имел иллюзий насчет скорой дружбы между обеспеченными колонистами и голодными русскими шахтерами и крестьянами. Это его слова:

«...не забывать крайнюю первность голодных и измученных русских рабочих и крестьян вокруг нашего дела и всячески помогать им, чтобы создать дружные отношения, чтобы победить недоверие и зависть»¹.

Но сейчас об этом не стоит говорить.

Себальд говорит о первых шагах колонии, о том, что предстоит сделать этим летом:

— Перспективы хорошие. Теперь, когда завершён организационный период и АИК «Кузбасс» получила в свое управление Кемеровский рудник и химзавод, мы обещаем вам, что ваша жизнь скоро улучшится. Будет наведен порядок с выдачей зарплаты, продуктов. Мы обещали это Ленину, сдержим свое слово!

— Ленин,— заканчивает свою речь Себальд,— горячий сторонник колонии и один из ее основателей.

Закончив, Себальд отошел в сторону, уступив место Дугласу. Каждое выступление сопровождалось дружными аплодисментами.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 126.

Митинг был задуман не только как обмен речами. Впервые решили провести чествование героев труда, и когда один за другим к трибуне подходили и становились плечом к плечу — русские, югославы, американцы, поляки, болгары, латыши, голландцы, — вставали, чтобы перед всеми услышать слова уважения, почета и благодарности за свой труд, — честное слово, Рут жалела, что она не поэт и не может выразить словами всю символичность этой картины. Героям труда вручили подарки. К получившим подарок бросались десятками — посмотреть, что там. А там были яркая книжка Демьяна Бедного, тетрадь в линейку, пачка чая, детские башмаки.

В политсводке Кемеровского РК РКП(б) с 1 по 7 мая 1923 года об этом писали так:

«Празднование 1 Мая на руднике прошло с особенным подъемом... На химзаводе митинг собрал до 600 человек. Беспартийными рабочими преподнесено Красное знамя ячейке РКП коксохимзавода. На митингах выступали ораторы, говорившие на немецком, французском, английском и других языках...»

Глава X

Зима 1923 года явилась переломным периодом в жизни колонии. Ее деятельность разворачивалась в тот период, когда в стране были уже достигнуты определенные успехи. XIII партконференция отмечала: «Темп развития крупной государственной промышленности за истекший год несколько превышал темп развития сельского хозяйства и промышленности мелкой и кустарной».

Однако эти достижения были первыми победами советской экономики. Отдельные отрасли и целые промышленные районы страны не достигли еще довоенного уровня. Особенно велика была нужда в металле, продукции машиностроения. В решение этих задач могла внести свою весомую долю АИК «Кузбасс». Предстояло еще многое сделать, чтобы на-

ладить ее деятельность. Не было четкой производственной дисциплины, медленно шла перевозка людей и грузов из-за рубежа, не хватало жилья.

Руководству АИК пришлось бороться и с наследием старой администрации, и с бюрократической приверженностью к раздутым штатам, сонму посыльных, и с бесчисленными «увязками» и «утрясками». Надо было противопоставить всему этому строгий учет, четкую организацию управления. Этого требовали решения Советского правительства. Борьба за новую хозяйственную политику развернулась на всех предприятиях страны.

Внутри самой колонии не все шло гладко. Остались многие из тех, кто был против «диктаторства» Рутгерса, против введения дифференцированной оплаты труда. Отъезд 37 недовольных не снял этого противоречия.

Но вместе с тем колонисты ощущали, как много было сделано Советским правительством для того, чтобы помочь возрождению Кузнецкого бассейна, становлению колонии.

Колония получила имущество и материалы стоимостью в шесть миллионов рублей. Ей был передан оборотный капитал в сумме 2 080 000 золотых рублей. Советское правительство ассигновало колонии 500 тысяч рублей золотом на приобретение оборудования. Да и начинали колонисты свою деятельность не на пустом месте.

Рут видела губительные последствия хозяйничанья копикузовцев, разрушения, оставленные колчаковцами. Но рядом было и другое. В трудных условиях русские рабочие подняли шахты. Она слышала, что на Центральной шахте были уже завершены работы по вскрытию месторождения и создан фронт работ на годовую производительность в 20 миллионов пудов. Подготовительные работы были проведены и на Южной, Владимирской шахтах, Мазуровском руднике. Район с его огромными потенциальными возможностями ждал настоящего, рачительного хозяина. «Кемеровский район,— говорилось в отчете СибРКИ, обследовавшей колонию в 1923 году,— не простое каменноугольное предприятие, а

комбинированное, с большим будущим сложное хозяйство, имеющее исключительное по своему характеру значение в промышленной жизни Сибири, в жизни и развитии Кузнецкого бассейна в особенности».

Надо было в первую очередь заканчивать работу по пуску электростанции, а главное — завершать строительство коксохимического завода. Ждали помощи и шахты рудника — его механическое оборудование требовало обновления. За 1922—1923 гг. из-за границы для предприятий АИК «Кузбасс» было ввезено оборудования на 300 тысяч рублей золотом.

«Мы взялись за тяжелую работу по реконструкции, — писала Рут в «Нейши», — Кузбассу требуются опытные квалифицированные рабочие. Нет места для мечтателей или индивидуалистов, ищущих самовыражения. Проблема реконструкции в России — это проблема машин. Те, кто приехал или приедет, должны принять эту программу... Только на таком реалистическом основании Россия сможет создать новый социальный строй».

Казалось, худшие для АИК дни позади. Советское правительство неизменно ее поддерживает, рассматривает ее планы в срочном порядке. Местные партийные организации тоже правильно поняли суть АИК, они дают отпор левацким уклонам чересчур непримиримых к «иностранцам» хозяйственников.

А гроза уже собиралась...

Никто не смог бы угадать ее предвестников в прибытии посылок из-за океана. Они предназначались для новогоднего стола, а пришли лишь в мае. В посылках были конфеты, табак, мука.

— Видимо, они решили, что мы здесь умираем от голода, — говорила Рут, когда они с Анной Пирсон распечатывали очередной ящик. — Недаром же тут написано, что взносы поступают от каждого штата.

— Смотрите, Рут, — Пирсон принялась извлекать новые

мешочки и свертки.— Они думают, что мы тут заскорузли от грязи. Здесь же одно мыло!

— Ого! Целый ящик мыла! — Рут смеялась вместе с ней.— В глазах наших соотечественников мы выглядим истине страдальцами.

...С очередной почтой Рут получила сразу несколько писем из дома. Свекровь писала, что Джим прекрасно себя чувствует, что сначала он скучал и был беспокоен, а теперь, видимо, окончательно забыл своих блудных родителей и вряд ли догадывается, что мать и бабушка — это не одно и то же.

«Я благодарю господу,— писала свекровь,— что Джим не с вами». Дальше она призывала Рут и Франка быть стойкими, беречь силы и всячески их воодушевляла.

Рут не знала, смеяться или плакать, читая все это.

— Можно подумать, что мы на краю могилы. Откуда у них такие нелепые представления о нашей здешней жизни? — спрашивала она Франка.— Может быть, ты чем-то беспокоил их в своих письмах?

— Как ты могла это предположить? Неужели я буду писать, что голодаю, если я сыт, что я замерзаю, если я одет? С какой целью? И кстати, подобные письма, да и посылки, приходят многим.

Почти в то же самое время, когда Рут и Франк гадали о причинах столь необъяснимой тревоги своих родных, Рутгерс читал письмо от представителя АИК в Москве Бориса Фута. Тот подробно рассказывал о той кампании клеветы, которая развернулась в прессе США. Повод дали те, кто покинул колонию, опасаясь трудностей, кто не хотел подчиниться правлению АИК.

«Люди в Кузбассе голодают. Есть только бобы и каша. Медицинская помощь отсутствует. Ближайшая американская поликлиника находится в десятках километров. Голод, болезни, нищета, люди мрут как мухи». — Дошел ли до вас этот номер «Нью-Йорк таймс»? — спрашивал Фут.— Во что выльется все это?»

Рутгерс разделял тревогу Фута.

— Им не привыкать рисовать большевиков с саблей в одной руке и с бомбой в другой,— решительно заявляла Бронка.— Почему бы им теперь не изобразить нас за колючей проволокой, во власти «этих разбойников»? Пошумят и переключатся на другое.

Но следующая почта принесла еще более неприятные вести. Против представительства АИК в Нью-Йорке было возбуждено уголовное дело. Его членов обвинили в мошенничестве, обмане и дезинформации людей. Американские, английские, немецкие и белоэмигрантские газеты изливали потоки лжи на АИК «Кузбасс», на Советское государство. Одна из влиятельных буржуазных газет, безапелляционно заявляла: «Окружной прокурор сказал вчера, что во время расследования деятельности этой организации (Нью-Йоркского организационного комитета) он имел возможность сообщить федеральному правительству полный список советских пропагандистов в Соединенных Штатах, которые работали по распоряжению Ленина». Вся эта кампания была не случайным явлением. Империалисты, потеряв надежду на интервенцию, не оставили Советскую Россию в покое. Сколько провокаций, интриг плелось за рубежом! Сколько совершалось террористических актов против советских работников! И вот теперь эта зловещая шумиха вокруг АИК «Кузбасс».

Надо было дать ответ на эту клевету. 2 мая 1923 года правление АИК «Кузбасс» публикует в «Нейши» статью, опровергающую все клеветнические измышления в адрес колонии.

«Являются ли доказательными отдельные случаи возвращения колонистов, как это пытаются представить? Это политическое обвинение продиктовано истерическим предубеждением против всех попыток помочь народу России...

Насколько мы могли уяснить, никому не поставлено в вину то, что кто-либо из членов бюро обогатился за этот счет или присвоил хотя бы доллар. Главное обвинение сводится к тому, что «Кузбасс» выманил у колонистов деньги, умышленно исказив условия жизни в колонии. Мы отвергаем это

обвинение и готовы доказать суду нашу общую добрую волю».

Руководители колонии официально пригласили членов комитета, созданного для расследования «дела АИК» в Америке, проинспектировать на месте ее работу.

— Надо и нам послать опровержение! — решили колонисты, которым особенно дорог был престиж АИК и которые чувствовали и себя лично в чем-то обвиняемыми, прямо или косвенно. Так появилось заявление, опубликованное в той же «Нейши». Под заявлением стояли подписи Ирвина Ауэрбаха, Дж. Макдональда, Альфреда Пирсона, Джека Тучельского, Самуэля Шипмана, инженера В. Уоррена, Лео Дж. Вайдры, Вильяма Лугге, Франка Грунда, Франка и Рут Кеннел.

Заявление основывалось отнюдь не на эмоциях — Рут и ее товарищи знали, что эмоции «к делу не пришьешь». В нем были факты, факты, факты. «Нейши» опубликовала это заявление колонистов под заголовком «Кузбасс» рассказывает свою историю». Там говорилось о действительных условиях жизни и работы в колонии: расстановке сил русских и иностранных рабочих, о правах, которыми пользуются те и другие. Ведь именно о «бесправии», «угнетении», «обмане» колонистов твердили взахлеб реакционные газеты в Америке.

«По договору с Советским правительством, — писали колонисты дальше, — те, кто хотел уехать и разорвать контракт, получили вагон третьего класса до границы, деньги в размере полмиллиарда на каждого, паек на месяц, эквивалентный тому, что выдается в Кемерове людям с ослабленным здоровьем, оплату всех расходов по возвращении в Соединенные Штаты для них и для их семей за счет управления. Кроме того, управление практикует покупку инструментов у выезжающих колонистов, чтобы увеличить сумму денег для переезда».

Дальше речь шла о декретном отпуске матерям, о выплате страхового пособия, о системе медицинского обслуживания

ния — оно «бесплатно, вместе с лекарством», о санаторном лечении. «Американские колонисты в производственном отношении равноправны с русскими, но благодаря применению лучших приемов увеличивают производительность труда. За счет этого они в среднем получают более высокую зарплату, чем русские, несмотря на то, что работа оплачивается по одинаковым расценкам. Вводится все большее и большее количество машин».

Подробно разбирались жилищные условия, принципы коммунистического быта: «Шестьдесят процентов заработка американских рабочих высчитывается на питание и оплату за прачечную, независимо от заработка. Этим обеспечивается одинаковость жизненного уровня».

«Предприятие, — говорилось дальше в заявлении, — имеет 25 000 акров земли. Из Америки недавно приехали два опытных агронома. Широкие просторы земли обрабатываются тракторами. Мы надеемся производить зерно, овощи, фрукты, молочные продукты не только для американской колонии, но и для всего десяти тысячного населения района».

«Из всего сказанного видно, что условия жизни в Кемеровской американской колонии «Кузбасс»... сносны и радостны, — писали Рут и ее товарищи. — Хотя нас зовут пионерами-первооткрывателями, мы имеем мало общего с ними. Большинство трудностей было преодолено к нашему приезду, хотя есть еще трудности производства. Нет уже конфликтов между американцами и представителями старого управления, нет неопределенности с будущим нашей колонии».

Рассказав о том, что такое АИК, авторы заявления подчеркивали: «Не было никаких обещаний, что на вложенные деньги кто-то получит прибыль. «Кузбасс» — индустриальный эксперимент, чтобы помочь восстановлению разрушенной промышленности России. И такова его функция сегодня».

И эта ссылка была особенно необходима для тех за океаном, которые все в жизни привыкли измерять долларом и чьи рассуждения строились по нехитрому принципу: раз

человек не получает прибыли на вложенные деньги, значит, он обманут, он переживает трагедию.

«Мы отдаем, ничего не желая взамен, кроме счастья русских людей, мы счастливы, и в защитниках не нуждаемся» — таков был общий дух заявления.

Таково было и настроение большинства колонистов, в эти дни ставших еще сплоченнее.

Сорвать работу комитета и воспрепятствовать отъезду новой партии колонистов не удалось. Эмигрантская газета «Русское слово» с разочарованием отмечала: «Американские репортеры, третьего дня провожавшие новых переселенцев в Кузбасс, не верили своим глазам». А в одном из своих отчетов Рутгерс писал: «Несмотря на поднятый желтой прессой шум... колонисты и грузы продолжают направляться из Америки в Россию своевременно, и наша Нью-Йоркская контора продолжает работу полным темпом и без перерыва».

Глава XI

Первая для Рут весна в Сибири принесла с собой огромное несчастье, о котором до сих пор помнят старожилы Кемерово. Об этом несчастье Рут напишет в своем романе «Товарищ Костыль» в главе «Майская трагедия».

Приближалось к концу строительство коксохимзавода. Через реку был протянут кабель, по нему взад и вперед ходила большая лодка. Однажды в воскресенье, в конце мая, все население колонии прогуливалось у обрыва. Переполненная лодка ходила от берега к берегу. Но вет перевозчик привязал лодку и отлучился. Не дождавшись его, люди на берегу решили переправиться сами. На середине реки лодка опрокинулась. Почти никого не удалось спасти.

«Американцы сделали кабель. Они виноваты в том, что случилось», — говорили люди.

Рут понимала, каким десятикратным педобрым эхом отзовется это действительно огромное несчастье там, за рубежом. А ведь колонисты, по сути дела, были «виноваты» лишь

в самом существовании лодки, доселе исправно возившей людей и перевернувшейся только из-за человеческой беспечности и неорганизованности.

Для Рутгерса, Бронки, Пирсона и всех руководителей колонии трагедия на Томи была равносильна личной — ведь она могла повредить тому авторитету, который начала было завоевывать колония у простых людей своим умением держать слово и добиваться намеченного, заботой об условиях жизни рабочих.

В самом Щегловске слухи о несчастье на реке с каждым днем обрастали все новыми и новыми «подробностями». Автору проекта лодочной переправы инженеру Баарсу пришлось особенно тяжело: в него тыкали пальцем, вслед ему шептались. Даже здесь, на месте, трудно было доказать, что дело обстояло не так, как его истолковывали недоброжелательные люди. Чего же ждать, когда эта весть достигнет слуха врагов АИК в Америке? А тут еще до Щегловска дошел номер «Рабочей газеты» с заметкой, поддерживающей по сути нападки на АИК.

Как уже не раз бывало, на защиту колонистов встали местные партийные организации. Они смогли здраво разобраться в случившемся и не только пресекали обывательские пересуды вокруг майской трагедии, но и сочли необходимым опротестовать появление заметки. Кемеровский райком партии, рудком профсоюза и рудоуправление написали письмо в редакцию «Рабочей газеты», где подчеркивали тот политический вред, который может нанести эта заметка в условиях травли колонии за рубежом.

«Как вам известно, — говорилось в письме, — колония «Кузбасс» в Кемерове является организацией американских рабочих, приехавших в Советскую Россию для того, чтобы помочь русским рабочим укреплять и восстанавливать хозяйство республики Советов. По имеющимся у нас точным сведениям, за ходом работ в колонии с напряженным вниманием следит пролетариат Америки и Западной Европы... В то же время мы видим, что американская буржуазия и в осо-

бенности охотники до концессий с таким же вниманием наблюдают за колонией...

Вполне сознавая, какую громадную ответственность перед Коминтерном и всем пролетариатом несет эта небольшая группа рабочих, мы просим вас осторожнее относиться ко всякого рода заметкам по поводу колонии, тем более, что враги колонии в России в лице бывших владельцев коней также ведут травлю колонии...»

Это письмо было еще одним актом признания международного значения АИК, свидетельством важности ее работы.

...Рут с Франком в последнее время переживали кризис своих отношений. Сказывалось то, что Рут быстрее Франка акклиматизировалась духовно в новой обстановке, каждое событие в жизни колонии она старалась рассматривать с точки зрения будущего, а не с маленькой колокольши отдельного факта.

Франк, видимо, и сам не ожидал, что Рут станет такой неутомимой пропагандисткой большевистских идей. Честно говоря, решаясь поехать в Россию, он больше всего надеялся утвердиться в роли не только друга жены, но и правственного, духовного ее руководителя. В этом он видел гарантию любви и семейного согласия. Но Рут никогда не могла заставить себя абсолютно, безоговорочно соглашаться во всем с мнением мужа. Вот и здесь, в Сибири, Франк изо всех сил старался быть чем-то большим, чем просто конторский работник. Но в чем тут дело, он и сам не мог разобраться, — энтузиазм его стал быстро угасать, и тем быстрее, чем стремительнее увеличивался энтузиазм Рут, успевавшей всюду и перезнакомившейся со всеми. Она уже реже вздыхала о Джиме и уже не с таким нетерпением ждала писем из дома.

Она не знала отдыха. Печатаала, считала, делала обзоры, сводные отчеты, стенографировала, возилась с книгами, а после этого до утра пропадала на спектаклях Щегловского народного дома или на самодеятельных концертах, которые устраивали в коммунальной столовой такие же, как она, не-

поседы Кева Орт и Ида Ахо. На этих вечерах, которые проходили по четвергам, было твердое правило — «не отделяться». Поэтому каждый американец приводил с собой двух русских. Играл маленький оркестр — были в нем гитары, скрипки, губные гармошки. Франк с горечью замечал, что Рут чувствует себя веселее и свободнее среди этих людей, чем рядом с ним. Он смотрел, как лихо отплясывала Рут выученную в Сибири «барыню» с красавцем Перси Фраем или с упоением аплодировала высокой полной Альме Лехтинен, умевшей, сняв фартук, мгновенно преобразиться в веселом стремительном танце.

Пусть бы Рут была только такой озорной, веселой, поведь она все чаще становится донельзя серьезной и озабоченной, и не обязанностями хозяйки дома, жены, матери, — а общими делами, проблемами всей колонии. Ведь вон с каким отчаянием восприняла она трагедию на Томи. Она смотрит на все это так, как будто именно она, Рут, виновна в случившемся.

Франк тоже сочувствовал чужому горю, которое так болезненно переживала Рут. И это на время сблизило их. Но уже с каждым днем становилось яснее: дела колонии, которые до недавнего времени непременно находили отражение в личной судьбе Кеннелов, проходили через их сердца, объединяли, сейчас воспринимаются ими по-разному и отдаляют Рут и Франка друг от друга.

Франк все еще порой надеялся начать отношения с женой с белого листа, оставив позади свои колебания и разочарования. Он то верил, что вновь сумеет найти верный тон в отношениях с ней, тон того легкого и снисходительного превосходства, который помог ему в первую пору их знакомства заинтересовать Рут, то вдруг чувствовал тщетность своих надежд.

И с этим надо было что-то делать...

Глава XII

К весне 1923 года стали прибывать новые партии иностранных рабочих. Ехали группы рабочих не только из Америки, но и из Германии, Бельгии, Голландии. Приезжали иногда и в одиночку.

Весть об АИК распространилась за рубежом. «Кузбасский бюллетень», рассказывающий правду о колонии, помогал в борьбе с враждебными слухами. В Нью-Йоркский комитет шли письма, и в них колонисты сообщали, что есть работа, ее не надо искать. Этот факт не меньше других мог тогда убедить американского рабочего в преимуществе нового строя.

Бывали и недовольные, но их становилось все меньше, больше было таких же «правверных», как Рут, как Франк Грунд, как Джон Тучельский.

Как-то Франк Кеннел попал случайно на партийное собрание. Оно было открытым — обсуждались кандидатуры вновь прибывших членов зарубежных компартий, пожелавших вступить в Российскую коммунистическую партию.

Вот выходит вперед пожилой латыш. Приглаживает предевшие рыжеватые волосы, застегивает пуговицы косоворотки. Глаза цепкие, внимательные. Речь медленная, неуверенная.

— Я Андерсен Эдуард. Родился в Митаве, в 1886 году.

Ему нет и сорока, а Франк дал бы ему все пятьдесят. Потрепала-таки его жизнь.

— Работал там же, в Митаве. Участвовал в забастовочной борьбе. Был арестован. Но долго меня не держали — начались волнения в связи с изданием манифеста 17 октября 1905 г. Я продолжал свою деятельность, меня выслали в Смоленскую губернию. Бежал оттуда в Москву. Когда увидел, что полиция идет по моему следу, уехал в Сибирь, в Томск. После Томска — анжерские копи. Там я работал на электростанции.

Франк не верил своим ушам. Как это? Человек уже бы-

вал здесь, в Сибири, мыкал горе ссыльного и теперь сам, по доброй воле, приехал сюда? Или в этой Сибири есть что-то такое, что тянет к ней людей, или это люди особенные?

— Полиция стала наводить справки обо мне. И тогда я решил уехать за границу. Так и сделал — добрался до границы и, минуя Ригу и Митаву, в конце 1908 года уехал пароходом в Лондон.

«Ничего себе амплитуда — Анжерка—Лондон!..»

— Был членом лондонской группы латышских социал-демократов, — продолжает Андерсен. — До 1911 года жил в Англии и в Шотландии. Но жизнь была трудной, постоянно приходилось приспособливаться, менять занятия. В 1911 году решил попытать счастья в Австралии. Там был углеком. Счастья в Австралии оказалось не больше, чем в Англии. Приехал в Новую Зеландию. Там и работал на конях и на золотых приисках до последнего времени. А потом узнал о том, что был призван Лениным помочь России, и посчитал себя обязанным записаться в АИК.

— Есть у кого-нибудь вопросы к товарищу Андерсену? — спросил Арви Тикка, секретарь.

— Почему вы вернулись в Сибирь? — спросил долговязый кудрявый парень из группы финнов. — Неужели в Сибири лучше, чем в Австралии или Шотландии?

— Я уже говорил. Если бы там свершилось то, что свершилось в России, я бы, может быть, и остался. Вот сейчас секретарь назвал меня товарищем. Так звали меня и за рубежом. Но только тайком, на своих собраниях. А здесь меня зовут так всюду. За это можно отдать все.

«Да, этот человек, наверное, лучше других понимает, на что он идет, вступая в партию, — думал Франк Кеннел. — У него-то уж точно не было никаких иллюзий относительно сибирских условий. И все-таки он здесь, и он счастлив».

Выступающие следом серьезны и кратки...

— Я, Ральф Мейда, родился в 1886 году в Италии. Столяр. В 1904 году эмигрировал в США. До отъезда в СССР работал столяром. И здесь я тоже столяр...

— Я, Артур Магерлунд, родился в Финляндии, в городе Або. В 1910 году эмигрировал в Америку, работал плотником по найму. С 1911 года был членом американской Федерации дерево-обделочников. С 1914 до 1921 года я состоял в социалистической партии Америки, то есть до организации Рабочей партии, созданной под флагом Третьего Интернационала, и был ее членом до приезда в СССР...

Выходит стройная молодая американка. Слушая ее, Франк Кеннел невольно сравнивает ее со своей женой.

Рут не состоит в Коммунистической партии — это так. Она слишком увлеклась работой в ИРМ, потом ребенок. Она просто не успела. К тому же Рут в силу своего характера не хотела отрекаться от прошлого, бурного и полного тревог, связанных с ее работой в Народном доме ИРМ, там, в Америке, когда Рут грозил арест и тюремное заключение за ее непримиримость и воишственность. Отказаться от ИРМ значило признать перед всеми и перед собой ложность идеалов, ради которых готова была пожертвовать жизнью, как великий «уоббли» Джо Хилл¹.

— Ты так предана «уоббли», — посмеивался Франк над женой, когда по вечерам расходились их гости, такие же молодые и энергичные, как и она сама. — Вот ты читаешь Ленина, — Франк брал в руки брошюры на английском языке и читал вслух места, подчеркнутые Рут или кем-нибудь из ее товарищей:

«Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением — воле одного лица, советского руководителя, во время труда»².

— Разве это соответствует духу «уоббли»? Дисциплина,

¹ Джо Хилл (Джозеф Хилстрем). Эмигрировал в США из Швеции. Активный участник рабочего движения, член ИРМ. По сфабрикованному полицией обвинению был арестован и расстрелян 19 ноября 1915 года.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 203.

строгий учет, централизм... Тебе ведь это уже нравится? Не испровержение, а строительство, не полет фантазии, а педантизм?

— Ты прекрасно знаешь, — возражала ему Рут, — что Ленин не исключал ни полета фантазии, ни педантизма. Одно хорошо с другим. А здесь, в колонии, надо бы побольше педантизма и учета, чем мы с тобой, собственно, и занимаемся. А «уоббли»?.. Что ж, неважно, кем ты зовешься, важно, за что ты борешься на самом деле. По мне уж лучше страстность «уоббли», чем копанье в себе беспартийных.

Это был камешек в огород Франка, и он, обидевшись, прекращал нежелательный разговор. По почам он часто думал о своих отношениях с женой, опять и опять вспоминал ее слова, спорил с нею, убеждал в своей правоте. Как-то зашел разговор о свободной любви, о браке. Рут, казалось, говорила для него одного:

— Буржуазное общество воспринимает женщину прежде всего со стороны ее пола. Она лишь дополнение к мужчине, лишь удобство, созданное для удовлетворения его потребностей и теряющее свою ценность, как только ее молодость и красота начинают идти на убыль. Нам отказывали в праве быть товарищами мужчин, распоряжаться своей судьбой. Я уверена — там, дома, нас, поехавших сюда, не принимают всерьез. Они полагают, что мы или ищем здесь новой любви, или бежим от старой. И никому в голову не приходит, что мы ехали сюда для того, чтобы обрести себя, стать личностями, а не служить «украшением сильного пола».

— Верно, Рут! Верно! — на этот раз подруги Рут выступили единым фронтом, а мужчины — Франк, Ирвин Ауэрбах, Перси Фрай — только посмеивались над горячностью этих пропагандисток эмансипации. Скептически снисходительные улыбки мужчин бесили Рут и ее подруг. Вот уже в атаку пошла Нелл Фис.

— О, этой женщины берегитесь не меньше собственной жены, — шептал Франку Ирвин Ауэрбах. — Не хотел бы я иметь жену, на счету которой двенадцать демонстраций, де-

сять маевок, шесть участия в партийных конференциях и съездах.

— Они, мужчины, считают, что они — хозяева жизни, созидатели, производители и творцы. А женщине оставляют роль очаровательницы, игрушки, экономки и няньки...

Франк отмахнулся от своих невеселых воспоминаний и снова стал слушать выступающую.

— С 13 лет я вынуждена была идти в служанки, — продолжала женщина. — Семь лет работала в учреждениях, гостиницах, частных лавках. Поступила на курсы стенографии в коммерческое училище. С тех пор занимаюсь конторской работой. В 1917 году, в апреле, я вступила в союз «Индустриальные рабочие мира» и была в нем до осени 1919 года. В сентябре 1920 года в Нью-Йорке я вступила в Американскую коммунистическую партию.

«Кажется, это Ленин сказал, что каждая кухарка при Советской власти будет управлять государством, — размышлял Франк, выбираясь из душного помещения на улицу, где уже наступал прохладный июньский вечер. — Она приехала, чтобы внести в этот тезис поправку — она была служанкой, а теперь работает в управлении».

По вечернему лесу медленно шел человек. Любой встретившийся ему на пути понял бы, что у человека тяжело на душе. А человек шел и с отчаянием понимал, что он сам забрел в лес, в котором заблудился, потеряв спутников.

Глава XIII

Шел к концу 1923 год, второй год восстановительного периода. Все яснее и яснее чувствовались результаты героического труда рабочего класса Советской России.

И в Кузбассе стали уже ощутимы результаты деятельности интернациональной колонии. Планомерно работали шахты, кузнецкий уголь поднял к жизни железнодорожный

транспорт Сибири. В едином народнохозяйственном плане развития Сибири было признано необходимым строительство в Кузбассе металлургического завода.

Металлургия — вот что выдвигалось на одно из первых мест в экономике страны.

Рут часто слышала, как Рутгерс говорил о том, что Кузбасс получает новый стимул для своего развития, что перед колонистами стоит теперь очень важная задача — достройка коксохимического завода. Вот где вновь мог пригодиться квалифицированный труд американских рабочих. Рут вспомнились строки из газеты «Советская Сибирь»: «Самое ценное, что знает мир, это человеческий труд. А пролетарская эмиграция, направляющаяся в Россию, несет с собой в нашу страну неисчислимы сокровища искусного и квалифицированного человеческого труда». Они принадлежали И. М. Майскому, председателю Сибгосплана.

Именно это — искусный и квалифицированный человеческий труд — хотели отдать Кузбассу и члены АИК.

Главной задачей было поднять производительность труда. Колония много сделала для того, чтобы оснастить предприятия новым оборудованием. Однако это еще не решало проблемы в целом. Сказывалась и ограниченность в средствах, и отсутствие должной подготовительной работы. Было еще одно возможное средство — перестройка системы производственного процесса и управления, экономия и упрощение аппарата.

И действительно был наведен порядок в работе, введена новая система учета, строгий контроль за использованием материальных ценностей.

«Новейшие производственные методы опираются в такой же мере на новые организационные формы, как и на машины! — писал Рутгерс в своей статье, помещенной в «Правде». — А статистика... безусловно является важным фактором каждого современного предприятия... Без нее мы были бы подобны человеку с закрытыми глазами. Как можно па-
правлять производство, не улавливая всех его закономерно-

стей? Ни один руководитель, будь он гениальнейшим, не способен обойтись без статистики, без введения рациональной организации труда».

Этот тезис имел прямое отношение к Рут, к ее работе.

Еще год назад, в октябре 1922 года, Себальд Рутгерс писал В. И. Ленину о том, что самое главное для колонии, по его мнению, — «располагать достаточными организаторскими силами, которые знакомы с новейшими методами производства и способны проводить их в жизнь».

— Когда мы приехали, — говорила Рут мужу, — в отделе снабжения для всех тридцати человек хватало работы, а сейчас ее делают тринадцать.

Это были нужные и необходимые меры. Но главной заботой становился завод. Колонисты понимали, что его строительство, пусть он будет не велик, поможет решению большой проблемы — становлению металлургии в Кузбассе. Но не только локальное сибирское значение имел этот завод. Задача ставилась шире. V Сибирская конференция в апреле 1922 года в своем решении записала: «...развитие и расширение добычи угля в Кузбассе должно идти из расчета не только обслуживания Сибири, но и восстановления уральской металлургии...» Поэтому и не случайно, что хотя в стране восстановление металлургической промышленности началось с 1923 года, в Кузбассе уже в 1922 году вопрос о строительстве металлургического завода был решен, а достройка и пуск коксохимического завода становились первоочередной задачей.

И еще одну мысль часто высказывал Рутгерс в среде своих единомышленников: все планы, говорил он, обращены в будущее, когда Кузбасс станет и районом химии. Сейчас это только коксохимзавод. А в будущем... Это увидят те из колонистов, которым посчастливится через много лет вновь вернуться в Кемерово, город, где они осуществили многие замыслы и надежды.

Франк готовился к отъезду. Поняв, что он не нашел себе прочного места ни в колонии, ни в собственной семье,

он мучительно искал выхода из душевного кризиса. Что скрывать: он, выпускник богословского факультета, человек, привыкший оперировать категориями, далекими от житейской прозы, не ощущает больше никакого желания оставаться в роли счетовода колонии. Раньше он готов был мириться с нелюбимым делом, надеясь, что это поможет ему сохранить Рут, семью. Теперь, видя, как жена уходит от него в своих стремлениях и настроениях, Франк понял, что он больше не может насиловать себя. Об этом он и думал, идя с Рут по самому краю Красной Горки, под которой внизу текла Томь. Он с удивлением обнаружил в себе чувство сожаления о том, что, возможно, никогда в жизни не увидит больше ни этой панорамы на левом берегу, ни шаткого «чертова мостика» над оврагом, не зачерпнет воды из веселого ласкового родничка, что пробивается меж зарослей внизу, у подножия лестницы, ведущей на гору. И какими бы горькими ни были мысли Франка, он чувствовал, что будет вспоминать об этом в своих снах, как вспоминают в старости о счастливом детстве.

— Рут, ты, конечно, не думаешь о возвращении? — спросил он, заранее зная, что она ответит. И потому, не дождавшись ответа, продолжал, как о давно решенном:

— Я не могу больше так! Ты со мной — и тебя нет. Так пусть хоть Джим будет рядом. Разве тебя не тянет к нему? Разве тебе не хочется увидеть, каким он стал после разлуки? Знаю, ты не поедешь...

Рут не отговаривала мужа. Она чувствовала себя тесно связанной с делами колонии, ее захватил всецело темп новой жизни. Казалось, что она после долгих поисков обрела то, к чему стремилась все предшествовавшие годы. Тревожила судьба Франка. Хотелось сделать так, чтобы отъезд не унизил его достоинства.

К счастью, все устроилось быстро. Колонии нужен был представитель в Нью-Йорке для защиты ее от судебных преследований, так сказать, живой свидетель из «ада». Им и стал Франк. Служебное поручение помогло Франку сохранить

достоинство при отъезде, не рискуя услышать недоуменные вопросы непосвященных или сочувственные сентенции тех, кому были известны истинные причины его отъезда.

А лето оставалось летом. И молодость — молодостью. И оставался солнечный остров, и целительный воздух бора, и таинственность старой мельницы на берегу, куда друзья Рут любили ездить по воскресеньям.

Тогда-то и сфотографировали ее, весело щурящуюся на солнце, в высоком кустарнике острова, на Томи — и такой она запомнилась американским читателям «Кузбасского бюллетеня» — с улыбкой, «которая возможна даже в Сибири».

Летом в Кемерово приехал Том Баркер. Он хотел своими глазами увидеть дело, у истоков которого он стоял. Ведь он вместе с Рутгерсом и Хейвудом подписывал договор об учреждении колонии.

Инспирированная врагами страны Советов, врагами коммунистической партии Америки шумиха о судьбе американских колонистов в Сибири продолжалась. И Том Баркер считал своим долгом дать достойную отповедь клеветникам. И вот на страницах коммунистического журнала «Нью Мэсиз» появляется заметка «Ад в Сибири».

«Когда бог создал реку Томь, — писал Баркер, — он в той части лесов, которая зовется Сибирью, поставил остров с песками и кустарником и всем остальным, совсем близко к тому месту, где «Кузбасс» добывает каменный уголь. Летом в Сибири — так же жарко, как и там, куда попадают все грешники. И поэтому рабочие, как только прогудит гудок «сменяйся», бегут со всех ног к Томи, чтобы перебраться на тот остров.

По воскресным дням там целая толпа плещется в воде: мамы, папы и дети, и шахтеры, и служащие...»

Таким образом, этот сибирский «ад» при ближайшем рассмотрении оказывается всего лишь... раскаленным от палящего солнца песчаным пляжем на острове.

Не только о солнечных днях отдыха писал Баркер. Он рассказывал американскому читателю о трудовых буднях

колонистов, о горячем стремлении помочь первому в мире государству рабочих и крестьян.

Тем временем Рут помечала в своей записной книжке, готовясь к очередному годовому отчету: «Выпуск продукции растет. Построены дороги от мастерских к берегу и железной дороге. Проводится водопровод. Обещают даже газ. Доктор Малер вернулся из Германии со специалистами и оборудованием. Там монтируют лабораторию, механическую мастерскую. Идет капитальный ремонт здания завода. К концу года мы выбросим свечи — будет пущена электростанция».

Глава XIV

— Рут! У нас будет, наконец, своя школа! Американская! — вбежала в библиотеку Аня Прейкшас, давно и добровольно записавшаяся в помощники Рут.

— Ты же ходишь в русскую, — сказала Рут, и они вместе дружно рассмеялись. Бедная Аня! Ее страсть к учебе была готова сокрушить все преграды на своем пути, кроме... русского языка. Скорей всего, ее учеба в русской школе была не процессом приобретения знаний, а лишь способом приобщения жизнерадостной Ани к шумной компании русских сверстников.

— А кто же будет вас учить?

— Да ведь с этим-то я прибежала к вам! Они приехали!

— Кто они! Разве учителей несколько?

— По правде сказать, я даже не знаю, кто из них учительница. Они все так похожи — как родственницы. И у всех трех такие прически, как у вас. Только они старые, и у них ужасно строгие костюмы! Наверное, учительница будет черствым сухарем.

— Ничего, это тебе не повредит.

Эльза Мелман, учительница, о которой Аня вела речь, действительно приехала вместе с двумя своими учительницами Сьюзен Митчел и Элен Вильсон. Все три были из Беркли. Их так и прозвали — «дамы из Беркли».

Опасения Ани оказались напрасными: Эльза Мелман отнюдь не была синим чулком. Просто внешняя строгость и чопорность были защитной оболочкой для одинокой женщины. Они не помешали ей принять весьма смелое решение — поехать в Россию. Да не просто в Россию, а на край ее — в Сибирь.

Вскоре было найдено и помещение для школы — комната на втором этаже коммунального дома.

Однажды вечером учительница позвала с собой ребят. Была среди них, конечно, и Аня Прейкшас. Этой учительнице, говорившей так спокойно, смотревшей так открыто и приветливо, просто невозможно было отказать.

— Помогите мне подготовить класс.

Ребят больше всего заинтересовал огромный чемодан учительницы. В нем действительно оказались замечательные вещи — книжки с цветными картинками, акварельные краски, клей, баночки чернил...

Аня выбрала несколько картинок и развесила их по стенам класса. Ей помогали другие ребята, и скоро класс преобразился.

...Аня все больше и больше привязывалась к учительнице. Ходила с ней в лес, на экскурсии, собирала грибы, листья для коллекций, для нее зубрила историю, географию.

И Рут тоже сблизилась с Эльзой. Они стали соседками по комнате.

Это время было для Рут поворотным. Она не знала еще, насколько окончателен разрыв с Франком, мучилась, обдумывала все возможные варианты своей жизни: с ним, без него, здесь или в Америке. В одном варианты эти были неизменны — в них всегда присутствовал сын, ее Джим, белокурый мальчик, с которым она рассталась так давно и с которым мысленно не расставалась ни на минуту.

Соседка Рут тоже, как видно, не была счастлива в личной жизни. Рут не знала всех подробностей и не стремилась их узнать.

А через некоторое время Рут стала замечать, что Эльза

все реже надевает свой ужасный костюм, все чаще перебирает не очень разнообразные наряды, прежде чем пойти на занятие или в столовую. Объяснение этому нашлось очень скоро. У Эльзы появился необыкновенно ценный помощник для оборудования классной комнаты — им был Вальтер Попп, известный всей колонии чудаков-изобретатель. Ребятишки ходили за ним по пятам. Только они поддерживали во всем Поппа, принимая все его идеи с энтузиазмом и безусловной верой в реальность их исполнения. А идеи у Вальтера Поппа появлялись одна за другой.

Впоследствии Рут вывела Вальтера Поппа в своей книге «Товарищ Костыль» под именем Гораса Зеппа. «Зепп — это Вальтер Попп до мелочей», — писала она потом. Вот как рассказано о Вальтере в романе: «У него в доме был ужасный беспорядок. Какие-то лампы, кисти, каталоги... Он страдал от снежной слепоты и изобретал средство против нее. Согласно его теории нужно было периодически давать отдых одному глазу. У Зеппа были защитные очки, и он теперь работал над их усовершенствованием. Чем больше работал Зепп, тем сильнее рос его энтузиазм. Идеи просто распирали его.

— Ты не замечал, — говорил Зепп Давиду, — что утренний свет раздражает, когда спишь? К тому же у нас бывает так, что один встает, чтобы идти на работу, а другой ложится, придя со смены. Надо всем иметь мои очки и обязательно надевать их на время сна.

— За свои очки я мог бы получить деньги, — хвалился Зепп, — но я лучше подарю это изобретение Советскому правительству».

Взрослые посмеивались над Вальтером Поппом и над его чудачествами, а для детей он был своим. Таковы уж законы детской логики. И коли такой человек, как Вальтер Попп, полюбил их новую учительницу, значит, и она свой человек.

Глава XV

Колония встречала осень 1923 года оптимистически.

Рутгерс сообщил радостную весть: Госплан поддерживает развитие АИК «Кузбасс». На работы по Кемеровскому руднику дополнительно выделено 350 тысяч рублей дотации и 400 тысяч рублей кредита.

Вечерами Рутгерс вместе с Пирсоном работали над программой дальнейшей механизации шахт.

Перспектива развития рудника требовала решения многих вопросов быта. Началось строительство новых домов.

Все лето с Алтая подвозили лес для домов, и они вырастали на Красной Горке. Жилищные условия улучшались. Переселились в уютный коттедж Пирсоны. Самому Альфреду некогда было особенно восхищаться новым жильем — ему было просто не до этого. Проблемы сваливались со всех сторон.

Кризис сбыта угля... Не все это сразу поняли. А Пирсон, горячо включившийся в работу рудника, не мог представить себе, во имя чего теперь сдерживается добыча угля.

— Черт бы побрал этот кризис сбыта! — выходил из себя Пирсон, досадуя на то, что простои могут размагнитить рабочих, наконец обретших нужный для настоящей работы темп. — То мы кричали: «Давай, давай! Страна ждет!». Не спали и мокли в штреках, а теперь вынуждены искусственно сдерживать энтузиазм людей.

Рутгерс успокаивал расходившегося Пирсона:

— Мы просто сделаем то, что давно нужно сделать. Отправим людей в отпуск, переведем забойщиков на поверхность, расширим подготовительный фронт.

Рутгерс хорошо понимал, что кризис возник не потому, что не было нужды в угле. Восстановление промышленности, усиление железнодорожного движения, восстановление металлургии — все это повышало спрос на уголь. А между тем действительно с осени 1923 года на шахтах Кузбасса осталась значительная часть нереализованного угля. Такое

положение сложилось потому, что в предыдущие годы в условиях топливного голода на транспорте уголь Кузбасса шел главным образом на железные дороги Сибири. Теперь топливный голод на транспорте был изжит. Теперь уголь надо было продвигать на запад, искать новых потребителей. А для этого нужно было увеличить производительность труда на шахтах, снизить расходы, провести опыты, которые показали бы качество кузнецких углей.

Вот почему Рутгерс настойчиво доказывал необходимость расширения подготовительных работ, дальнейшей электрификации рудника.

Но был и еще один путь использования кузнецкого угля — его коксование на месте, в Кузбассе.

Коксохимзавод... Он мог дать кокс Сибири и Уралу и отчасти решить проблему сбыта. Недаром Госплан дополнительно выделил на развитие Кемеровского рудника и коксохимзавода новые кредиты и субсидии.

Коксохимический завод оставался самой большой заботой руководства колонии. Надо было спешить с его пуском. Но тут оказалось, что не хватает отдельных частей проекта. Новый директор завода Вильям Малер и его помощники разрывались на части, пытались сократить сроки восстановления проекта. Завод должен войти в строй в начале 1924 года. О нем — все заботы Рутгерса, колонистов, русских товарищей. А забот немало. Копикузовцы оставили после себя небрежно сложенные печи и массу всяких недоделок. Надо было за короткий срок завершить работы по переделке и новой укладке печей, поставить новые насосы, коксовыталькиватель, смонтировать и освоить отечественное и заграничное оборудование.

На заводе складывался сплоченный коллектив. Основу его составляли советские рабочие. Среди них были потомственные металлурги, прибывшие из Донбасса, местные рабочие, уже не один год работавшие на строительстве. С ними вместе трудились колонисты, к которым в 1923 году добавились специалисты из Германии.

К началу 1924 года подготовительные работы на заводе были закончены, и он был готов к пуску. И вот Рутгерс записывает в своем отчете: «Коксовые печи бтапливаются, и химзавод будет пущен в феврале 1924 года».

Что касается настроения Рут в ту пору, то Драйзер позже расскажет: «Оказалось, что Рутгерс... — к удивлению и радости Эрниты, — считает ее чрезвычайно ценной помощницей, и это очень упрочило положение молодой женщины в колонии. Она не только работала как секретарь, счетовод и машинистка и вела корреспонденцию, она могла на основе известных ей данных подготовить материалы для доклада или отчета... Благодаря этому Эрнита стала чувствовать себя гораздо увереннее...»

«...холод был нам нипочем, — приводит Драйзер слова своей героини. — Мои платья стали просто посмешищем, белье превратилось в лохмотья. Но мне было все равно. Ибо для меня было достаточно моих идеалов. Они меня питали и грели. Поистине я служила преданно идее Ленина и следовала его идеям и замыслам, как я их понимала. Только он, он один — каким я его представляла себе, с его ясным взглядом и полной отрешенностью от личного честолюбия, — мог руководить величайшим сражением в истории человечества. Мне кажется, я полюбила Ленина с той минуты, как узнала о нем».

Тем, кто читал статьи Рут в «Нейши», и в голову не могло прийти, как нелегко было автору этих оптимистических и деловых статей постигать сердцем то, что она уже постигла сознанием. Не просто пришла она к пониманию необходимости подчинения идеям коммунистов о единоначалии, строгой дисциплине, дифференцированной оплате труда.

В мае 1923 года Рут писала в «Нейши»:

«Те, кто приехал, должны принять эту программу («Россия требуются машины и люди, ими управляющие» — так сформулировала она ее) так же, как они должны были бесспорно принять руководство Коммунистической партии. Толь-

ко на таком реалистическом основании Россия может построить новый социальный строй...»

А сердцем она все еще никак не могла порвать с идеалами «уоббли», для которых главным было сокрушение старого, проходящее ярко, стремительно, ежечасно рождающее героев, и где-то на второй план отходили задачи долгой, утомительной, прозаической созидательной работы. Часто Рут оставалась одна в своей библиотеке и, глядя в окно на гуляющих по берегу русских девушек в ярких юбках и красных косынках, с горечью думала о том, что никакие внешние приметы революционности не способны повлиять на темп жизни, ставшей вдруг такой деловой и прозаической. И тогда приходили мысли: стоило ли уезжать, бросать ребенка, чтобы здесь, в России, найти прозу арифмометров и машинки?

И снова вспомнила последнюю ночь, проведенную со своим мальчиком.

Только что Симон Ган рассказал Рут о письме сестры из Америки:

— У вашей подруги Мелли родился ребенок.

Известие это поразило Рут. Она не могла представить деловитую, по горло загруженную работой в американской коопере «Кузбасса» Мелли Кальверт в роли матери.

«Дни станут длиннее, а работа труднее, чем любая другая, которую ты до сих пор делала. Но в то же время это самая поглощающая и удовлетворяющая душу работа, которую только может делать человек,— писала Рут, поздравляя Мелли с новорожденным, и тут же добавляла: — Если только у тебя не мой характер и не моя жажда вечно решать мировые проблемы...

Наш страстный идеализм,— продолжала Рут,— вынужден сейчас выливаться в самую обыкновенную работу, и никто не скажет вам о том, какие мы благородные, какую большую жертву приносим». Она еще находила силы для проны, но нет-нет да и закрадывалось сомнение: не счастливее ли Мелли, которая дома, не разлучаясь с ребенком, делает полезную революции работу?

«Увы, почти все «убобли» покинули колонию. Билл Хопкинсон, Чарли Кинг, Ниф и многие другие... Что касается меня, мне хотелось бы пробыть здесь два года. Я очень люблю свою работу...» — замечает далее Рут.

Рут не уехала. Она знала: пужно время, чтобы понять логичность происходящего.

Рут училась постигать происходящее и была не одинока в своих стремлениях понять и почувствовать правоту тех, кто видел в колонии воплощение высоких идеалов нового общества.

И не только Рутгерс и его единомышленники вселяли в Рут уверенность. В колонии все больше было людей, осознающих важность своего труда, принявших новые порядки.

В «Кузбасском бюллетене» Пирсон напишет: «Я видел в Америке много горных районов, по сравнению с которыми Кемерово кажется сказочным городом...» Один из членов Нью-Йоркского организационного комитета, вернувшись в декабре 1923 года из Кемерово, расскажет на страницах того же журнала о собрании иностранных рабочих, на котором будет принято решение о возвращении для работы в Кузбасс после отпуска. А один из колонистов скажет ему, что «...уехать из Кузбасса — значит, бросить интересную книгу, не дочитав ее».

И кто знает, возможно, те, кто уехал, долго еще тосковали по России, по ее трудным, тернистым путям. Через несколько лет Рут прямо напишет:

«Кузбасские колонисты горды своими достижениями. Мы чувствуем, что вложили часть себя в создание этой программы. Мы все хотим чувствовать, что внесли посильный вклад в социалистическое строительство». В этом докладе для Всеобщего общества культурных связей с зарубежными странами, написанном Рут в 1931 году, она признает, что почти не знает колонистов, которые, уехав, не рвались бы назад в СССР.

Об этом периоде своих колебаний Рут Кеннед напишет в письме к одному из авторов этой книги в 1969 году:

«Мы с мужем больше склонялись в своих симпатиях к ИРМ, но в конце концов порвали с их позицией, приняв структуру и цели кузбасской колонии и согласившись с планами Советов».

Письмо Рут к Мелли Кальверт, письмо очень личное и очень искреннее, написанное в горькую минуту сомнений, все-таки не было свидетельством отступления, в нем крылись симптомы того, что его автор способен преодолеть временную слабость. И Рут ее преодолела. Именно потому, что это далось ей с болью, как всякий разрыв с прошлым, Рут оскорбил драйзеровское толкование событий того лета. Знаменитый романист решил, что отыскал истинные мотивы поведения Рут, когда написал в «Эрните»:

«Ее удерживало здесь многое, а оправдывала она себя тем, что не вправе нарушить двухлетний контракт, да она и нужна здесь. Но главной причиной, как она призналась мне, было то, что она влюбилась... И так как Эрните нравились не только его вьющиеся волосы и голубые глаза, но и его беззаветная преданность делу, его кипучая энергия, она постепенно прониклась мыслью, что правы коммунисты, а не члены ИРМ...»

Имея в виду такое одностороннее толкование Драйзером ее душевного кризиса, Рут писала много лет спустя Мелли Кальверт: «Я никогда не прощу его за Эрниту».

В тридцатых годах Рут будет представлять драйзеровскую «Галерею женщин», куда вошла и «Эрнита», русским читателям (она напишет к ней предисловие) и попробует в нем объяснить свое резкое несогласие с точкой зрения Драйзера.

Не раскрывая имени прототипа Эрниты, Кеннел протестует против попыток Драйзера изложить историю героини так, чтобы она подтверждала его теорию: женщина не может быть счастливой, если она попытается выйти за пределы своей чисто женской судьбы и что «любая женщина в конце концов только женщина».

Яростно защищая Эрниту, жизнь которой, как пишет

Рут, известна ей «лучше, чем автору», Кеннел обвиняет Драйзера: «Он делает вид, будто она сама сообщила ему свою историю и выдает свои слова за ее собственные...»

Рут не согласна с тем, что автор делает из своей героини трагическую одинокую фигуру. Покинутая любовником, порвавшая с мужем, разлученная с ребенком, она — по Драйзеру — решает остаться в России и продолжать свою работу, в которую она тоже верит не до конца. «Когда Эрнита на самом деле вернулась в Америку, — утверждает Р. Кеннел, — то никто из ее знакомых, кроме автора, не нашел, что у нее печальный или разочарованный вид. Все нашли, наоборот, что она поздоровела и по виду лучше и счастливее, чем несколько лет назад, когда она уезжала в Сибирь».

Что ж, это все-таки была история Рут Кеннел. И жизнь Эрниты, героини Драйзера, совсем не обязательно должна была во всем совпадать с жизнью ее прототипа. «Эрнита» — не документальный очерк, а художественное произведение, вполне допускающее авторский домысел и авторскую трактовку событий.

Рут Кеннел будет спорить об этом с великим писателем, неверно, как ей казалось, истолковавшим мотивы ее поступков, но прежде ей предстояло вести спор с самой собой, выстоять и победить в этом споре...

Глава XVI

«2 марта 1924 года в 12 часов дня в Кемерове торжественно открыт химический завод в присутствии полутора тысяч рабочих и крестьян. Под звуки «Интернационала» произведен первый выпуск кокса. Рабочим классом при помощи центральных и местных органов власти, профсоюзных организаций, иностранных пролетариев, членов колонии АИК Кузбасса одержана значительная победа на трудовом фронте». Такую телеграмму правление АИК адресовало Сибирскому бюро ЦК РКП(б) и Сибревкому.

Ярким весенним днем весь Щегловск собрался на митинг

по этому торжественному случаю — ведь входил в строй не только единственный в Кузбассе, но и первый в Сибири коксохимический завод. Завод вступил в строй ровно через год после передачи рудника в полное подчинение АИК «Кузбасс». Колонисты радовались этому событию как личному празднику.

— Мы заявим миру, что колония уже больше не эксперимент, а успешно действующее предприятие! — говорил Рут Сэм Шипман. — Ты помнишь, как всем нам казался невероятным пуск завода.

Рут разделяла радость Сэма, с которым особенно сблизилась за эту зиму. В Сэме она нашла поддержку в трудный период своих колебаний и сомнений. Она окончательно порвала с идеологией «уоббли». Сэм свято верил в идеи коммунистов и неизменно горячо защищал их во всех дискуссиях, разгорающихся время от времени в колонии, как это было, например, перед заключением коллективного договора между русскими профсоюзами и АИК летом 1923 года.

Огромной утратой для колонистов явилась смерть В. И. Ленина. Ведь Ленин для них был символом новой России, символом революции.

На траурный митинг собралось так много народу, что его пришлось проводить под открытым небом. В Кемерове при сорокаградусном морозе тысячи людей, глубоко потрясенных, слушали речи ораторов.

— Сумеет ли страна выдержать эту потерю? — с тревогой спрашивал Сэм Шипман в те дни. — Не сдаст ли с его смертью завоеванные позиции? И не изменится ли отношение к нам, колонистам? Ведь всем известно, что Ленин — друг колонии, соавтор ее идеи.

После тех скорбных январских дней, полных печали и тревоги, прошел месяц. И вот сейчас Рут и Сэм спускаются к реке, чтобы влиться в нарядные толпы спешащих на митинг. Сугробы снега сверкают под лучами еще холодного, но уже яркого мартовского солнца. Красный кушак Рут, котрым она перетянула свой овчинный полушубок, на этом солн-

де кажется деталью праздничного оформления. Стоит двадцатиградусный мороз. Играет несколько оркестров, красные полотнища развеваются на ветру, контрастируя со снежно-белым покровом земли. На трибуне, кроме руководителей колонии, — представители СТО, гости из Новоиколаевска, Томска, Екатеринбургa...

Слово берет Вильям Малер. Этот солидный человек, которому, казалось, чужды восторги и эмоции, сейчас взволнован:

— Камераден! — говорит он по-немецки. — Друзья! Сегодня мы торжественно открываем наш завод! Мы долго ждали этого часа!..

Рут чувствовала, что митинг продлится долго, а ей не терпелось пройти внутрь, на завод. Она потянула за руку Сэма, и они стали протискиваться через толпу. В просторном зале гудели машины, и, казалось, они передают стенам свой нетерпеливый гул.

— Еще летом здесь вили гнезда птицы, — сказал почему-то шепотом Сэм. Рут добавила:

— Теперь им придется поискать места потише.

Когда они подошли к коксовым печам, как раз окончился митинг, и народ хлынул поближе к заводу. Наверху, у люков, остановился директор Малер и другие инженеры. Раздался звук сирены. Поднялась тяжелая дверь. Глазам всех предстала алая, еще монолитная стена кокса. Грянул туш, взорвались аплодисменты, и, казалось, подталкиваемая этими аплодисментами, стена рухнула, залив алым месивом площадку перед собой. Потом все закрыла стена дыма.

Даже Сэм, при всей своей горячности, воспринял этот торжественный акт молча. Он замер там, где остановило его падение алого коксового пирога, и это молчание было единственно возможной для него формой выражения восторга, восхищения и торжества.

Сегодня «американцы», как привыкли звать их щегловцы, заслужили право на слово «молодцы».

— Как жаль, что Ленин не дожил до этого дня! — гово-

рила Сэму Рут, спускаясь с крыльца заводской конторы. — Мне кажется, он все-таки опасался, что, несмотря на колоссальную помощь со стороны Советского правительства, мы можем загубить дело, если не наладим добрых взаимоотношений в коллективе. А ведь основания для опасений у него были. Теперь не пойдешь к нему и не скажешь: «Спите спокойно, ваша идея воплотилась в жизнь».

— В Сибирь стоило ехать только для того, чтобы увидеть, как Малер будет размахивать красным флагом, стоя над батареей с горящим коксом. Будь я художником, я изобразил бы этот момент и назвал бы картину: «Апофеоз».

По дороге они нагнали Вальтера Поппа и Эльзу Мелман. Вальтер забежал вперед и, оживленно жестикулируя, что-то горячо доказывал своей спутнице.

— Не иначе, Вальтер излагает новый проект второй коксовой батареи, — сказал Сэм над ухом Эльзы Мелман, когда они поравнялись.

Эльза обернулась, смеясь. И Рут как бы впервые увидела свою соседку по комнате. В полушубке, косматой шапке и неуклюжих пимах, Эльза была совсем не похожа на ту чопорную и неприступную даму, какой казалась она в строгом учительском костюме. Добрые глаза блестели из-под очков, лицо согревала ласковая улыбка, с которой прислушивалась она к болтовне Поппа.

— Не надоел он вам еще своим прожектерством? — спросил Сэм, хлопая Вальтера по плечу. Эльза тоже улыбнулась в ответ, и Рут позавидовала этой улыбке.

А ночью были танцы и шир на весь мир. В коммунальный дом пришли редактор газеты «Советская Сибирь», члены Сибревкома, председатель Сибирского топливного управления, представители Кузбасстреста, москвичи.

Оркестр играл что-то среднее между американскими и русскими таццами, с кухни доносились дразнящие ароматы. Русских девушек, разносящих угощение, подхватывали веселые американские инженеры и кружили в танце, не пуская их на кухню и умоляя побыть с ними. Стеснительные рус-

ские шахтеры, в свою очередь, становились жертвами энергичных девушек из оффиса.

Особенно легко кружил свою партнершу в светлом платье Лев Викторович Чезарри, весельчак и балагур. Это он однажды сыграл с доверчивыми русскими девушками шутку. Он научил нескольким английским словам, заявив, что они значат «до свиданья». Когда девушки решили поразить провожавших их американцев познаниями в английском, те сначала растерялись, а потом расплылись в радостных улыбках. Сконфуженные девушки только тогда узнали, что по совету коварного Чезарри они просили... поцеловать их.

Но теперь коварство забыто. И девчата с удовольствием танцуют с молодым инженером. Наконец оркестр устал. Ему на смену вышел молодой татарин с гармошкой. Зрители хлопали в такт музыке, в то время как повторялись фигуры из любименного в Щегловске танца с припевом:

- Девочка Надя, чего тебе надо?
- Ничего не надо, кроме шоколада...

Сегодняшнее пиршество было намного богаче первого рождественского праздника. Тогда благосостояние колонии измерялось запасами, привезенными с собой. Сегодня оно во многом определялось успешной работой колониестской фермы, которая была поставлена на весьма солидную основу.

Хоть наступила весна, когда запасам полагалось бы уже истощиться, горы рассыпчатой картошки, глянцевиито-красных помидоров, засоленных под руководством русских хозяек, чашки со сметаной свидетельствовали о домовитости и предусмотрительности.

Дни, подобные этому праздничному мартовскому дню, обладали особой чудодейственной силой. В них как бы в фокусе сосредоточивались сотни, тысячи больших и малых дел, коллективных и личных стремлений. Они объединялись, чтобы, выплавившись в четкую, реальную форму, какой стала сегодня первая батарея завода, заявить во всеуслышание: «Я

плод ваших надежд, я благодарность за вашу стойкость, я останусь памятником вашей коллективной воли».

Хотелось, чтобы этот вечер длился долго-долго, чтобы такие праздники бывали почаще, если, конечно, возможны частые пуски батарей, шахт, заводов. Победа — венец дела. И только с ее вершины человек способен оценить себя и свой труд, соизмерить долю своего участия в общем достижении.

Поэтому и веселились до утра на этом коллективном празднике колонисты: пуск завода принес им реальное подтверждение права на уважение русских людей, права на самоуважение. Жизнь подтверждала эти права.

«Положение рабочего района кемрудника и коксохимзавода несомненно улучшилось. Несмотря на сокращение штата рабочих, производительность увеличилась, об этом говорит повышение месячной добычи угля. Если некоторое время тому назад его добывалось 440—480 тысяч пудов, то теперь добывается 833 тысячи, причем АИК ставит своей задачей повысить добычу до 1—1,5 миллиона пудов. Большое оживление в работу внесено открытием и пуском коксохимзавода, который работает с 3 марта без перебоев. Повышение производительности труда в рабочем районе объясняется тем, что Кемеровский рудник в силу своих организационно-хозяйственных особенностей поставлен в хорошие условия в смысле техники и устройства материального быта рабочих. АИК твердо и неуклонно проводит повышение заработной платы рабочим, а также широкое индивидуальное кредитование...

В составе рабочих рудника и коксохимзавода люди 27 национальностей. Но никакой национальной розни нет... Наблюдаются случаи трений между рабочими и администрацией АИК на почве различных технических недоговоренностей, которые однако быстро улаживаются и существенного значения не имеют.

На английском языке ведется кружок по изучению лекции «Ленинизм».

Так выглядела «айковская» часть отчета Щегловского

укома за период с октября 1923 по апрель 1924 года.

Рут вела свой отчет с «поля боя», и ее «донесения» имели немалое значение для правдивого и непредвзятого освещения жизни колонии за рубежом.

В послесловии к статье Рут о делах АИК в 1924 году «Нейшн» писала в номере от 26 ноября 1924 года: «Нам просто повезло, что мы имеем возможность опубликовать сообщение о прогрессе в американской колонии, которое положит конец диким рассказам о несчастьях, нищете, заполняющим колонки нашей ежедневной прессы. Эти обвинения послужили причиной привлечения к суду девяти человек, обвиняемых в преступном заманивании ничего не подозревающих американцев в сибирские места пыток.

Все это рассказано американской женщиной с юмором и беспристрастностью, что действует явно освежающе после описаний ужасов.

Это картина, которую невозможно забыть и которой нельзя не поверить... Это свидетельство тех людей, у которых есть цель и есть мужество добиться своего».

Рут писала о производственных делах колонии, о том, что «химический завод выполняет программу и производит бензол, нек, каменноугольную смолу и нафталин», рассказывала о жизни и быте рабочих:

«Дети рабочих завода приходят в мир точно так же, как и американские, — в современных больницах. Матери оказывается бесплатная медицинская помощь, выделяются двадцать рублей из фонда социального обеспечения на одежду ребенка и определенная сумма на молоко в течение первого года... Можно больше купить предметов первой необходимости не только потому, что они имеются в продаже, но и потому, что у людей больше денег. Стабилизация денежного курса положила конец затруднениям, увеличилась зарплата кузбасских рабочих...»

Жизнь Рут тоже налаживалась. Им с Эльзой уже не приходилось тесниться в крохотной комнатке — весной они переселились в новый домик на опушке рощи, так и не пожелав

расстаться. Они сдружились за эту зиму, подарившую им столько тепла и истинной дружбы.

Весна в Сибири, наступающая так стремительно после жестоких холодов, ценилась здесь во сто крат больше, чем весна, скажем, в Калифорнии.

Как только выдавались свободные минуты, Рут отправлялась в путешествия «местного значения». Их круг с каждым разом расширялся, впечатления множились, но даже в минуту самого искреннего восхищения видом лесной поляны в пламени цветущих жарков или пьяным ароматом белых зарослей черемухи она ловила себя на том, что в ней живет трезвый наблюдатель, сортирующий и взвешивающий эти впечатления: «это пойдет в статью...», «это надо не забыть в дневнике». Таково уж «проклятье» журналистики, которая все больше и больше притягивала ее. Рут давно перестала считать себя только конторской служащей. Она чувствовала потребность писать, чтобы остановить, проанализировать каждое мгновение, запечатлеть его, выразить свое удивление перед людьми и их делами. Это пришло тогда, когда она сумела побороть свои сомнения и неуверенность и ощутила себя настоящим товарищем тех, кто нес львиную долю ответственности за сложное хозяйство колонии.

Глава XVII

Новому предприятию нужны были люди — если не специалисты-химики, то хотя бы просто достаточно подготовленные, чтобы быстро освоить новую и очень нужную специальность коксовика.

Одним из первых пришел на завод Франк Грунд. Франк Грунд не был квалифицированным промышленным рабочим. Но он был из тех, кому организационный комитет не мог отказать. Он был коммунистом, и для него поездка в Кузбасс была его интернациональным долгом. Рут вспомнила свои давние предположения, что Франк в конце концов сменит специальность кондитера на какую-нибудь более нужную

Кузбассу и, скорее всего, пойдет в шахту. Так оно и случилось. До 1924 года Франк был крепильщиком на шахте «Центральная» — восстанавливал вентиляционные ходки и крепления в штреках. Но жизнь пошла дальше предположений Рут.

На завод Франк Грунд пришел перед пуском первой батареи простым рабочим. Третья батарея застанет его в должности заведующего смолоперерабатывающим цехом.

С 1921 года, когда Франк Грунд вступил в Коммунистическую партию США, он участвовал во многих нелегальных и легальных собраниях, сходках. Но это общее собрание ячейки коксохимзавода он запомнит надолго. Во-первых, потому, что вместе с другими членами партийного бюро — немцем Альбертом Гроссом, русскими товарищами Тарасовым, Жигановой, Ковалиным — он, Франк, готовил это первое собрание особенно тщательно. Во-вторых, главной темой этого собрания был «национальный вопрос», вопрос о взаимоотношениях русских и иностранных рабочих. А какая тема могла быть более волнующей для колонистов, чем эта?

Русские... Люди, совершившие революцию. Люди, познавшие все ужасы голода и разрухи. Люди, среди которых на одного грамотного приходилось десять неграмотных. Люди, о чьей нервности как об обстоятельстве, которое надо всемерно учитывать, говорил Ленин. Люди, которых иностранные рабочие должны были научить и у которых сами должны научиться. Там вдали, в Америке, эти русские казались Франку единой монолитной массой, живущей каждую минуту мыслью о мировой революции, презирающей мирские заботы. Это был собирательный образ пролетария-революционера, который, не задумываясь, протянет руку дружбы пришедшему ему на помощь такому же пролетарию-иностранцу.

Но реально существовал не абстрактный пролетарий, а русский шахтер, крестьянин, строитель. И у этих людей были жены и дети, которых надо было одеть и накормить. И многим из этих людей, не умеющим порой и расписаться, бывало нелегко внушить, что если колонисты живут в хоро-

ших домах, а не в землянках, питаются лучше русских, то в этом нет никакого возврата к старому.

Но легко ли это понять русскому рабочему, шахтеру? «Опять неравенство», — подумает он.

Нет, это все временно, все это ради осуществления великой цели социализма. И все идет к тому, чтобы сделать жизнь шахтера, строителя и крестьянина лучше, культурнее, богаче, чем даже нынешнего колониста.

Во имя этого Советское государство идет на то, чтобы привлечь в страну квалифицированные силы, создать для них выгодные условия работы, дать высокую зарплату. Надо объяснить все это и знать, поняли ли тебя.

Ведь нельзя работать рядом, не выяснив, как к тебе относятся товарищ. Коли судьба свела на одном предприятии рабочих разных национальностей, коммунисты должны по партийному выяснить обстановку, иметь представление о взаимоотношениях в только что рождающемся коллективе. Об этом и думал постоянно Франк Грунд, готовясь к предстоящему собранию.

Собрание идет...

Тон первого же выступления обнадеживает.

— Конечно, недовольные есть, не без этого, — говорит оратор, русский парень, кажется, из бетонщиков. — Но завод-то с ними пустили, значит, не зря здесь хлеб едят. Дело свое знают, хоть Малера возьми, хоть любого. А для нас сейчас главное — чтобы дело знал.

— Как его понимать, национальный этот вопрос? — поддерживают с места. — Вот если тут у нас специалист хороший, добросовестный, коммунист настоящий. Он наш человек. А есть дармоеды, которые только все дело портят...

— Таких давно пора гнать, — крикнули в поддержку.

— Работаем — и еще будем работать для пролетарской солидарности, — послышалось из зала.

...Много собраний было на веку Франка Грунда. И все они были связаны с Кемеровским коксохимом, с заводом, при рождении которого он присутствовал.

На страницах газеты «Комсомолец Кузбасса» в 1963 году Франк Францевич Грунд выступит в день 5 декабря со статьей «Права, проверенные жизнью». Он расскажет в этой статье о том, как сложилась его дальнейшая жизнь:

«Пришлось много учиться в процессе производства, учить подчиненных. Мои товарищи по работе были в основном выходцами из соседних сел. Многие из них совсем недавно не умели читать и писать. Вместе мы проходили жизненные университеты.

Мне во всем везло. Моей энергии хватало на десятерых. Я знал: человек сам хозяин своего положения. Значит, все зависит от моей совести и моего ума...

В 1930 году партия направляла в вузы «тысячников» — коммунистов. По рекомендации заводской партийной организации на учебу в Томский политехнический институт был направлен я и еще один русский товарищ.

Я не верил, что смогу получить высшее образование... В Америке учеба стоила бы мне бешеных денег, а здесь я мог стать инженером бесплатно.

На моих глазах менялась и крепла страна. Я спешил быстрее приносить ей пользу. Учебу я закончил досрочно и получил диплом инженера...

Начиная с 1946 года, я работаю в одном и том же цехе коксохимзавода. Для молодежи это, может быть, и незначительный факт, а для меня он полон огромного смысла.

Уже десять лет я имею право не работать, мне обеспечена хорошая пенсия, но у меня есть еще перестраченные силы, и как я могу не отдать их своему заводу и своей стране?

Жизнь сегодняшней Америки мне знакома по газетам. И как бы ни восхваляли буржуазные писаки тамошние свободы, я-то знаю, там все права гарантирует доллар, здесь — честный труд для народа».

«Честный труд для народа». Да, это единственный путь, чтобы стать близким и нужным советским людям. Франк

Грунд особенно четко понял это на том собрании, участники которого записали в своей резолюции:

«АИК является воплощением в жизнь идеи В. И. Ленина о привлечении иностранных рабочих для скорейшего восстановления хозяйства нашей страны. Неудача этого предприятия, развал колонии дали бы нашим противникам... в руки оружие для агитации против жизненности и осуществимости программы коммунистов, мы засвидетельствовали бы свое бессилие и неумение проводить в жизнь наш лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»...

Утверждение, что хозяевами рудника являются американцы и что они приехали эксплуатировать русских, есть зло и провокация.

Члены ячейки должны вести решительную и беспощадную борьбу с проявлениями грубых выпадов и подозрительного, недоверчивого отношения к колонистам».

В приложении к протоколу XI Щегловской уездной конференции РКП(б) от 6/9 апреля 1924 года записано:

«XI Щегловская конференция РКП приветствует достижения АИК в области поднятия и оживления производства. Вместе с тем конференция предлагает всем членам партии Щегловской организации оказывать АИК всемерную поддержку в ее работе».

Летом на рудник приехал член Президиума Профинтерна Том Манн. Когда его спросили, какое впечатление произвела на него колония, он ответил:

«То, что я видел в Кемерове, приятно поразило меня. Шахты работают сравнительно хорошо. Я побывал на шахтах, видел знаменитый Волковский угольный пласт мощностью в 42 фута, который произвел на меня сильное впечатление... Я посетил также химический завод. За шесть месяцев работы в нем совершены грандиозные дела. Видно, что рабочие являются хозяевами своего производства и умеют управлять им».

Таким хозяином, умеющим управлять производством, чувствовал себя и коксохимик Франк Грунд. А позднее на

страницах специального американского журнала «Coal age» опубликует статью инженер Пирсон под весьма многозначительным заголовком «Угольная промышленность Сибири делает успехи, считает американский инженер». Альфред Пирсон придерживался во многом иных взглядов, чем коммунист Франк Грунд. Но объективные факты заставили и его признать возможность развития Сибири с «американской быстротой».

Глава XVIII

В начале августа Рутгерс уехал в Новониколаевск, вслед за комиссией СТО, проверявшей работу АИК.

Еще с начала 1924 года было проведено несколько обследований колонии. Были противоречивые оценки, АИК ставилось в вину, что не все условия договора выполнены, что качество кокса недостаточно хорошее. В центре понимали необходимость глубокого анализа всей деятельности АИК. Тем более, что самой жизнью был поставлен вопрос о расширении деятельности колонии и передаче ей угольных предприятий Кольчугинского и Южного угольных районов.

Комиссия СТО была представительной и авторитетной. Во главе ее стоял старый большевик Растопчин. И Рутгерс уезжал в боевом настроении, чувствуя, что комиссия в большинстве своем на стороне колонии, за ее расширение.

И в эти жаркие для него дни Себальд Рутгерс оставался таким же чутким человеком, каким он был всегда. Он писал Рут о том, что получил письмо от ее мужа с просьбой разрешить ему вернуться в Кемерово. Рутгерс хотел сначала знать мнение Рут.

«...Если Вы дадите мне телеграмму в Новониколаевск, — писал он, — «АИК, Рутгерс. Подождите», то я буду ожидать Вашего письма здесь или в Москве, или же посылайте телеграмму: «Не возражаю». Тогда я протелеграфирую Франку.

Если Вам трудно прийти к какому-либо решению по личным мотивам, то я замечу, что обычно самыми правильными

решениями бывают такие, которые представляют максимальную возможность для творческой работы. Дальше все устроится само собой... С товарищеским приветом Себальд Рутгерс».

Рутгерс и здесь оставался Рутгерсом. Мерилом поступков, пробным камнем в самых сложных жизненных ситуациях он сам считал всегда пользу для общего дела, «максимальную возможность для творческой работы». И зная, что его помощница Рут Кеннел находится на распутье, руководитель колонии, по горло занятый делами предприятия, принимает ее личные заботы на себя и пытается вместе с ней найти наиболее разумный выход.

И чем только привораживала людей эта Сибирь? Тот, кто пожил здесь, кто узнал ее людей, кто вложил часть себя в общее дело, мысленно ежечасно возвращается к ней, как далеко бы ни находился, и всегда носит в себе надежду когда-нибудь вернуться. Через много-много лет болгарин Слави Атанасов, перенесший ужасы оккупации в Донбассе, куда он уехал после работы в АИК, угнанный в Германию и после освобождения вернувшийся на родину, в Болгарию, только несколько месяцев проживет там. Он вновь подает ходатайство о переезде в Россию, в Сибирь, и вернется в дорогое его сердцу Кузбасс. В Гурьевске, маленьком кузбасском городке, останется дом, где он жил в последние годы, останутся люди, среди которых ему хотелось закончить свой жизненный путь.

А тот латыш, рассказ которого слушал с завистью и удивлением Франк Кеннел, попал случайно на открытое партийное собрание? Человек после Сибири жил в Лондоне, в Австралии, в Новой Зеландии, и вот из Новой Зеландии он снова, при первой возможности, едет в Кузбасс.

Часть самого себя оставил в Сибири и Франк Кеннел. Когда он жил в Кемерове, ему казалось, что он сможет быть счастливым только на родине, рядом с сыном. Но вот прошел год — и он уже рвется назад. Он и сам не дает себе ст-

чета в том, что его зовет вернуться в Кемерово не только любовь к жене.

Раньше Франку казалось, что климат Сибири ужасен, ему грезились несчастья отдели Калифорнии, где яркое солнце отражается в безбрежном океане. А тут вдруг стало недоставать снегов, маленького островка посреди Томп, бойкого родничка у подножия лестницы, ведущей на Красную горку. Да, когда Франк вернется в Кемерово, здесь ему придется убедиться в том, что дело было не только в Рут. Снова расставшись с ней, и, казалось, теперь уже навсегда, Франк останется в Сибири, лишь переедет в Томск, чтобы преподавать там в институте, чудом избежит гибели от рук бандитов, всадивших в него несколько пуль, и только вырвавшись из лап смерти, слабый, с поврежденной рукой, вернется в Америку. С ним уедет и Рут — несчастье вернет их друг другу. А пока Франк умоляет Рут разрешить ему приехать. А Рут... Рут не хочет возврата прошлого, с которым она так долго и так трудно порывала. Но она и не знает, есть ли у нее возможность найти счастье на другом пути, который не пересекается с первым.

Когда кончился срок ее контракта, Рут, измученная раздумьями о том, как жить дальше, в один день решает изменить обстановку, уехать в Москву, поближе к кипению жизни, к журналистике, к тому, что зовется «быть в гуще событий». Но проходит месяц и снова — скорый поезд, снова Сибирь, стоило лишь Рутгерсу сказать ей в Москве: «Ваша помощь всегда была для нас большим подспорьем. Не вернуться ли вам в Кемерово?»

Рутгерс никогда не говорил Рут, что ценит ее больше, чем просто машинистку и делопроизводителя. Ему казалось, что это понятно и так. А вот там, в Москве, видя ее, такую одинокую в большом городе, растерявшуюся при попытке начать новую жизнь, а какую, она пока и сама не знала, Себальд Рутгерс нашел нужные слова. Рут, растроганная его чуткостью, тем, что, оказывается, ее ценили и ценят, что ее помнят и не вычеркивают из жизни колонии по принципу

«с глаз долой — из сердца вон», быстро сворачивает свои не столь уж большие дела и сдает ключ от номера в гостинице. «Домой, домой!» — и ей кажется, что она снова обрела себя.

В Москве она делала все то же, что и в Сибири, — была и машинисткой, и библиотекарем, и переводчиком. Для нее в Коминтерне нашлась масса дел. Но здесь она занималась ими наравне с десятками таких же советских служащих — одним больше, одним меньше — заметит ли кто отсутствие Рут? Там, в Кемерове, она была нужна. А что для человека может быть дороже сознания того, что он нужен? И Франк тоже собирался в Кемерово. Ей было по-человечески жаль его, мучила вина перед сыном. И сколько дней Франка не было в России, столько раз менялся тон их переписки и настроение Рут. От писем, которые она отправляла в Америку в ответ на призывы мужа снова наладить их семью, можно было сойти с ума — то она была категорически против его возвращения, то допускала его возможность.

Сейчас она вернется назад и попробует «начать сначала».

— Утро вечера мудренее — говорится в русских сказках, — утешал Рутгерс Рут, видя, как она задумывается порой среди самого оживленного разговора. — Отложите свои сомнения до Кемерова. Там будет видно.

Глава XIX

«Стоял декабрь, — приведет потом Драйзер ее слова, — и в первый раз я путешествовала по России в «мягком вагоне». К тому времени многие железные дороги были приведены в порядок и уже ходили классные вагоны... Когда она приехала, Кемерово тонуло в снегах».

И дальше Драйзер напишет о том, какой несчастной чувствовала себя одинокая Рут, ко всему прочему, вынужденная делить комнату с Эльзой Мелман и Вальтером Поппом, поселившимся в ее отсутствие здесь. Возможно, Драйзер и был вправе по-своему интерпретировать объективные факты: одинокая женщина, не знающая, как правильно построить свою личную жизнь, — вот кем в его глазах была тогдашняя

Рут. Но не будь ей дорого все, что связывало ее с делами и будущим колонии, что могло заставить ее через несколько недель после начала работы в Коминтерне все бросить и по первому призыву — «Ты нам нужна» — вновь вернуться к исходному пункту своей биографии?

Приехав в Кемерово, Рут не только продолжила свои занятия как секретарь, как заведующая техническим архивом и библиотекарь. Вновь стали пухнуть записные книжки, откладывались впечатления для очередной статьи в «Нейшн» о жизни колонии. Рут часто снилась ее будущая книга. А что она ее напишет — в том для нее не было сомнений. Это будет книга обо всем, что пережито на высоком берегу Томи, о том, что родилось вдали от дома, под глубоким сибирским небом — о чувстве общности с великим народом, о глубококом удовлетворении, которое посещает душу человека, вышедшего навстречу испытаниям и победившего самого себя.

Работая одновременно и в плановом отделе, Рут была в курсе всех дел и всех перспектив развития колонии, могла за отдельным как будто малозначительным фактом видеть то, что означает он собой. Поэтому, когда группа колонистов собиралась на торжественное открытие электростанции в деревне Силино, Рут с радостью согласилась поехать туда со всеми.

О работах в Силино Рут знала еще задолго до этого дня. Когда готовился к пуску химзавод, Рутгерс затребовал у техбюро доклад о возможности дать электричество в несколько близлежащих деревень. Обследовали четыре деревни — Кемерово, Журавли, Елькаево и Силино. Рут видела этот доклад и кое-что выписала для себя: «Все желания крестьян сводятся к применению электроэнергии для молотилок, веялок, мельниц, дроворезок и для замены лошадиных приводов электричеством... Есть заинтересованность кустарной промышленностью»...

Особенно много внимания было уделено в докладе той деревне, куда они сейчас собирались:

«В Силино — водяная энергия и значительно большая организованность населения». Вот почему и решили сделать Силино показательным в смысле электрификации селением...

«В деревне Кемерово мы уже наполовину осуществили электрификацию. Там имеется подача энергии с рудника и освещение домов. Остается применить моторы для сельскохозяйственных машин. В деревне Силино нами предполагается соорудить маленькую ГЭС, которая располагала бы достаточной мощностью для показательной электрификации на сто дворов...»

В книге дочери и зятя Себальда Рутгерса, которую они выпустили в 1967 году, так описана поездка на «электрические работы...»

«В это воскресное утро Кемерово необычно оживлено. Двери склада распахнуты. На машину грузят барабаны с проводами, гирлянды изоляторов и роликов, электрический шнур...

На трассе уже кипит работа. В ямы, подгостовленные в прошлые воскресенья, устанавливают сверкающие желтизной столбы. Монтеры тянут провода.

Сегодня большой день: «айковцы» проводят электричество в первой близлежащей деревне.

В избах веселый перестук молотков. На бревенчатом потолке и стенах появляются невиданные белые ролики, между ними ложится шнур. К вечеру работа закончена. Короткая команда. И под потолками загораются электрические лампочки.

На стол ставится специально привезенная электроплитка. — Давайте сковороду, — командует бригадир.

Тесто подготовлено еще в Кемерово. Сейчас на плитке из него пекут блины... Еще не улеглось восхищение, а бригадир уже включает электрический утюг, достает смятую рубашку, гладит ее... Женщины восторженно ахают».

Оркестр, прибывший из Кемерово, будит затихшую деревню, и с трибуны гремят речи. Говорят о солидарности международного пролетариата, о дружбе рабочих и крестьян, о

том, как преобразит электрификация облик села и изменит быт крестьянина.

Сельская активистка, молодая женщина, выступает с зажигательной речью. Она говорит о том, что электрификация освободит женщину от домашнего рабства.

Во время киносеанса страсти разгораются. Это был первый киносеанс в здешнем Народном доме. В темном зале люди выражали свои эмоции вслух, не стесняясь, привыкая понемногу к многоликому чуду, которое поселилось у них в домах, ожило в моторе кинопередвижки и заставит завтра вертеться колесо мельницы. Когда на экране появилась бешено скачущая тройка, казалось, кони понеслись прямо на сидящих в зале. Зрители с первых рядов повскакивали с мест, а один, не желая сдавать позиций, повелительно, как в ночном, закричал: «Стой!», думая тем остановить скачущих на него коней.

Мальчик Степка из рассказа Р. Кеннел «Волшебный свет», действие которого относится к концу двадцатых годов, кое-что повидал на своем веку. А возможно, и он был в числе тех пацанов, что, привыкнув к чуду кино, по двадцать раз проникали в зал, — благо в первые дни кино показывали бесплатно. Степка уже знает, «с чем едят» подаренную ему американцем «стеклянную грушу» и радуется лампочке, и жаждет приблизить миг, когда она загорится.

С повзрослевшим Степкой и его товарищами Рут встретится через несколько лет, приехав на Кузнецкстрой уже как корреспондентка американского газетного концерна. Они удивят ее широтой души, смелостью представлений о будущем, сознанием своей значимости в глазах истории, и она запомнит свое чувство удивления и уважения.

Глава XX

25 февраля 1925 года из Москвы пришла телеграмма. «Товарища Рут Кеннел» приглашали на работу в отдел прессы Коминтерна. Это уже свидетельствовало о признании

деловых качеств Рут. Предстоял пленум Коминтерна, и нужна была огромная подготовительная работа, особенно в отделе прессы. К великоленной технике машинистки, которой обладала Рут, к ее знанию английского языка, журналистским навыкам прибавился за годы пребывания в России еще один плюс — довольно сносное знание русского языка.

Рут Кеннел едет в Москву. В рассказе Т. Драйзера «Эрнита» читаем: «...Она и одна молодая немка получили вместе маленький номер в «Люксе» — огромной, шумной и очень своеобразной гостинице с «коммунальными кухнями» и ванными на каждом этаже. В гостинице жили работники Коммунистического Интернационала, и, несмотря на все ее горести, жизнь здесь показалась Эрните легкой. Работа, связанная с партийным пленумом (речь идет о пленуме Коминтерна — Н. К., Е. К.), захватила ее».

«Моем близким другом, — писала Рут о тех временах, — была Мэй О'Келлеган, глава английской секции в отделе прессы. Мы вместе ходили на экскурсии, учились кататься на лыжах на стадионе «Динамо».

В один из таких наполненных деловой суматохой и молодым азартом дней Рут отыскал приехавший из Кемерово Себальд Рутгерс. Он выглядел очень уставшим, его аскетическое лицо еще более осунулось. Увидев Рутгерса в дверях отдела, Рут поняла, как дороги ей и он, и все, что он собой олицетворяет. Поняла, что не расставалась с Кемерово ни на час.

— Надолго? Как дела? Как Бронка? — спрашивала она Рутгерса. А он с улыбкой рассматривал ее. В светлом шерстяном костюме с галстуком она казалась весьма деловой и солидной, и это не совсем вязалось с короткой пышной прической, большими теплыми глазами, которые так часто смеялись, несмотря ни на что, в кемеровские зимы.

— Вы стали еще обаятельней, чем были, — если это вообще возможно, — галантно заключил свои наблюдения Рутгерс.

Когда такой серьезный человек, как Рутгерс, принима-

ется за несвойственные ему комплименты, значит, он не хочет отвечать на заданные ему вопросы. Они идут по длинному коридору к яркому пятну окна, освещенного веселым мартовским солнцем.

— Бронке очень плохо. Сначала она была в больнице в Томске, сейчас — в Ялте. Кровохарканье. Лихорадочное состояние.

— Ялта — это хорошо, — задумчиво говорит Рут. — Все может наладиться. Вы надолго в Москву?

— Все будет зависеть от того, как пойдут дела. Помните комиссию, что была у нас в последний раз? Она не только записала в решении, что мы представляем «вполне жизнеспособную хозяйственную организацию» и что мы вышли на первое место по сравнению с Кузбасстресгом. Комиссия согласилась с нашим предложением передать в ведение АИК Южный и Ленинский районы. В связи с этой передачей возник целый ряд финансовых проблем, которые без Москвы не решить.

— А что, это было так необходимо — брать на себя новые хлопоты?

— Безусловно. Интересы дела требуют этого. Мы представили в Сибревком доклад со своими предложениями, и Сибревком поддержал нас. Мы обратились также в СТО. Во-первых, мы зависим от кольчугинского угля, именно нам выгодно быть его хозяевами. Во-вторых, из Кемерова куда легче управлять тем же Кольчугинским, теперь Ленинским рудником, чем из Новониколаевска. В-третьих, в Ленинске есть турбогенераторы, до сих пор не установленные, а мы каждый раз дрожим, как бы наш, единственный, не остановился из-за неполадок. Объединившись в одну систему, мы получим возможность и Ленинск обеспечить электроэнергией, и себя обезопасить. Словом, «за» было много, и нам удалось это доказать.

Еще раз я убедился, как важно и плодотворно иметь дело с людьми, которые сразу схватывают и политическую, и экономическую суть вопроса и этой сути подчиняют свое ре-

шение. Очень помог нам Растопчин, руководитель комиссии. Именно комиссия СТО, возглавляемая им, смогла правильно оценить деятельность АИК, дала отпор тем, кто пытался доказать, что колония не достигла успеха в своей деятельности. Многое сделал для нас Куйбышев. Ведь, собственно, от его окончательного решения зависела судьба колонии. И он, во всем разобравшись, это решение принял, убедив в нем и СТО. 12 ноября СТО специальным постановлением передает Ленинский и Южный районы и Гурьевский завод в управление АИК «Кузбасс».

Рут понимала, как все это воодушевляло Рутгерса. А он продолжал ей рассказывать о том, какая широкая перспектива теперь разворачивается перед Кузнецким бассейном. Ведь еще в мае 1924 года XIII съезд партии принял решение, в котором отмечалось, что «после того, как обеспечено дело с топливом, как поднят транспорт, как сдвинута денежная реформа, — очередь за металлом»¹.

И АИК будет способствовать выполнению этого решения. Ее возможности возрастают. Пущен коксохимический завод, будет расширяться добыча угля на Кольчугинском руднике и в Южном районе, будет больше кокса.

— Так в чем же теперь дело? Зачем в Москву?

— Предстоит новый организационный период. Сложные финансовые дела, задолженность по зарплате... Но мы бодры! — заключил Себальд, ударив ладонью по подоконнику. — Кого еще так поддерживают, как нас? В ЦК мы имеем право идти прямо к Шварцу — это старый шахтер, он всегда поймет. В Госплане за нас Кржижановский. В СТО также нас понимают. Принято решение о передаче наших прибылей на расширение производства, нам разрешено беспопытно ввозить из-за границы товары, приглашать людей типа Пирсона, как бы дорого они нам ни обходились. Упрощена

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 3, с. 41.

оплата налогов. Словом, жить и работать можно. Вот только решить с финансами...

Вечером за чаем Рутгерс говорил:

— Я очень опасался, что после смерти Ленина наше положение может ухудшиться. Нас часто корили и корят за «апелляцию» к верхам. Может, тут и есть доля правды. Но за последнее время мы все чаще и чаще обращаемся к власти на местах. Вот хотя бы наши отношения с Сибревкомом. Ведь именно он впервые одобрил идею передачи новых районов АИК. И вот сейчас, в Москве, я не ощутил перемен к худшему.

— Ленин был всем для России, и жить без него она старается так, чтобы он мог быть спокоен.— Рут почувствовала, что Рутгерс заговорил на дорогую для него тему.

— Ленин оставил дела на партию, и авторитет ее все крепнет.

— Ведь вы впервые встретились с Лениным во время переговоров об АИК? — спросила Рут.

— Что вы! Гораздо раньше. В восемнадцатом году. Мы с женой тогда прибыли в Москву из Америки, через Японию и Сибирь. Ленин еще не вполне оправился после ранения. Я был у него в Кремле. Сердце мое билось от волнения, а через несколько минут мы уже говорили как давно знакомые товарищи.

— Том Баркер тоже говорил мне о демократичности Ленина.

— Владимир Ильич расспрашивал меня об Америке, Японии, Голландии. И знал о них столько, что я даже не в состоянии был ответить на тот или иной его вопрос. Второй раз я виделся с Лениным осенью 1919 года, в 3 часа ночи. Это был момент, когда Деникин угрожал Орлу, и Ленин во время нашей беседы был соединен по прямому проводу с фронтом. Положение было серьезное, а он был в самом бодром расположении духа, даже шутил.

Я уезжал в Голландию, чтобы подготовить конференцию Коминтерна. Ленин дал мне указания и снабдил различными-

ми заграничными адресами. Верный себе, он очень беспокоился, обеспечена ли безопасность нашей поездки. Ну, а уж потом был конгресс Коминтерна и проект АИК...

Глава XXI

Вскоре Рутгерс уехал в Голландию в отпуск. Перед отпуском сумел добиться улучшения финансового будущего колонии. И Рут порадовалась за его родных, чуть ли не силой заставивших Рутгерса сдержать свое обещание и поехать отдохнуть впервые за многие годы.

А в июне, развернув «Известия», она прочитала в траурной рамке знакомую фамилию: «Бронка Корнблит». То был некролог о смерти Бронки, подписанный Рутгерсом. Он отдавал в нем дань человеку, который посвятил себя революции, строительству социализма в России:

«...Бронка Корнблит была исключительно способной и энергичной работницей, с железной силой воли.

Полученные в дни похорон телеграммы соболезнования от разных товарищей и групп рельефно выдвигают боевую фигуру «Бронки», как ее обычно называли в Кемерове, которая надолго останется в памяти у ее соратников в Сибири и других местах».

Франк в это время был уже в Москве, звал в Кемерово или домой. Рут колебалась.

— Но не собираешься же ты вечно жить в Москве? — недоумевал Франк.

— А почему бы и нет? Здесь я могу добиться всего, чего захочу.

— И чего же ты хочешь?

— Во всяком случае большего, чем быть, как сейчас, просто техническим работником. Совершенствоваться в русском, продолжать пробовать себя в журналистике, постигать русскую культуру...

— Все это тебе дороже семьи и ребенка?

Рут молчала. Если бы она знала, что ему ответить!

Франк уехал в Кемерово, стал снова работать в колонии. А через месяц, совершенно не готовый к этому, встречал сразу трех гостей — свою мать, Джима и Рут. Свекровь Рут нагрянула неожиданно. Это была энергичная женщина, непримиримая воительница за гражданские свободы, привыкшая и в тонких семейных ситуациях действовать решительно.

И снова Рут в Кемерово. Снова появляются в протоколе совещательной комиссии АИК за 25 августа 1925 года строки: «Слушали... тов. Рут Кеннел. Предоставить тов. Рут Кеннел заведование техническим архивом... Жалованье назначить по 14-му разряду; существующие квартирные условия не могут быть изменены в настоящее время».

Впрочем, меньше чем через месяц и с этим было улажено. Рут и ее семья получили две комнаты в новом доме на берегу реки. Можно было оглядеться, привести в порядок свои наблюдения, мысли.

В Кемерово вернулся Рутгерс. Он болен, у него диабет, но страшнее всех болезней — рана в сердце. Все здесь напоминает о Бронке, которую он схоронил в Крыму...

Всюду, где появлялась Рут со своим не по годам рослым пятилетним сыном, на них обращали внимание. Она сама казалась юной, совсем девочкой, — а тут уже такой сын!

Как-то с бурными приветствиями кинулся к ним Гарри Сусман, как всегда не унывающий, веселый:

— Какие у нас золотые кудри! Какие мы симпатичные! — обрушил было он свои эмоции на Джима. Мальчик неуверенно, вежливо улыбнулся. И в этой неуверенности было что-то, больно кольнувшее Рут. Вот, наконец, он с ней, ее сын, настал момент, о котором она мечтала. И все-таки он от нее далек. Он рос в другом мире, независимо от нее, бабушка была его спутницей на первых путях познания мира — и, встретив мать в Москве, глядя, как плачет она, толкая ему в карманы игрушки, конфеты, — все гостинцы сразу, — он так же отстраненно вежливо улыбался...

— Насовсем или погостить? — не замечая всех этих нюансов, спрашивал Гарри.

— Будет видно — так, кажется, любят здесь говорить?

— Да-да! А как Москва? Какова новая работа? Кого видели?

— Многих...

— Это на пленуме?

— И на пленуме.

— Сталина?

— Сталина тоже.

— И своих?

— Почти всех. Работала с английской и американской делегациями. Фостера записывала, например.

— В Мавзолее были?

— Не была. Это все равно что пережить заново смерть Ленина. А с ним так много связано. Может быть, это сентиментальность, но пока — не могу.

— Как вы устроились?

— У меня номер в «Люксе».

— Зарплата хорошая?

— Скорее маленькая. Но жизнь удивительно интересна, и я об этом как-то не задумывалась.

— С Франком или...

— Пока никак. Видимо, он останется здесь, а я еще посмотрю, подумаю. Хорошо бы нам собраться всем, как раньше.

— Так в чем же дело? И Ган, и Дуглас, и все прочие на месте. Я это устрою!

...Сусман не забыл своего обещания. Как-то он заглянул в комнату, где занималась Рут.

— Есть деловое предложение — всей компанией отправиться на мельницу. Тряхнем стариной?

— На мельницу? — удивилась Рут. — Что это вам вздумалось?

— Вот те раз! Вы же так любили туда путешествовать!

Для вас же стараемся,— и, не дожидаясь ответа, добавил: — Кто знает, придется ли еще побывать там?

— Что вы так пессимистичны? — искренне удивилась Рут.— Дела как будто идут в гору. Вот-вот пустят вторую батарею. Зарботки растут. Вы все на вершине успеха. Что ни техник или инженер, то незаурядная личность. Все в соответствии с задуманным. Даже жилищный вопрос — чего трудней! — изменился к лучшему. Мне за два месяца удалось получить квартиру.

— Вот именно, дела идут в гору,— вздохнул Сусман.— А это значит, через год-другой АИК уже не будет нужна. А мы? Будем ли нужны здесь и мы, каждый в отдельности?

Уже вернувшись в Москву и читая письма из Кемерова, встречаясь с наезжающими в Москву аиковцами, Рут не раз вспоминала тот разговор с Сусманом, одним из ветеранов АИК. Вспоминала и тот вечерний пикник на старой мельнице, когда все они были гостями давнего друга колонистов, русского мельника деда Егора. Здесь так хорошо встречали гостей.

— Сусман не знает, уедет он или останется в России года через три,— говорила Рут инженеру Исааку Гольдфайну, давнему своему приятелю еще с первых дней в Кемерове.— И, наверное, многие об этом задумываются. А вы лично как настроены?

— Я остаюсь. Пусть даже АИК упразднят. Ведь все дело в самой стране, в ее системе.

Осенним вечером 1931 года вновь, как встарь, соберутся в Кемерово за дружеским ужином Рут Кеннел, Константин Николов, Живко Байскич, Исаак Гольдфайн, Гарри Сусман. Это будет их первая встреча после большого перерыва.

— Я вижу, вы основательно осели здесь,— скажет тогда Рут, глядя на ветеранов АИК, обзаведшихся семьями и заметно поселидившихся. У Николова и Гольдфайна — отдельные удобные дома. И то, что выставлено на столах,— тоже не

менее красноречивое свидетельство оседлости хозяев.

— Я записала уже несколько цифр,— продолжит она.— Помощник директора показал мне утром завод. «В 1925 году одна батарея, 110 тысяч тонн кокса. В 1931 году — три батареи, 346 тысяч тонн кокса. Рабочее время для коксохимиков — 6 часов, 1 месяц отпуска. Шахтерам — то же. Остальные — семь часов и две недели отпуска...» А как вам дышится? Как настроение?

— Как видите, мы оба здесь,— ответит, кивая на Сусмана, Исаак Гольдфайн.— Колония стала действительно обычным советским трестом, мы сделали почти все, что было задумано...

Да, и Гольдфайн, инженер-химик, и Гарри Сусман — строитель, и десятки их товарищей верно поняли логику вещей, ту логику, по которой АИК уступила место мощной системе советских производственных трестов. И поняв эту логику, они сумели сохранить и объективность, и оптимизм.

Николов, Байкич, Гольдфайн — все они приняли участие в разработке проекта третьей батареи коксохимического завода, ее строительстве.

Их проект был по достоинству оценен не только в Кемерове. О нем с похвалой отзывались ученые и инженеры в Томске и Москве. Особенно высоко ценил проект один из крупных специалистов-металлургов, профессор Чижевский.

Глава XXII

Живя в Москве, Рут все еще многими нитями была связана с Кузбассом, радовалась успехам товарищей по АИК, огорчалась их неудачам.

Рутгерс уехал в Голландию в конце 1925 года. Он появился в Кемерове еще один раз — весной 1926 года, пробыл два месяца и вновь уехал на лечение на родину.

Задачи, которые стояли теперь перед руководством АИК, были особенно сложными. Назревала необходимость реорганизации Автономной индустриальной колонии.

Основные задачи, которые возлагались на колонию, были выполнены. Были восстановлены шахты, работал коксохимический завод. Была начата реконструкция. :

Восстановление и реконструкция предприятий подготовили базу для дальнейшего развития промышленного потенциала Кузнецкого края. К этому времени была отлажена деятельность хозяйственного аппарата Сибири, который мог уже осуществлять в полной мере руководство предприятиями.

Большие задачи, поставленные партией и правительством перед Кузнецким бассейном, требовали и новой организации управления промышленностью.

Автономное положение АИК перестало себя оправдывать. Теперь многие производственные и финансовые вопросы проще было решать на месте, с сибирскими организациями.

Страна успешно завершила восстановление разрушенного хозяйства и вплотную подошла к индустриализации. XIV съезд партии записал в своем решении: «...держат курс на индустриализацию». На очередь стал вопрос о металлургии, высказывались мысли о координировании промышленности Урала и Кузбасса. В связи с новыми задачами возрастала и роль бассейна в экономике страны. Необходимо было объединить под единым руководством всю промышленность Кузбасса. Кроме того, АИК создавалась тогда, когда не хватало квалифицированных кадров, оборудования, не было средств для строительства. В этих условиях создание колонии как автономного предприятия себя оправдывало. Теперь дальнейшее руководство промышленными предприятиями могло взять в руки обычное государственное объединение или трест. Но можно ли этим объяснить ликвидацию колонии? Ведь сама идея самостоятельности, идея широких связей, использование иностранного опыта, достигений могла стать плодотворной. Сыграло ли здесь недоверие к колонии, иностранным специалистам? Историкам предстоит ответить на этот вопрос.

1 октября 1927 года АИК «Кузбасс» была реорганизована в Государственный трест объединения каменноугольной, металлургической и химической промышленности (Кузбассуголь).

«...Дело колонии продолжает жить. В значительной степени — благодаря колоссальному толчку, который дала иностранная группа в Кемерове. Кузбасс, по словам одного репортера, представляет «индустриальное сердце Сибири».

Это написано Рут в конце двадцатых годов, когда еще были живы впечатления от последних событий.

А вот что писал Себальд Рутгерс, подводя итоги работы колонии:

«За три года, от 1922—1923 до 1925—1926, производство угля в Кемеровском районе (Кузбасс) увеличилось на 238 процентов. Производительность труда горнорабочего — на 233 процента. При этом заработная плата увеличилась вдвое, и вместе с тем себестоимость понизилась с 19,38 коп. до 11,42 коп. за пуд, или на 41,1 процента... Угольные копи были электрифицированы, и была пущена в ход центральная электрическая станция... Значительное снижение себестоимости оказалось возможным прежде всего благодаря упрощенным методам управления и постоянному контролю над производством»¹.

И эти строки также принадлежат Рутгерсу:

«Ликвидация АИК была решена 22 декабря 1926 года, и формально реорганизация проведена 1 января 1927 года...

Хотя короткий переходный период в 1927 году привел к отставанию роста промышленности Кемеровского района, но жизненные силы революции быстро преодолели эти трудности.»

Руководитель и основатель Автономной индустриальной колонии «Кузбасс», убежденный коммунист, видный дея-

¹ С. Рутгерс. Встречи с Лениным. «Историк-марксист», 1935, т. 2—3, с. 96—97.

тель международного рабочего движения Себальд Рутгерс и скромная служащая колонии Рут Кеннел, несмотря на разницу в масштабах своей деятельности, понимали друг друга, когда работали вместе. Они и писали одинаково, оглядываясь на прожитое, сколько бы времени ни отделяло их от той поры коллективного мужества и воплощения в жизнь на сибирской земле идей интернациональной солидарности.

Их мысли соответствовали тому, как оценивало Советское государство итоги деятельности АИК. Не случайно, объединение промышленности Кузнецкого бассейна произошло на базе предприятий АИК «Кузбасс», которые и составили основной производственный комплекс Государственного треста каменноугольной и металлургической промышленности, который был создан в 1927 году. И более чем в двух миллионах пудов угля, которые дали шахты Кузнецкого бассейна в 1928 году, была и доля труда колонистов.

ЧАСТЬ 2

А, КОТОРАЯ НЕ БОЯЛАСЬ ЖИТЬ ...

Глава I

Снова Москва. Сознание того, что «корабли сожжены», и надо обосновываться на новом месте, на новом берегу, тревожило и, что греха таить, угнетало Рут Кеннел.

Как-то в трудную минуту она написала Себальду. Она знала: Рутгерс поймет ее, посоветует, поможет.

Когда-то он уже определил в письме к ней свой критерий при решении самых запутанных коллизий — надо выбирать такой вариант, говорил Себальд, который более всего способствует творческой работе. 31 июля 1927 года он снова писал своей недавней помощнице:

«Дорогая Рут! Значит, у меня есть возможность встретиться с Вами в Старом свете или, наоборот, в самом Новом. Я боялся, что Вы уже сбежали в США. Не уезжайте, если у Вас нет в кармане обратного билета. Жарким летом или в холодные дни в Москве, возможно, Вы и впрямь почувствуете себя не в своей тарелке. Это вполне естественно, и не по этому судят о пользе, которую приносишь. К сожалению, мы сами не можем судить о себе, предоставляя делать это другим. Как у Вашего бывшего начальника, у меня другая точка зрения по этому вопросу. Я уверен, что Вы можете вести активную работу, пока Вы в хорошем расположении духа. Вы

должны учесть то обстоятельство, что Вы живете в Москве и являетесь примером для других, точно так же, как может укрепить силы другого человека мелькнувший солнечный луч. И, конечно, никто не в силах сказать, насколько это может оказаться важным для чьего-нибудь участия в борьбе. Вы нам очень помогли в Кузбассе в трудный период, и если у Вас сейчас семейные неурядицы, то это частично потому, что Вы принадлежите к иной, большой семье.

...Я бы хотел повидаться с Вами в Москве...

Только не сбегайте, пока мы не встретимся. Если я прощаю, что Вы мне не пишете, то не прощу, если Вы со мной не повидаетесь.

Сохраняйте бодрость духа, и свой солнечный свет распространяйте на других! Но и для Вашего покорного слуги Себастьяна Рутгерса тоже кое-что поберегите.

Она не уехала. И никогда не жалела об этом. Потому что всего три месяца спустя ей довелось начать совершенно неожиданную, сложную, но интересную главу своей биографии, главу, соавтором которой стал великий американец — Теодор Драйзер. Если встреча эта, состоявшаяся в первые дни ноября 1927 года в Москве, и была неожиданной для Рут, то случайной она не была.

В то время Госиздат готовил к выпуску сборники рассказов виднейших американских писателей, среди которых почетное место занимал Теодор Драйзер. Сергей Динамов, заведовавший тогда в Госиздате англо-американским отделом, был одним из первых советских исследователей творчества автора «Трилогии желаний», «Сестры Керри», «Американской трагедии».

«Американская трагедия» вышла в свет в 1925 году. Это было время, когда после кратковременного кризиса 1920—1921 гг. Америка вступила в полосу стабилизации. Она была одной из немногих капиталистических стран, в которых в эти годы наметился промышленный подъем. Американская буржуазия спешила известить мир о процветании Америки, ее исключительности. Но в «процветающей» Америке льви-

ная доля прибылей от промышленного бума шла в карманы монополистов. В 20-е годы прибыли монополий увеличились на 80 процентов, банков на 150 процентов. Доходы 60 тысяч самых богатых семей составляли сумму, которая равнялась доходам 25 миллионов семей, живущих на скромный, едва покрывавший самые необходимые расходы достаток.

«Американская трагедия» заставила читателя увидеть за декорациями процветания ту созданную руками монополий и банков систему, которая губит человека. В этом и увидел великий писатель трагедию своей страны.

Одновременно с «Американской трагедией» были созданы новеллы, часть которых вошла в сборник «Цепи». Новеллы были близки по содержанию к «Американской трагедии». Они продолжали главную мысль Драйзера — погоня за богатством, господство доллара, власть капитала губит и калечит человека, его чувства, стремления.

В Советском Союзе уже в 20-е годы рос интерес к творчеству Драйзера. В сборник, который готовил к изданию Госиздат, как раз и должны были войти новеллы из книги «Цепи». Госиздату в этой подготовке был необходим человек, не только знакомый с творчеством Драйзера, но и хорошо знающий проблемы американской жизни, современную Америку, способный понять обличительную сущность произведений писателя.

Рут была именно таким человеком. И наверное, не случайно, когда подруга Рут Мэй О'Келлаген познакомила ее с работником Госиздата С. Динамовым, последний предложил Рут написать предисловие к русскому изданию «Цепей».

— У нас уже готовы переводы для сборника «Цепи», — говорил он. — Мы включили туда лучшие из пятнадцати новелл американского издания «Цепей»: «Тень», «Старые места», «Рука», «Золотой мираж». Читали вы все это?

Еще бы Рут не читала!

Романы Драйзера были смелым вызовом самодовольной правящей Америке. Сколько острых социальных проблем поднимал писатель! Он прочно завоевывал сердца людей

трудоу Америки. Рут привлекали произведения Драйзера острой критической направленностью, бунтарским характером. Все, что относилось к Драйзеру, интересовало ее еще в Америке. И в Кемерово долетали отголоски бурь, время от времени учищаемых его книгами.

Членам ИРМ Драйзер когда-то был особенно близок как создатель пьесы «Девушка в гробу», в которой он вывел их любимого вождя «Большого Билла» — Билла Хейвуда. Пьеса была написана в 1913 году после победы рабочих-текстильщиков в Лоренсе, давшей им после тяжелых лишений. Это там Билл — в пьесе он назван Фергюссоном — говорит: «Пока я смогу жить, чтобы бороться за этих бедняг, я буду бороться за них...»

И сам он, Теодор Драйзер, был бунтовщиком и возмутителем буржуазного спокойствия. Уже в книге «Сестра Керри» встревоженный мещанин увидел отрицание буржуазной морали и встретил в пытки его принципы. Книга фактически оказалась под запретом, а Драйзеру после долгих мытарств пришлось устраиваться простым рабочим на железную дорогу.

Потом был новый вызов обывателю — роман «Дженни Герхард», вслед за ним — исследование природы американского капитализма в двух романах «Трилогии желания» — «Финансист» и «Титан». И новое злоключение — издательство Харпера, имея с писателем договор, вдруг останавливает печатание книги. Драйзера именуют «ненормальным американцем».

Роман «Американская трагедия» сделал Драйзера по-настоящему знаменитым, принес ему успех. Но не потому, что писатель сдался и стал писать то, что нравилось бы власти имущим. Нет, он шел по намеченному пути, презирая хулителей. И его настойчивость победила. Его талант был признан.

Новеллы, вошедшие в сборник «Цепи», о которых вел речь Сергей Динамов, во многом примыкают к роману «Американская трагедия», показывая иссушающее влияние рав-

подушной и жестокой капиталистической среды на человеческую личность.

Обсуждая это с Динамовым, Рут говорила, что повеллы Драйзера будут наверняка понятны советскому читателю. Ведь в Советской России люди еще не забыли тяжелого гнета капитала, они сокрушили калечащую человека систему, против которой выступал великий гуманист Драйзер.

Рут стремилась понять глубже творчество писателя. Раньше она была просто читателем его книг. Пусть вдумчивым, но читателем. Сейчас же ей нужно было представить своего великого соотечественника русским читателям. Вот почему Рут пыталась проникнуть в его творчество, подчеркнуть те главные идеи, которые выдвигал Драйзер. Не случайно в своем предисловии она обращала внимание советского читателя на ту сторону творчества, где Драйзер выступал в защиту человека, его прав, где он изображал жизнь чернорабочего-ирландца, судьбу фермеров на далекой окраине США, трагедию молодой женщины, продавшей себя за богатство.

Так началось это сотрудничество. Так подпись «Рут Кеннел» появилась под первым ее шестистраничным предисловием к советскому изданию сборника «Цепи».

В предисловии, адресованном русским читателям, соотечественница «великого американца» давала истолкование его философских взглядов, принципов художественного изображения. И больше того — его характера. В «Старых местах», — писала она, — целый ряд переживаний стареющего человека, достигшего богатства и славы и приезжающего взглянуть на те места, где протекала его молодость, полная забот и лишений... «Старые места» — любимый рассказ самого Драйзера. В характере его героя есть нечто общее с его собственным характером. Он также любит возвращаться мыслью к своему прошлому... В жизни Драйзера тоже были долгие годы материальной нужды, когда он весь горел честолюбивым желанием, стремлением достичь как можно скорей славы и богатства, которые дали бы ему так ценимые им свободу и независимость, и, может быть, и ему пришлось порвать с близ-

кими ему людьми... Кажется, что те слова протеста и возмущения, которые в конце рассказа произносит его герой, вырываются из уст самого Драйзера: «Боже мой! Сколько во всем этом жестокости: в богатстве, в честолюбии, в любви к славе!»

...Могла ли Рут, печатая у себя в номере эти слова, подумать, что как раз сейчас распахнется дверь, и Сергей Динамов воскликнет с порога: «Теодор Драйзер в Москве!» и что с этой минуты она получит возможность на практике проверить точность своей до тех пор заочной характеристики Теодора Драйзера.

Глава II

В ноябре 1969 года в Кемерово в адрес одного из авторов этой книги из Америки пришла бандероль. В ней была изданная нью-йоркским издательством «Интернейшнл паблшерз» книга Рут Кеннел «Драйзер и Советский Союз». Через сорок два года после встречи с Драйзером в «Гранд-отеле», встречи, с которой, как писала Рут, начались «великие перемены в ее жизни», читатель «из первых рук», как подчеркнуто в подзаголовке книги, узнал все о поездке Драйзера по стране Советов — с первого до последнего дня, узнал много нового об эволюции Драйзера-мыслителя, об одном из этапов его резкого поворота в сторону безоговорочного признания советской системы.

Мы переписывались с Рут Кеннел более десяти лет. Американская журналистка писала о том, что трудно издать в Америке книгу, в которой говорится о вещах, весьма не приятных для апологетов «американского образа жизни». Книга по праву была признана редакторами «слишком радикальной». И вот наконец завершена долгая и тяжкая работа, особенно сложная потому, что согласно американским законам нужно было получить разрешение на использование в рукописи любой, пусть самой маленькой цитаты из Драйзера, любого документа, если они где-то уже были опублико-

ваны. В 76 лет сознательно решиться на преодоление этих препон, предвидя к тому же, какое сопротивление вызовет идейная направленность книги,— это подвиг, который лишь один раз подтверждает справедливость слов Драйзера о той, «которая совершенно не боялась жить».

Книга Рут вышла с посвящением советскому критику Сергею Диппамову. Кеннел называет его «любимым другом Теодора Драйзера в период его пребывания в Москве и его молодым литературным критиком».

«С чувством гордости,— пишет автор,— я посвящаю все, что тут написано, его памяти так, как этого хотел бы и Теодор Драйзер, будь он жив...»

Авторское предисловие к книге «Драйзер и Советский Союз» позволяет судить о прогрессивности политических воззрений Рут Кеннел, убежденного и верного друга нашей страны на протяжении десятков лет.

«В течение двадцати лет после смерти Теодора Драйзера,— говорится в нем,— материалы, опубликованные на этих страницах, я считала конфиденциальными, а в течение его жизни они оставались в моих архивах».

Рут пользуется своим правом автора, чтобы хотя бы в предисловии совершить краткий экскурс в историю достижений страны Советов, основа которых закладывалась в то время, когда Драйзер посетил Россию. В этом ей немалую пользу принесли личные впечатления, связанные с годами жизни и работы в Советской России, в Кузбассе. Она пишет затем о последующих этапных десятилетиях, о том, какой урон нанесла Советскому Союзу война с фашизмом, и о том, что «сегодня... во всех местах, которые он мог бы посетить, Драйзер был бы счастлив найти новый широкий промышленный и культурный прогресс и убедиться, что Советский Союз сейчас признан как одна из величайших мировых сил...»

Как свидетельство культурного прогресса Советской страны Р. Кеннел приводит факты широкого распространения в СССР книг Т. Драйзера, огромного читательского интереса к ним.

«В Америке еще ни одно издательство не издало полного собрания его сочинений. А из России мне сообщили: «В нашей стране существует потребность в издании книг Теодора Драйзера. Его книги за годы Советской власти появились на 15 языках. Последнее двенадцатитомное собрание сочинений вышло тиражом 200 тысяч экземпляров...»

Глава III

Принимая решение посетить Советскую Россию, Теодор Драйзер в сущности продолжал дело, начатое Джоном Ридом и А. Р. Вильямсом десять лет назад.

«Мы с моим другом Джоном Ридом,— писал Вильямс в своей книге «О Ленине и Октябрьской революции»,— разумеется, в те дни летом 1917 года еще не могли угадать, куда мчится поезд русской революции, но мы с увлечением неслись на нем и жадно следили за всем, что открывалось перед нашими глазами».

Десять лет спустя ехал в эту страну американский писатель Теодор Драйзер, ехал по приглашению Советского правительства на празднование десятилетия Великой Октябрьской социалистической революции.

Задолго до поездки Драйзер проявлял интерес к первой в мире рабочей державе. Он был среди противников иностранной интервенции против молодой Советской республики; он обратился со специальным письмом-обращением к сенатору Джонсону, где потребовал неучастия США в интервенции против Советской России.

В 1940 году Драйзер писал: «Я выступаю и выступал в течение двадцати трех лет за лучшее понимание сущности и целей Советского Союза».

В американской литературе в 20-е годы стало заметно ощущаться влияние Октябрьской революции. Целый ряд писателей Америки вслед за Джоном Ридом выступили за признание Советского государства. Одновременно, как отмечал советский исследователь творчества Драйзера Я. Н. Засур-

ский, Октябрьская революция и ее идеи усилили критическую, обличительную тенденцию. Драйзер, как и другие представители критического реализма, под влиянием революции стремился глубже осветить в своих произведениях пороки капиталистического мира.

Но тем не менее Драйзер ехал в Советскую Россию с иным, чем Джон Рид, идейным и политическим багажом.

Сергей Динамов в своей статье «Теодор Драйзер идет к нам» приводит отрывок из письма писателя от 5 января 1927 года:

«Я не имею никаких теорий относительно жизни или какого-либо средства разрешить экономические и политические проблемы. Жизнь, как я ее вижу, есть организованный процесс, в отношении которого мы, в конечном счете, бессильны. Конечно, наука, искусство, промышленный прогресс направлены к тому, чтобы облегчить и улучшить материальную сторону существования человечества, и это уже кое-что значит... Жадность, эгоизм, тщеславие, ненависть, чувства, любовь наследуются нами, и до тех пор, пока они не будут искоренены, невозможна утопия. Каждое новое поколение, каждое новое столетие приносит новый обычай, новые идеи, новые теории, но несчастье, слабость, неприспособленность, нищета всегда существуют бок о бок со счастьем, силой, властью, богатством. До тех пор, пока интеллектуальное развитие не переделает природы человека, до тех пор, я думаю, будут выживать самые приспособленные, будет ли то монархия Англии, демократия Америки или Советы России»¹.

Настроенный таким образом, писатель решил полагаться во всем только на собственные наблюдения и не поддаваться ни на какую «пропаганду».

Вот почему, приняв приглашение Советского правительства, он в числе условий оговорил, во-первых, право самому выбирать программу путешествия и, во-вторых, кроме «официального» гида из ВОКСа, иметь собственного, им оплачи-

¹ «Литература мировой революции», 1931, № 10, с. 97—103.

ваемого личного секретаря. На эту роль Сергей Динамов и порекомендовал Рут Кеннел.

Драйзер приехал в Москву раздраженный, полубольной. Врачи не разрешали ему поездку, но Драйзер все же решил поехать.

О тех событиях Рут позднее напишет в своей книге: «Мы шли быстрым шагом по Тверской... от отеля Люкс, где жили иностранные специалисты и деятели международного рабочего движения. На всех зданиях, сквозь падающие хлопья первого снега зимы, светились длинные красные полотнища. Толпы людей на широком проспекте, ведущем к Красной площади, шли улыбаясь, полные надежд. После тяжелых лет первой мировой войны, революции, гражданской войны, голода и эпидемий русский народ праздновал десятую годовщину своей революции...»

Первая встреча Рут Кеннел с маститым американцем была отнюдь не сердечной.

— Кто это? Американская девица из Оклахомы? Вы были в России пять лет? Что Вы здесь делаете, черт возьми?

С. С. Динамов стал объяснять Драйзеру, почему именно Рут может оказаться полезной ему в его путешествии по России, что она хорошо знакома с его творчеством и пишет предисловие к его книге. Драйзер в упор смотрел на Рут, и та чувствовала себя под его взглядом чем-то вроде подопытного существа, подвергающегося безжалостному духовному «анатомированию».

Но Рут не была бы Рут, если б тут же не дала себе клятву: «А все-таки я изучу тебя первая».

Когда Рут и Динамов уходили, Драйзер чуть ироническим тоном, как бы желая смягчить свою первоначальную резкость, сказал: «Врач в Берлине предупредил меня, что я могу не пережить зимнюю поездку в Россию, но я непременно собираюсь узнать, что эти русские затеяли, даже если это убьет меня».

Так началось это сотрудничество, рамки которого только внешне ограничивались отношениями работодателя и слу-

жащего с оплатой в 125 долларов. Если они и начались так, то вскоре стали отношениями коллег и друзей.

Впрочем, это совершилось не само собой и, наверное, многое тут зависело от Рут, от ее твердого решения не пасовать перед маститостью соотечественника, смело отстаивать свои убеждения. Драйзер со свойственной ему проципательностью увидел в своей молодой помощнице человека с большим жизненным опытом.

Драйзер пробыл в Советском Союзе 77 дней. География его поездки по СССР была обширной. Он посетил Москву, Ленинград, Нижний Новгород, Киев, Харьков, Донецк, Ростов-на-Дону, Кисловодск, Баку и другие города. Не только большие города привлекали внимание Драйзера — он стремился увидеть и русскую деревню, культурные центры и заводы, театры и совхозы. И везде Рут видела, как велик интерес американского писателя к Советской России, стране, воссозданной Великой Революцией.

Подробно, день за днем, описывает Рут Кеннел в своей книге о Драйзере время, проведенное в его обществе. За вереницей забавных или серьезных эпизодов встает сложный и противоречивый образ большого писателя, который честно пытался разобраться в жизни и проблемах Советской страны.

Вечером они смотрели спектакль по «Вирине» Лидии Сейфуллиной. Во время антракта гуляли по фойе театра, в буфетах пили чай из самовара, ели моченые яблоки. Драйзер пристально разглядывал публику.

— Я не вижу, чтобы тут много было рабочих, — заметил он.

На что Рут не преминула ответить:

— Просто они не носят опознавательных знаков.

Это была первая, но отнюдь не последняя их пикировка.

Драйзер, пожалуй, был не столько скептиком, критически настроенным ко всему, что он видел, сколько таким «коварным провокатором», который делал все, чтобы задеть

своими замечаниями Рут и заставить ее защищать новую власть. И смеялся, видя ее обиду и запальчивость.

— Завтра я смогу прийти к вам лишь вечером, — сказала Рут Драйзеру, когда они на дрожках возвращались из театра.

Драйзер недовольно протянул:

— Куда же вы идете, вероломная?

— Завтра 7 ноября. Я иду на демонстрацию.

В тот день она шла в праздничных колоннах по Москве. Серое небо и растаявший под тысячами ног снег не могли снизить того подъема, какой испытывали все демонстранты, став частью единого, по-праздничному настроенного человеческого моря. И Рут, как и многие, одетая в русский полушубок, ничем не отличалась от этих людей, думала так же, как они, — и была счастлива.

Драйзер наблюдал демонстрацию с балкона и, когда Рут вернулась, сетовал, что так и не мог разглядеть ее в ярком человеческом океане.

Вечером 7 ноября на квартире английского корреспондента собрались иностранные корреспонденты, находившиеся тогда в Москве. Драйзер был на этой встрече центральной фигурой.

— Я видел этот праздничный парад и никак не могу понять, что заставило всех этих людей часами маршировать при столь скверной погоде? Неужели это действительно энтузиазм?

Корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» насмешливо улыбнулся:

— Какой там энтузиазм! Просто этого требуют их профсоюзы.

Рут до сих пор, по своему долгу секретаря записывавшая все, что тут «объясняли» Драйзеру, — о пэпе, о классах, не выдержала:

— Это добровольное участие! Я сама была на демонстрации, хотя могла не пойти!

Американский журналист, с интересом взглянув на неожиданный оппонента, поспешил сменить тему.

Разговор переходил от одной темы к другой. Казалось, не будет конца вопросам. Рут едва успевала записывать: как в советском обществе с бюрократией, почему в город приезжает много крестьян. Дискуссия коснулась нэпа. Кто-то предложил Драйзеру встретиться с Н. И. Бухариным — он теоретик, английский перевод его книги «Диалектический материализм» был напечатан в США издательством «Интернейшнл Паблишер».

...Шагая по ночной Москве, Драйзер продолжал делиться своими мыслями и вдруг на мосту, обернувшись в сторону Замоскворечья, в задумчивости сказал: «Давайте отправимся завтра рано утром без гида. Я хочу снова перейти реку и побродить около этих церквей... Их разноцветные купола меня пленяют».

На утро Драйзер и Рут совершили большую прогулку от Красной площади через Каменный мост в Замоскворечье. В почтительном молчании он остановился у домика, ничем не отличающегося от типичных замоскворецких особняков. На домике висела мемориальная доска «Здесь родился великий русский драматург А. Островский». Запрокинув голову, смотрел американский писатель на купола церквей, восхищаясь их красотой. Но во дворе разрушенного монастыря он выглядел удрученным. Осмотрев соборы, Драйзер побывал и в жилище сторожа, комнате, бедно обставленной, где проживало пять человек. Да, рядом с вершинами русской культуры еще соседствовала бедность и нужда...

Этот «поход без гида» не прошел Драйзеру даром. На другой день он был вызван в ВОКС и директор Каменева (сестра Троцкого) выразила свое недовольство. Личный переводчик, Рут, была не в счет. «Она не совсем советская женщина», — сказала Каменева, а присутствующий при «разносе» гид ВОКСа добавил: «...То есть не совсем надежная». Рут сдержалась. Драйзер, «отшумев», пошел на компромисс: Рут

оставалась переводчиком, а ВОКС назначал официального гида.

Вечером к Драйзеру в «Гранд-отель» пришла гостившая в Москве американская журналистка и писательница Дороти Томпсон. Она принялась оживленно болтать с Драйзером, делаясь с ним довольно легковесными сведениями, которые, не утруждая себя поездками по стране, получала от своих коллег-журналистов.

Рут, которой Драйзер не разрешил уйти, слушала, как Томпсон рассказывала Драйзеру какие-то старые анекдоты о русских, ничего общего не имеющих с трудной и суровой действительностью.

Нет, она, Рут, будет вести себя иначе. Нельзя судить о стране, которая приняла тебя как гостя, с позиции сытого скептика-буржуа, с позиции человека, не желающего понять происходящего и по достоинству оценить успехи, которых достигли советские люди. Если бы они знали об этой стране хотя бы столько, сколько узнала она за эти шесть лет!

Драйзеру не терпелось отправиться в путь. Но до пятнадцатого ноября, пока не закончатся юбилейные торжества, он должен был оставаться в Москве в ожидании, пока утрясутся все вопросы, связанные с его путешествием.

За это время Драйзер побывал в гостях у Сергея Динамова, который жил в общей квартире фабричного дома. До революции Сергей жил здесь вместе с матерью, которая работала на соседней текстильной фабрике по десять часов в день, получая четырнадцать рублей в месяц.

— Если бы мама была жива, — говорил Динамов, — она зарабатывала бы сейчас 75 рублей, пользовалась бесплатно социальными услугами и имела ежегодный отпуск, отдыхая в санатории или в доме отдыха.

— Ваша мать умерла до революции?

— Она была убита в баррикадных боях в дни революции, — с гордостью ответил Сергей.

Рабочие, жившие в одной с Сергеем квартире, охотно от-

вечали на вопросы Драйзера о своей жизни. Видно было, что они довольны происшедшими в ней изменениями.

— Расскажите нам об Америке,— попросили они.

Рут не могла не переводить дословно все, что говорит Драйзер о преимуществах американского образа жизни, однако делала это с таким видимым сопротивлением, что Драйзер не мог его не почувствовать. Но, верный своему стилю обращения с ней, такой ершистой и отстаивающей право на собственное мнение, он еще раз, с особым нажимом, подчеркнул, подытожив сказанное:

— Мир в большом долгу перед Америкой. Это она научила всех своим производственным методам.

Иногда Драйзер (Рут это уже успела заметить) старался вызвать советских людей на спор, завести дискуссию. И, может быть, излишнее возвеличивание американского образа жизни было тоже продиктовано желанием получить отпор, получить массу материала, который потом войдет в его книгу.

Драйзер не мог не знать, что стоит за хваленым американским образом жизни. Иначе он не написал бы ни «Дженни Герхард», ни тем более «Американской трагедии».

Потом был целый калейдоскоп приемов, встреч.

На приеме для иностранных гостей Рут слушала беседы Драйзера с наркомом иностранных дел Максимом Литвиновым, известной революционеркой, женщиной-дипломатом Александрой Коллонтай.

Драйзер задал ей вопрос о том, сознает ли свои обязанности перед новым строем подрастающее поколение.

Коллонтай улыбнулась:

— О, не беспокойтесь о нашей молодежи, Драйзер. Ей есть во что верить.

Они говорили о положении женщины в новом обществе.

Рут сделала ироническую пометку: «На романиста, который никогда не интересовался эмансипированными героиня-

ми, по-моему, больше всего повлияло ее женское очарование, чем ее идеалы».

Права ли была она в таком категоричном утверждении? Наверное, не совсем. Драйзер умел ценить в женщине и ум и энергию. Доказательством этого станет его рассказ, посвященный самой Рут — Эрните.

На приеме было целое созвездие интереснейших, знаменитых людей. Драйзер дружески беседовал с прогрессивным мексиканским художником Диего Риверой, спорил с советскими журналистами о свободе прессы, слушал приветственное выступление Максима Литвинова.

Они побывали в гостях у Станиславского. На Рут произвело большое впечатление то величие и благородство, каким веяло от всего облика реформатора русского театра. Говорили о принципах «системы Станиславского», о новом репертуаре — пьесах «Дни Турбиных», «Бронепоезд 14-69». «Дни Турбиных» они потом посмотрели во МХАТе, видели и инсценировку романа Ф. Гладкова «Цемент».

И была встреча с недавним прошлым Рут, которое ни на день не умирало в ее памяти, — встреча с Биллом Хейвудом, их Большим Биллом.

Рут хорошо помнила, как трудно жилось Биллу на родине. В 1917 году он вместе с группой руководителей ИРМ был посажен в тюрьму.

После 1918-го года, когда Америка пережила ряд крупных выступлений рабочего класса, Билл Хейвуд всегда жил под угрозой очередного ареста.

Он уехал из Америки, когда ему грозило новое тюремное заключение, и поселился в Москве.

Советское государство оценило заслуги Хейвуда перед рабочим движением. В Москве он был окружен вниманием и заботой, получал пенсию и жил в гостинице «Люкс». В 1921 году вместе с Рутгерсом и Кальвертом они обсуждали идею создания в новой России колонии иностранных рабочих. Таким образом Хейвуд был одним из тех, кто положил

первый камень в создание АИК «Кузбасс». К этому овеянному славою человеку было настоящее паломничество. Двери его комнаты никогда не закрывались. Билл всегда был рад гостям, хотя не мог разделить с ними трапезу — он страдал диабетом, наследием тюрем.

Когда вошел Драйзер, у Хейвуда уже были гости — американские коммунисты. Встреча старых знакомых была трогательной. Они вспоминали прошлое, говорили об Америке. Им многое хотелось рассказать друг другу.

Они не виделись с тех пор, как Драйзер был репортером в Чикаго. Прощаясь с Биллом, Драйзер выглядел подавленным. Он как бы предчувствовал, что это была их последняя встреча. В мае 1928 года, после возвращения Драйзера в США, Билл Хейвуд умер.

И снова встречи — с Таировым, организатором Камерного театра, с Эйзенштейном, создателем знаменитого «Броненосца «Потемкин», который говорил им о своей мечте воплотить на сцене «Капитал» Маркса.

Потом в дневнике Рут, который она вела для Драйзера от его имени, появилась такая запись:

«Пятница, 18 ноября 1927 года.

В пять часов вечера состоялся обед с Маяковским, крупнейшим русским поэтом, принадлежащим к группе «Лэф». Это молодой гигант, похожий на американского борца-профессионала...

Маяковский подарил мне книгу своих стихов...»

Эта встреча была ослепительным фейерверком острот, добродушных или язвительных, и Рут предупредила Теодора Драйзера, что ее перевод не может передать всего «сверкающего юмора». Драйзер заразился общим весельем и, спускаясь со ступенек гостеприимного дома, кричал по-русски:

— До свиданья!

Они увиделись с Маяковским еще раз в доме Герцена, где были также Альберт Рис Вильямс, Мери Рид и другие.

Они произносили тосты. Говорил и Драйзер, и Рут переводила его короткий простой спич, в ответ на который Маяковский заметил:

— Мистер Драйзер — первый американец, который признался, что он еще не имеет о нашей стране определенного мнения! Другие же после нескольких дней пребывания в Москве пишут целые книги о Советском Союзе!

Драйзер был верен своему намерению лично и досконально изучить новый строй. Поэтому он подробно расспрашивал о положении крестьянства и рабочих в новой России у заместителя комиссара земледелия Свицерского, паркома торговли Анастаса Ивановича Микояна. Для Рут Кеннел это была исключительная возможность представить масштабы происходящих в России изменений и, следуя за Драйзером, разом столько увидеть, столько узнать. Она, по собственному признанию, порой терялась в обществе этого вспыльчивого и часто раздражительного, придирчивого человека, но в глубине души гнездились сознание редкого счастья, каким была для нее их встреча,— и сознанием этого счастья перекрывались все мелкие обиды и неурядицы путешествия.

И все-таки жертвовать своими убеждениями ради того, чтобы только не сердить шефа, пусть даже такого выдающегося,— было не в ее правилах.

Однажды в беседе с одним ответственным советским работником Драйзер пытался доказать, что «средний американец» живет хорошо и потому он противник всяких преобразований.

Его собеседник не стал спорить, он просто рассказал историю своего брата, который живет в Америке и работает на заводе Форда. Американец всегда стыдился своих «бедных» родственников, даже прекратил переписку с ними. Но вдруг в Одессу, одному из братьев, приходит отчаянное письмо. Обеспеченный и самоуверенный американец заболел, ему срочно потребовалось 200 долларов на операцию.

В ответном письме одессит написал брату: «Мне тоже

пришлось делать операцию, но с меня не только не взяли за нее ни копейки, но и оплатили все то время, пока я болел».

После этой беседы, как пишет Рут в книге, она рискнула заметить:

— Неужели что-то могло измениться с тех пор, как я покинула Штаты?

— Что вы имеете в виду? — раздраженно спросил Драйзер.

— Вы уверены, что все фермеры имеют машины, телефоны и радио, а их дочери носят шелковые чулки?

— Что вы знаете? — оборвал меня Драйзер. — Вы не были в Америке больше пяти лет.

Драйзер часто спорил с Сергеем Динамовым. Рут едва успевала делать заметки.

— Я был и останусь неисправимым индивидуалистом, — упрямо говорил Драйзер. — Никогда вы не убедите меня, что человек способен работать для других так же хорошо, как для себя. Вы хотите уравнивать гений Рокфеллера с разумом свинопаса. Один уровень — это же страшно!

— Мы хотим поднять каждого человека до более высокого уровня, а не наоборот, — отвечал Сергей Сергеевич.

И так они спорили бы до утра, если бы Рут не напомнила, что время позднее и завтра предстоит много дел.

В воскресенье, 20 ноября, в семнадцатую годовщину смерти Льва Толстого, Драйзер и его спутники побывали в Ясной Поляне.

Лев Толстой оказал огромное влияние на Драйзера. Я. Н. Засурский обнаружил в архиве писателя небольшой листок, озаглавленный «Заметки о русских писателях». В одной из строк значилось: «Война и мир» — Толстой — адекватно реальному движению самой жизни».

Американский писатель убедился, как свято чтут память великого писателя крестьяне окрестных деревень, убравшие его могилу последними осенними цветами и сосновыми ветками. В доме Толстого Драйзер беседовал с младшей дочерью Льва Николаевича Ольгой и его племянницей.

Может быть, здесь, на родине великого русского писателя, посвятившего свою жизнь поискам истины и справедливого устройства общества, Теодор Драйзер думал о сегодняшних путях крестьянской России, о тех переменах, которые в ней свершились после Октября. И пусть это не было еще признанием, но это было предчувствием признания.

Глава IV

Встреча с заместителем председателя райисполкома Советского района Ленинграда Иваном Ивановичем Кондратьевым, в прошлом рабочим-металлистом, дала Драйзеру особенно много информации, которую он воспринимал уже не столь настороженно, как это было во время первых встреч на фабриках Москвы. Советская действительность уже начинала открываться ему во всем своем многообразии.

— Вы были рабочим? — спрашивал он. — Какова разница в условиях рабочих до революции и после нее?

— Рабочий чувствует, что он хозяин, он даже может быть в правительстве.

— Что вы можете сказать о женском труде в промышленности по сравнению с прошлым временем?

— Сейчас в промышленности работает гораздо больше женщин.

— А есть ли безработица?

— Да, конечно. Но рост промышленности способствует уменьшению безработицы. Сейчас в Ленинграде 136 тысяч безработных. Из них 96 тысяч женщин, причем 60 процентов из них ищут работу в первый раз.

— Как скоро, по вашему мнению, удастся ликвидировать безработицу?

— Это зависит от многих причин. Но в то же время у нас не хватает опытных, квалифицированных кадров, и мы должны обучать рабочих, чтобы заполнить эту брешь...

— А что вы можете сказать о жилищных условиях? Я видел, что в Москве рабочие живут в плохих условиях. Даже в новых домах они живут по пять, по семь человек в одной комнате, не имея отдельной ванны. Разве правительство не стремится поднять уровень жизни рабочих? Разве не лучше для рабочих семей иметь отдельные квартиры?

— Мы бедны, перед нами много задач. Мы можем удовлетворить культурные потребности рабочих только с помощью самих масс. Все, что вы говорите, необходимо. Мы были бы очень рады построить для каждой семьи трехкомнатную квартиру с ванной, но эта квартира стоит 12 тысяч рублей, и мы на эти деньги сейчас можем обеспечить жильем гораздо больше людей...

Вторая ленинградская встреча — с «красным директором» фабрики «Красный треугольник» — по-видимому, была не менее важной для Драйзера. Во всяком случае, в своей книге «Драйзер смотрит на Россию» он назвал товарища Жанена «одним из самых образованных людей», встреченных им в России.

«Александр Адамович Жанен,— писала Рут в дневнике для Драйзера,— был членом Коммунистической партии. Это был плотный с вьющимися усами и кустистыми бровями человек. Широкое лицо его имело хитровато-добродушное выражение. Он был одет в старенький костюм».

Жанен с гордостью рассказывал, что, хотя на фабрике работают несколько специалистов из Америки, там 108 своих собственных инженеров.

Как всегда, Драйзера живо интересовали вопросы труда и его оплаты. Жанен рассказал, что сам он получает 225 рублей в месяц.

— Есть рабочие,— добавил он,— которые получают больше меня. У нас существует партмаксимум. Некоторые рабочие, беспартийные, получают до 600 рублей, а самая маленькая зарплата — 60 рублей.

Драйзер выразил свои сомнения о возможностях быстрого

технического прогресса в промышленности Советской России.

— У нас было 60 процентов неграмотных. Сейчас остался лишь один процент. Повсюду работают школы производственного обучения. Все это будет,— ответил Жанен и сам пошел в атаку:

— А каковы условия жизни в США?

— Ну, американцы живут лучше всех в мире.

— Да это и не удивительно. Если бы не гражданская война, голод, эпидемии, как вы думаете, чего мы могли бы уже добиться?

Драйзер опять заговорил о могучих талантах промышленных «гениев» — Вандербильда, Рокфеллера... А потом спросил Жанена:

— Не лучше ли было бы вам быть рабочим при столь жестких условиях?

— Я член партии и должен работать там, где полезен,— отвечал ему Жанен.

Драйзер не удовлетворился ответом:

— А что вы думаете как человек?

— Я не могу отделять коммуниста от человека,— просто и твердо сказал Жанен.

В Ленинграде опять были встречи, знакомства, экскурсии — от посещения Смольного до приема у архиепископа. Впечатления множились и количество их где-то в глубине сознания писателя «переходило в качество», говорило, агитировало за себя, хотя Драйзеру и не хотелось иной раз в этом признаться. Процесс только начинался, и ему предстояло еще длиться в течение нескольких недель путешествия и потом — все годы жизни.

Вершиной этого процесса будет решение Т. Драйзера о вступлении в Коммунистическую партию Америки. В 1945 году он станет ее членом.

Заметив начало этого процесса по каким-то отдельным штрихам, по реакции Драйзера на встречи с разными людьми, Рут чувствовала: чем дальше, тем глубже станут эти

сдвиги в мыслях и в настроениях ТД, как с этих пор она станет называть его.

Впечатлений было так много, что вскоре в сознании Рут все перемешалось: села, города, церкви и колхозы, театры и вокзалы, ибо не успевали они, скажем, акклиматизироваться в Нижнем Новгороде, как поезд уже вез их в Киев, а оттуда — на Кавказ.

Только когда Драйзер уедет, Рут, собравшись с мыслями, на досуге вновь переживет все подробности их путешествия. И один день уже не будет похож на другой, и встречи с людьми, выкристаллизовавшись, приобретут каждая свое лицо, свое эмоциональное освещение. Их было много, этих встреч, за 77 дней путешествия по стране Советов — в Харькове и Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону и Баку, Киеве и Тбилиси...

Глава V

...Последний взмах руки. Прощальный гудок паровоза. С отъездом Теодора Драйзера закончился второй после кузбасского важнейший период в жизни Рут. Впрочем закончился ли? Все, что ждет эту женщину в будущем и о чем она еще не знает, неминуемо и постоянно теперь будет связано с Россией, с Кузбассом и Драйзером. Этим двум параллелям, этим темам суждено будет еще пересечься в ее собственной писательской биографии. Отныне Россия, страна, где она прожила лучшие годы молодости, станет той творческой нивой, с которой соберет она свои, пусть не роскошные, но дорогие ей плоды, а тема Драйзера, память о нем станет той искрой, которая постоянно будет поддерживать в ней чувство острой необходимости доказать ему и себе реальность, жизненность тех принципов, с которыми она вступила в жизнь.

Драйзер уехал. Скоро уедет из России и она. Но разве это что-либо изменит?

Из газет и от самого Драйзера Рут знала, что он пишет книгу о поездке в Советскую Россию.

Он прислал Рут целый ворох вырезок из газет, собрав все статьи о его поездке в Россию. Рут внимательно просмотрела их. Ее внимание привлекла статья «Беседы с Драйзером». Английский корреспондент отдавал должное американскому писателю в его стремлении понять жизнь незнакомой ему страны.

В Англии, куда Рут приехала для встречи с семьей, она вновь окунулась в то, что так недавно было ее жизнью, работой. В печати уже появились отрывки из будущей книги. «Мы читали их вслух, сидя у камина,— напишет она Г. Д.— Конечно, там были и ошибки, и неправильные заявления, пропуски и т. д. Но мне кажется, у Вас было огромное количество материала и Вы нарисовали хорошую картину, как бы с птичьего полета.

Собственно, она сама участвовала в подготовительном этапе этой работы, ведя для Драйзера и от его имени подробный дневник путешествия — от первого до последнего дня. Делала она и записи, в отличие от дневника для своего «патрона», группируя факты не в соответствии с хронологией, а по темам: положение женщины, положение крестьянства и т. д.

И эти записи, сделанные Рут лично для себя, впоследствии также помогут Драйзеру в его работе над книгой о СССР.

В письме от 24 февраля 1928 года Драйзер просил Рут: «Вышлите мне Ваши черновые наброски по Вашему усмотрению.

1. Новое большевистское искусство.
2. Условия театра, старого и нового.
3. Вопрос о положении женщин (замужество, мораль, развод).
4. Условия жизни крестьянина, как Вы его понимаете, и, наконец, различия, на Ваш взгляд, между сибирским и русским крестьянином.

Напишите все это большим письмом.

...Я всегда очень хорошо думаю о Вас».

Франк, сын и свекровь ждали приезда Рут. После того, что случилось с мужем в Томске, после мучительных дней борьбы за его жизнь все как-то само собой стало на свои места. Иногда нужно большое жизненное испытание, чтобы люди могли понять, как они нужны и дороги друг другу.

«В конце мая Франк возвращался с вечера с айковцем Шварцем, который тоже работал в Томске. На Франка напали трое. Не понимая, что им нужно, он не ответил на их вопросы. В него выстрелили и убежали... Франк потерял много крови. Благодаря прекрасному уходу, он быстро выздоровел, но его правая рука осталась парализованной. Он научился писать левой. Вторая пуля попала в нос, третья осталась в груди...», — писала позднее Рут Н. Козько (Чунтоновой).

Итак, снова Америка. Снова Нью-Йорк. Они с Драйзером часто вспоминали его.

— Нигде нет ему равного! — говорил Драйзер, рубя фразы. — Могучий. Безмерный. Гордый. Он заставляет петь, ненавидеть или вздыхать или умирать. Дни голода, дни одиночества, дни безнадежности не могли победить его выразительности, его очарования для меня.

В Нью-Йорке они ненадолго встретились с Драйзером, теперь гидом и хозяином стал он. Драйзер был весел, снисходителен, щедр. Он уже работал над привезенными из России материалами, и разговор, естественно, вращался вокруг русской темы.

— Где вы работали после нашей поездки? — спросил он Рут.

— У Вуда, в «Чикаго дейли ньюс».

— Вуд — отличный парень, я его очень люблю. Теперь куда? Домой?

— Да. Оказывается, я страшно соскучилась по родине и только теперь поняла это.

— А я еще как следует не успел осознать себя в Нью-Йорке. Но он, вы знаете, всегда увлекал меня, заставляя

кровь быстрее бежать по жилам. Это так, это я чувствую в себе сейчас, и значит, я действительно в Нью-Йорке.

Драйзер быстро сошелся с сыном Рут.

Джиму уже было восемь лет. Он вытянулся, посерьезнел.

Драйзер пригласил Рут с мальчиком в ресторан, где все обедающие устали на них.

Вскоре они уехали в Пало-Альто, к матери Рут и бабушке Джима. Путешествие было настолько мучительным, что Рут, приехав, сразу же написала Драйзеру огромное письмо. Оно было продолжением их «русских» споров, ответом на реплики Драйзера, которого нередко выводили из себя неудобные гостиницы, перегруженные вокзалы и неувязки в расписании поездов. Из-за этого они часто схватывались, и стоило только Рут пачать доказывать, что подобное сплошь и рядом встречается и в хваленой Америке, Драйзер обрывал ее насмешливо: «Что вы знаете? Когда вы там были?»

Теперь-то она может взять реванш!

«1 июня 1928 года. Дорогой Драйзер!.. Я прибыла вчера совершенно больная. И все из-за ужасного путешествия. То, что пишут, живя в Нью-Йорке, некоторые литераторы о трудностях путешествия в Советской России, как будто в Вашу пользу, но попробуйте поехать к юго-западу от Канзас-Сити или Сент-Луиса через Канзас, Оклахому, Техас и Арканзас... Я никогда не проходила через такие испытания, живя в России...»

Рут подробно описала свои мытарства: во время вынужденной остановки в Цинциннати они с Джимом пошли в город, а вернувшись, узнали, что вагон загнали в депо, и теперь его нужно ждать на вокзале несколько часов. На пути из Сент-Луиса были только вагоны третьего класса, сидячие, была жара, и вся копоть мира летела сквозь закрытые окна. В Эль-Рено проводник не вернул Рут билет и т. д., и т. д. «Полумертвая я попала в руки матери»,— завершала Рут свое повествование.

«Я рассказала Драйзеру о всех трудностях путешествия по Соединенным Штатам,— писала позднее Рут,— и о том,

что это путешествие было более некомфортабельным и более трудным, чем путешествие в России, на которое он так громко жаловался...»

«Мы прибыли как раз вовремя, — продолжала она в другом письме своему кемеровскому адресату, — так как пришла телеграмма от Драйзера, в которой он просил прочесть гранки своей книги «Драйзер смотрит на Россию» и исправить их, как я считаю нужным. Был август, телеграмма Драйзера от 14 августа показывала, что это была срочная работа. Я просмотрела свои записи, распределенные по темам, которые вела для него в поездке».

Все это она сопроводила детальным разбором книги Драйзера. Он ответил очень быстро:

«5 сентября 1928 г.

Дорогая Рут! Спасибо за суровое, в духе голландского дядюшки, письмо, которое я получил в прошлую пятницу. Я прочел его с огромным вниманием и благоговением и внес почти все изменения, которые Вы предложили... Я размышлял над Вашими исправлениями, почти все они разумные, и я признаю их...

Что же касается плохого построения предложений, избытка слов и вводных предложений, то я виноват. Я всегда был такой. Мои книги полны их. Вам следует пачать с «Сестры Керри».

Но в ней, пожалуй, есть одна глава, удачно написанная, — это положение женщины в России. Думаю, я преуспеваю в этой области, не так ли?

Чего я действительно боюсь, так это того, что моя книга противоречит Вашим взглядам...

Но я стараюсь сделать все возможное, чтобы улучшить ее, и, несмотря на все, я очень благодарен Вам за то, что Вы указали на достоинства и недостатки моей книги. Я знаю, что Вы желаете мне лишь добра, и если я могу быть Вам полезен, то Вам надо только позвонить мне, чтобы убедиться, прогрессирую ли я.

С уважением ТД».

Переписка продолжалась. Рут правила гранки и почти на каждой странице делала замечания, делилась сомнениями. Уже тогда зрела и ее книга о Драйзере, его поездке в Советскую Россию.

Сотрудничество с Драйзером сделало имя Рут популярным среди демократических кругов США. Свидетельством тому письмо, которое Рут получила в сентябре 1928 года. Оно было от Тома Муни¹, из тюрьмы Сан Квентин Муни писал, что хочет передать Драйзеру материал своего судебного дела. «Я ответила, — что приду в тюрьму за этим матерьялом».

В письме к Драйзеру она писала: «Несмотря на то, что за свободу Муни борются многие... ему кажется, что Ваше влияние было бы значительным». И действительно, Драйзер включился в борьбу за освобождение Муни...

В Америке был особенно дорог Рут привет Рутгерса, его письмо. Себальд сожалел, что не смог повидаться с Рут перед ее возвращением в Америку, и сообщал, что собирается со всей семьей вернуться в Россию.

«Мне будет очень интересно, — писал Рутгерс, — услышать о Ваших впечатлениях о США и узнать, привыкли ли Вы к суматохе цивилизации, стали и цифр».

Четыре года мы жили там деловой, насыщенной жизнью, и я с удовольствием съездил бы туда еще. Но жить там постоянно — не по мне.

Нас поразили статьи Драйзера, наполненные симпатией к Советской России, таким глубоким пониманием ряда вопросов, до которого он сам вряд ли мог дойти.

Теперь я понимаю, что на него подействовало Ваше очарование и невинные замечания...

Не забывайте о нас среди этой хлопотной, шумной и нервной жизни метро и лифтов в небоскребах.

¹ Муни Том (1883—1942) — руководитель профсоюза литейщиков в Сан-Франциско, член социалистической партии, член ИРМ. По провокационному обвинению в 1917 г. приговорен к смертной казни, под давлением общественности замененной пожизненным заключением. Освобожден в 1939 году.

Привет от Барты, Гертены, а также привет Джимми». Дома, в Пало-Альто, она не раз перечитает письмо Рутгерса. Когда будет трудно.

Наверное, Рутгерс несколько преувеличивал роль Рут Кеннел. Драйзер сам многое понял и оценил в Советской России. Это особенно остро проявилось в годы Великой Отечественной войны, когда Драйзер выступил активнейшим сторонником Советского Союза в его борьбе против фашизма. В июле 1941 года он напишет: «...Я вместе с миллионами других американцев буду призывать наше правительство не только к самозащите путем оказания всемерной помощи России, но и к лучшему пониманию этой великой демократии, которая делает сейчас для своего многомиллионного прогрессивного народа больше, чем Америка за все время своего существования когда-либо сделала для своего народа»¹.

А позднее он будет восторженно приветствовать советских людей, разгромивших фашистов под Москвой и Сталинградом: «Считаю честью выразить свою благодарность русскому народу за его гигантские труды на благо всего человечества, за его поразительные социальные достижения, за его героическую оборону родины от нападения сумасшедшего Гитлера»².

В своих статьях, письмах, выступлениях Драйзер даст высокую оценку преимуществам советского строя и не без гордости напишет: «Где бы мне ни приходилось бывать в Америке в течение двух лет (1943—1944 гг.— Н. К., Е. К.), всюду мне говорили: «Ну-с, вы, как видно, были правы насчет России»³.

Глава VI

Драйзер выпустил свою книгу о Советском Союзе в ноябре 1928 года.

¹ Т. Драйзер. Собр. соч., М., 1955, т. 12, с. 391.

² Т. Драйзер. Собр. соч., М., 1955, т. 12, с. 367.

³ Там же. М., 1955, т. 12, с. 369.

«Книга о России выходит в продажу на следующей неделе,— пишет Драйзер в одном из писем в конце октября 1928 года.— Я вышлю Вам экземпляр». Вскоре Рут получила обещанное. На титульном листе она прочитала: «Рут Кеннел — участнице всех событий в России от Т. Д.»

Он сам определил ее как «аплодисменты Советской России». Но Рут, прочитав книгу, поняла ее противоречивость. Да, она видела, что Драйзер многое понял в Советском Союзе, сумел высоко оценить значение грандиозных преобразований в стране. Но в отдельных оценках тех или иных явлений она увидела прежнего Драйзера, с которым не раз спорила.

Рут не могла не откликнуться на книгу. Кто лучше смог бы донести до американского читателя весь смысл сказанного в книге. И она выступила с рецензией.

Рут очень точно определила в своей рецензии суть книги: «Книга Драйзера приведет, пожалуй, в отчаянье всех критиков и в то же время даст обильную пищу одинаково и друзьям, и противникам Советской России».

Справедливо отмечая то, что в Советской России многое делается для трудящихся, что уже достигнуты успехи в народном хозяйстве, Драйзер в то же время говорит о какой-то «тирании коммунизма», сожалеет об отсутствии комфорта и т. д.

Рут склонна была видеть в этом недостаток книги. И, видимо, была права. В отличие от некоторых своих собратьев по перу, восхвалявших все, что они увидели в советской стране, Драйзер был честен в своих мыслях и оценках. И может быть именно он, а не Рут был ближе к истине в оценке советской действительности.

«И все же,— завершает Рут критический разбор книги,— несмотря на все свои противоречия, громоздкий стиль и быстро меняющиеся настроения, книга Драйзера прекрасно выражает самого автора. Здесь его философия осталась непоколебимой даже после того, как она прошла через «горн но-

вой философии». «Я неисправимый индивидуалист и таковым помру», говорит он про себя, и мы охотно верим ему. Но надо отдать ему справедливость: он отправился в Россию с открытой душой, дружески настроенный и даже проникнутый надеждами, и его книга, вопреки ошеломляющей путанице суждений и впечатлений, все же является правдивой летописью переживаний Драйзера».

Характерно, что дружелюбный и оптимистический тон Драйзера в оценке увиденного им в Советском Союзе был не по вкусу американским газетам. Как писала Рут, «статьи Драйзера почти во всех газетах сопровождались примечаниями, что редакция не несет ответственности за содержание очерков Драйзера. Фашистский «Американский легион» выступил с протестом, Милуков в своем докладе в Нью-Йорке подверг Драйзера резким нападкам, обвиняя его в том, что он незнаком с действительным положением в СССР».

Сергей Динамов согласился с той оценкой, которую Рут дала книге Драйзера. Ее рецензию напечатали в журнале «Вестник иностранной литературы». Книга Драйзера на русском языке еще не была опубликована, но Динамов неоднократно ссылаясь на нее в статьях «Теодор Драйзер идет к нам», «Теодор Драйзер продолжает борьбу», уже одними названиями статей фиксируя определенные этапы в развитии мировоззрения Драйзера и тот факт, что «пребывание в СССР было для него резким переломом и началом нового этапа развития».

А когда встал вопрос об издании в Советском Союзе книги «Драйзер смотрит на Россию» (в одготомник были включены также его произведения «Краски большого города» и «Каникулы уроженца Индианы»), Сергей Динамов обратился к Рут Кеннел с просьбой написать предисловие. Значит, в Советском Союзе ее помнили и ценили.

В предисловии к русскому изданию книги Драйзера Рут привела несколько цитат. «Мне казалось, писала она, что русские читатели за них будут мне благодарны. Вот они: «Кодекс коммуниста: если блеск и показуха уже убавились,

то во всяком случае у миллионов жизней устраниена душевная и материальные трагедии».

Помещая в своем предисловии другую цитату, Рут хотела, чтобы к ней прислушалось правительство Соединенных Штатов: «Я хотел бы видеть Россию такой, как она есть, признанной и получающей финансовую помощь, чтобы эта огромная цветущая сила стремилась к лучшему, могла бы окрепнуть... Разве нет здравого смысла в том, чтобы помочь ей достигнуть всего наилучшего?»

Глава VII

И вот новая публикация Драйзера — «Эрнита». Это произведение входит в цикл «Галерея женщин».

Первое чувство, которое испытала Рут, прочитав «Эрниту», был гнев на Драйзера за его «предательство», за то, что, дав слово не писать о ней, он все-таки в точности повторил в «Эрните» всю внешнюю канву ее биографии и к тому же так сместил акценты, что Рут готова была плакать от ощущения бессилия, беззащитности перед миллионами читательских глаз.

Она сама описала каждый год пребывания в России в своих репортажах в «Нейшн», и читавшим их не стоило никаких усилий догадаться, кого имел в виду Драйзер, описывая Эрниту.

Прогрессивная литературная критика в Америке и Советском Союзе высоко оценила «Эрниту». Я. Н. Засурский в своей монографии о творчестве Теодора Драйзера пишет:

«В повести «Эрнита» Драйзер создает первый в американской литературе образ положительного героя-коммуниста, борца за дело рабочего класса. Особый интерес при этом представляет переход Эрниты к коммунизму и Коммунистической партии. В первом же абзаце повести Драйзер называет те личные качества, которые отличали ее от других героинь «Галереи женщин» и позволили ей в конце концов найти единственно правильный путь в жизни: «Я знаю Эрниту,

знаю ее честность, знаю ясный и смелый взгляд ее глаз, жаждущих правды, жаждущих любви...»

Драйзер с большой любовью изобразил Эрниту-Рут, он посвятил ей немало восторженно-почтительных слов. В «Эрните» мы найдем подробное описание жизни Рут. Тут и деятельность в ИРМ, и жизнь в Кемерове, полная горения и борьбы, и работа в Коминтерне.

Вот как передает Драйзер чувства Эрниты после известия о русской революции: «Эрнита увидела в ней как бы дар небес, разрешивший все ее социальные запросы. Победа Ленина! Теория Маркса! Освободить мир от капиталистического гнета! Снять ярмо с простого человека! Советская Россия казалась ей тогда маяком свободы, образцом новых спасительных социальных верований. Ее взор обратился к Москве, к Ленину и его гигантскому делу».

Рассказывая о кемеровском периоде жизни Эрниты, о ее выборе между ИРМ и коммунистическим руководством колонии, Драйзер приводит слова, достаточно четко определяющие политические взгляды и симпатии своей героини: «Поистине я преданно служила делу Ленина и следовала его идеям и замыслам, как я их понимала. Только он один — такой, каким я его представляла себе, с его ясным взглядом и полной отрешенностью от личного честолюбия, — мог руководить величайшим сражением в истории человечества. Мне кажется, я полюбила Ленина с той минуты, как узнала о нем. Я никогда его не видела. Я даже не дерзнула пойти и взглянуть на него, когда он уже лежал в Мавзолее на Красной площади в Москве. Я знала, что буду плакать».

Казалось бы, очевидны симпатия писателя к своей героине и уважение к ней.

Так что же так огорчило Рут в «Эрните»? За что она, судя по ее письму Мелли Кальверт, «не простила Драйзера»?

Лучше всего поискать ответ на этот вопрос в предисловии к русскому изданию «Галереи женщины», написанном Рут по просьбе Сергея Динамова.

В нем мы найдем детальное и мотивированное объяснение «женской концепции» Драйзера, который, по словам Рут, «тщательно и трудолюбиво описывает собранный им в жизни материал, но не располагает его, словно фотограф или историк, беспристрастно, а — сообразно определенной цели... составляет события и их причины служить подтверждением его теорий... Он рассказывает нам историю свободных или, во всяком случае, не банальных женщин: но он излагает эти истории таким образом, что они как бы подтверждают его теорию, по которой женщина несчастлива, если она не следует старым традициям или если она пытается выйти за пределы чисто женской жизни, и что любая женщина в конце концов — только женщина...»

Рут Кеннел не соглашается с писателем и, чтобы обосновать свою точку зрения, анализирует один из женских образов драйзеровской «Галереи женщин» — образ Эрниты, жизнь которой, как пишет она, известна ей лучше, чем автору.

«Эрнита одна среди всех женщин его делает какое-то серьезное дело, уходящее за пределы чисто женских границ. Она революционер-социалистка. Она феминистка, восставшая на буржуазное американское общество. Ее чисто женские интересы, замужество и материнство, имеют для нее второстепенное значение. Но относится ли автор к подобному типу с симпатией? Нисколько!

...Располагая обширным материалом, он все же сделал из Эрниты самый бледный «портрет».

Рут Кеннел считает, что Драйзер отнесся к событиям ее жизни и мотивам ее поступков слишком свободно, попытался свести их к чисто личным, чувственным побуждениям: «В Сибирь Эрнита уезжает якобы благодаря неудачному браку. В России она остается тоже из-за любви. Он отзывается крайне саркастически о том, что она уехала от ребенка, чтобы помочь воссозданию Советского Союза. «Она сказала мне, — пишет он, — что ей хотелось доказать возможность быть хорошей матерью и вместе с тем работать для челове-

ства. Я же, наоборот, указал ей на то, что раз она оставляет ребенка, то она нехорошая мать».

...Ему необходимо было показать, что женщина с такими противоестественными убеждениями должна непременно потерпеть крушение.

...Когда Драйзер, бывший тогда в большой дружбе с Эрнитой, сообщил ей о своем желании включить ее портрет в свою «Галерею», она ответила ему: «Нет, я не могу на это согласиться, не только из-за тех людей, которые со мною связаны, наши с Вами социальные взгляды чересчур различны, и я чувствую, что Вы не сможете поэтому правильно интерпретировать мою жизнь», — так пишет Рут в своем предисловии.

Один из рецензентов «Нью-Йорк-урлд» высказывался по поводу этого рассказа: «Некоторые из действующих лиц одеты в столь прозрачные одежды, что под ними сразу угадывается оригинал. Такова, например, Эрнита, написавшая о своем путешествии в Россию под собственным именем».

Пожалуй, Рут, обиженная на «вероломного» Драйзера, нарушившего обещание не писать о ней, несколько преувеличила. Объективному читателю трудно найти в «Эрните» доказательство того, что писатель излагает ее историю «даже с некоторой враждебностью».

И образ Эрниты нельзя назвать «бледным». И вряд ли выглядит трагическим финал рассказа. Драйзер лишь говорил о неизбежных в положении героини сомнениях, раздумьях о том, каким путем идти дальше. Это лишний раз свидетельствовало в пользу Эрниты, говорило о ее мужестве. Но достаточно представить положение Рут после появления столь малозамаскированной «Эрниты» в кругу семьи, знакомых, чтобы понять ее и извинить некоторые «перегибы» и резкие эпитеты в адрес «портретиста», как называет она Драйзера.

Время показало, что «Эрнита» явилась немалым вкладом в летопись дружбы народов России и США, что благодаря той почти буквальная точности в изложении фактов, кото-

рую Рут Кеннел тщетно пыталась опротестовать, мы получили ценное свидетельство классика американской литературы о славной странице братской пролетарской солидарности.

Благодаря «Эриите», название маленького, затерянного в сибирских снегах городка Щегловска и его правобережной части — Кемерово вышло в мировую литературу. И за это все мы благодарны Теодору Драйзеру и его героине.

И может быть, за то еще надо оценить «Эрииту», так до конца и не принятую Рут, что она вызвала в ней страстное желание доказать всем и себе самой, что она — хозяйка своей судьбы, что бы там ни писал Драйзер о «женской» подоплеке ее действий.

Глава VIII

В 1931 году вышла в свет первая «русская» книга Рут — «Ваня-беспризорник».

По пути в Кемерово Рут видела следы тяжелых последствий войны и интервенции, детей, оставшихся сиротами. Но, живя в Кузбассе, Москве, она увидела и другое: как молодое Советское государство, у которого было еще столько забот, не забывало о детях и стремилось устроить жизнь сирот, беспризорных детей.

«Моя книга для детей восьми-двенадцати лет — «Ваня-беспризорник» — о бездомных русских детях была прекрасно иллюстрирована русским художником,— писала в Кемерово Рут Кеннел,— и опубликована одним из старейших, самых лучших издателей. Книга была хорошо принята, и это было началом моей карьеры детского писателя...»

Характерно, что, когда в 1932 году вышла вторая книга Рут «Товарищ Костыль», издатели сделали приписку после указания фамилии автора на титульном листе: «Автор книги «Ваня-беспризорник». Это как бы служило пропуском к читателям, уже знакомым с ее первой книгой.

«Когда я вернулась из Советской России,— продолжает Рут,— мои одиссеевы странствия закончились. У нас родился

второй сын, и я продолжала писать, но уже с целью поддержания домашнего бюджета, чтобы можно было что-то добавить к зарплате мужа, которая в период депрессии была очень скудной. Я регулярно писала рассказы для молодежных журналов, в то время как Давид играл рядом со столиком, где стояла пишущая машинка. Свекровь умело вела домашнее хозяйство, и это давало возможность работать часами...»

В 1931 году Рут получила возможность еще раз побывать в России, на сей раз в роли корреспондента одного из американских газетных объединений.

В США в конце 20-х — начале 30-х годов наблюдался рост интереса к советскому государству. Прошло уже более десяти лет существования Советской власти. Сколько «пророков» кричало все эти годы о том, что «социальный эксперимент» в России обречен на провал. Правящая Америка продолжала не признавать Советское государство.

В США бушевал экономический кризис. Города «процветающей» Америки видели огромные очереди за пособиями, тысячные колонны безработных и как контраст — сообщения об успехах грандиозной программы индустриализации Советского Союза. Американские рабочие, прогрессивная интеллигенция хотели знать правду о СССР.

Давая согласие на свою поездку в СССР в качестве корреспондента, Рут прежде всего хотела донести эту правду до американского читателя.

Побывать в России и не съездить в Сибирь? Рут заранее списалась со старым приятелем, инженером фирмы «Фрейн», которая вела работы на Кузнецкстрое, и решила сначала съездить на строительство металлургического гиганта, а оттуда обязательно заехать в Кемерово. Прямой командировочной целью поездки было изучение положения иностранных специалистов в Кузнецке и Кемерово. Задание дано было Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей, Рут выполнила его, представив в Москву два подробнейших рапорта. Во время поездки она вела дневник.

«...26 сентября 1931 г. Пятидневное путешествие было отмечено длинными дискуссиями с моими русскими попутчиками о Советском Союзе и США. Я отметила, что почти все советские люди энтузиасты, исполненные огромнейшей гордости за те гиганты, которые они строят, бодрости по отношению к существующим трудностям и веры...

1 октября. От Новосибирска у меня были новые попутчики. Один — комсомолец, ехавший на Кузнецкстрой, другой — молодой военный. Комсомолец был из крестьян, он вступил в комсомол в 14 лет. Он обсуждал со мной положение искусства и литературы. У него был томик Маяковского, любимого советского поэта, стихи которого он читал мне...

Поезд, наконец, прибыл на Кузнецкстрой. На первый взгляд, это была голая равнина, где по невысоким холмам разбрелось множество людей. В центре было несколько невысоких зданий, сияющих огнями...

...Моя комната внизу выглядела чисто и уютно. Хороший ковер, печка, гардероб. Замечательная столовая. Две ваннные комнаты на каждом этаже, почти всегда горячая вода. Паровое отопление... Я пила кофе с американскими специалистами — главным инженером строительства и его помощником по сталеплавильному цеху. Оба были очень довольны. Главный инженер подвел итог разговору о жилищных условиях американцев: «Только люди, не знающие, что такое строительство в новых местах, способны жаловаться на здешние условия. Здесь американцам хорошо так, как нигде в мире...»

«9 октября. В переполненном автобусе я ехала на станцию, в последний раз глядя на сияющие огни Кузнецкстрой. Я думала, почему это: чем больше строят русские, тем труднее им живется? Стальные фермы их гигантов, электростанции, впечатляющие сталеплавильные и коксовые печи, в то время как они живут в землянках, ходят в тряпье, едят черный хлеб...»

Ответ на эти размышления, сам того не зная, дал Рут молодой парень, ударник Кузнецкстрой.

«Товарищи из механической бригады, где он проработал два года, провожали его в Москву. На нем был тулуп, из-под которого виднелась голая грудь: на ситцевой рубашке не хватало дуговиц. С разбитой вкощец обуви стекала вода. Когда мы стояли и смотрели на ушлывающие огни, он протянул к ним руку: «Это наша гордость! Два года назад здесь была степь!» Я заинтересовалась, трудно ли им приходилось здесь.

Он ответил:

— Да! Мы жили в бараке, работали, как лошади, были голодны. Но ничего, сейчас везде трудно. Мы работаем для будущего, для наших детей!»

Рут бросился в глаза контраст между условиями жизни, которые были созданы для иностранных специалистов, и тем положением, в котором паходились русские рабочие.

«Хорошо, как нигде в мире!» — и тысячи землянок, где живут с семьями кузнецкстроевцы. Обильная пища в американской столовой — п сухари во время обеда для армии русских строителей. Рут, видя это, испытывала и чувство стыда за своих соотечественников, и чувство восхищения силой духа людей, которых не надо было покупать всеми благами, лишь бы они не сбежали, лишь бы делали свое дело.

Она иногда задумывалась: а стоило ли рабоче-крестьянскому государству приглашать к себе специалистов, которые ехали сюда только ради больших денег и не вергли в дело, которому русские отдавали все свои силы? Но она вспоминала слова, которые не раз слышала и от русских товарищей и от Рутгерса: Советскому государству ради его быстрого развития нужна была высококвалифицированная техническая помощь. Этот вопрос возникал у Рут не случайно. Он волновал тогда многих. Главный инженер Кузнецкстроя И. П. Бардин, один из тех, кто был первым строителем Кузнецкого металлургического комбината, в своих воспоминаниях впоследствии ответил на вопрос: не было ли ошибкой приглашение буржуазных специалистов за большие деньги? «Мы выходили,— писал он,— на мировое соревнование, а в

этом случае никогда нельзя отрываться от своего противника. Америку мы знали плохо, плохо знали, где, чему и как следовало учиться».

Было бы несправедливым утверждать, что всех иностранных специалистов на строительстве КМК интересовали только деньги и комфорт. Было среди них немало подлинных друзей советской страны, горячо заинтересованных в ее успехах и прогрессе.

На Кузнецкстрое работало свыше 250 иностранных рабочих и инженеров. Они прибыли главным образом из Германии, Австрии. Были рабочие из Чехословакии, Польши, Франции. Среди инженеров — специалисты фирмы «Фрейн».

Рут с удовлетворением отмечала, что было много рабочих из Рура, Гамбурга, Эссена, Берлина — как раз из тех районов, где у АИК были связи с рабочимп. Алтон Зефгоф, секретарь Рурского комитета компартии Германии, в свое время помогал Рутгерсу в сборе рабочих для поездки в Кузбасс.

Среди немецких рабочих были коммунисты, прошедшие большой путь борьбы. Это и Франц Путшер, член Союза Спартака, а с 1919 — КПГ, и коммунист Крауз из Эссена, и многие другие. Они вошли в жизнь большого коллектива строителей как полноправные его члены.

Наконец Рут снова в Щегловске. Город изменился — это она заметила сразу. Над одноэтажными деревянными домами возвышаются первые каменные дома. Город стал многолюднее.

Для Рут это не было неожиданным. Еще в Москве она слышала и читала в газетах, что в Сибири идет мощное строительство. На шахты Западной Сибири вербовались тысячи окрестных крестьян. Юноши пополняли горнопромышленные училища.

Здесь, в Щегловске, она узнает и увидит многое, о чем читала и слышала. Она увидит и своих друзей — аиковцев. Об этом ее записи в дневнике:

«11 октября 1931 г. Щегловск. Мы миновали знакомые дома, где жили Симои Ган с женой и ребенком, Вильям Малер и Исаак Гольдфайн, и остановились у нового красивого здания... Откровенно говоря, это была прелестная квартира. Спальня, гостиная, столовая, кухня, ванная с горячей водой. Здесь жил директор завода. Он обнаружил меня спящей на столе в своем кабинете, когда пришел на работу, позвонил своей жене и отправил меня к ней. (Перед этим Рут рассказывала о том, как приехала ночью в Кемерово и вынуждена была ждать утра в конторе завода.) Вскоре появился мой ночной «гид», чтобы сопровождать меня к друзьям. Мы вначале собрались «на кофе» у Николова и потом пошли к Гольдфайну...»

Людьми, которых связывали когда-то общая работа, общие интересы и которые долго не виделись, есть о чем сказать друг другу. Но друзья решили: сначала деловая часть визита гости, а потом уж можно спокойно посидеть вместе за праздничным столом.

«...Та же сопровождающая из горкома,— пишет далее в дневнике Рут Кеннел,— пришла, чтобы повести меня на химзавод. Молодой заместитель директора был членом партии. Он провел меня через завод. Я записала несколько цифр...»

На заводе по-прежнему работало много бывших колони-стов.

А вечером была откровенная беседа с Исааком Гольдфайном, и Рут рассказывала друзьям о творческих планах, о мечте написать книгу о жизни в Кемерове...

На следующий день планировалось посещение рудника.

«Я отправилась туда пешком... Погода была мрачная и холодная. Дорогу приходилось выбирать между горами строительных материалов, приготовленных для сооружений новой насосной станции. Я стояла у пристани, наблюдая за усилиями рабочих, доставляющих... тяжелые вагонетки с кирпичом и лесом...»

Среди пассажиров прибывшего катера было много молодежи. На противоположной стороне я последовала вверх за толпой пассажиров по новым ступенькам, вспоминая годы своей работы в конторе, из окон которой открывался вид на реку и на левый берег. Поднявшись, я остановилась, чтобы осмотреться вокруг. Как все изменилось! Густые постройки тянулись от химзавода далеко за Щегловск. Была построена прекрасная новая белокаменная больница, впечатлял деревянный корпус центральной электрической станции, возможно, одной из самых мощных в этом районе... Вся Красная Горка застроилась новыми домами... Дом Пирсона выглядел заброшенным. Я прошла по дороге от каменного здания до деревянного домика, где мы снимали комнату с Эльзой Мелман. Он тоже казался до слез пустым. Все это когда-то было для меня прекрасным...

К жилым домам были подведены водопроводные колонки. Итак, подумала я, водовоза больше нет. В мое время он объезжал улицы с бочкой воды, и женщины выходили ему навстречу с ведрами...»

То было неизбежное наступление нового, и, как ни грустно было на душе, умом Рут понимала, что нет смысла сожалеть об ушедшем. Ведь здесь происходило именно то, ради чего она когда-то, оставив родной дом и маленького сына, ехала в этот холодный и суровый обездоленный край.

Кемерово развивалось стремительно, это было заметно даже на фоне всеобщего строительства в стране.

Всюду леса, стройки, груды строительного материала, всюду новые дома, новые заборы, свежие электрические провода... Город без церквей и самоваров — явление для России небывалое. Именно здесь, в Щегловске, к десятой годовщине Октября вырос Дворец труда, большое трехэтажное здание, с десятками просторных и светлых комнат, с большим театральным залом. И это на том самом пустыре, где до революции идилически пощелкивали щеглы...

В те дни Рут узнала много нового. В Кузбассе было сда-

но и готовилось к сдаче в эксплуатацию 19 шахт и штолен, мощность которых составляла более 5 миллионов тонн. А ведь это равнялось всей угледобыче Кузбасса в 1926 году!

Многое делалось для освоения новой техники. В местной газете Рут прочтала о том, что партийные организации обязывали коммунистов обучаться освоению механизмов: врубовых машин и отбойных молотков. «Сломить недоверие к новой технике!» — таков был главный лозунг дня.

В корреспонденции из Кузбасса газета «Известия» сообщала: «В шахтах устанавливаются врубовые машины, только что полученные из-за границы, и новые насосы. Электрифицируется подземная и надземная откатка. Строятся две новые электростанции..., первая с нагрузкой до 11 тысяч киловатт, вторая — до 4 тысяч...»

Потом снова был дом друзей, и все вместе они опять переживали былое, издали казавшееся еще более прекрасным.

— Сегодня, сравнивая все увиденное с былым Кемеровом, — говорила Рут, — я испытала сложное чувство: грусти — ведь все так изменилось — и радости, что мы не ошиблись.

Невольно переключились на воспоминания. Говорили о друзьях, которых не было сейчас рядом с ними.

Говорили о подруге Рут, обаятельной Кеве Орт, поварихе колонии, канадском мастере-механике Каске, о славном старике-коммунисте Уоррене, который после Кемерова работал на Турксибе и получил там медаль. Рут встретила его в Кузнецке — Уоррен решил отдать Кузнецкострою свои богатые знания инженера-строителя.

Вспомнили Джона Байера, одного из организаторов АИК, пицейца из США. Не забыли и Вальтера Поппа, эксцентричного, покладистого парня, верного друга и помощника Эльзы Мелман.

И, конечно, вспомнили Бронку.

— Сестра Бронки, — говорила Рут, — писала мне в феврале 1929 года, что ей порой очень хочется поговорить хоть с кем-нибудь, кто знал Бронку. Она прочла одну из моих

статей и по ней нашла меня. От Бронки она получила последнюю весточку из Ялты.

Через многие годы Рут снова обратилась к своим дневникам и прокомментировала их в своих письмах. В одном из писем по дневниковым записям она восстановила свою беседу с инженером Гольдфайном. «Я обменялась мнениями о пятилетнем плане с Гольдфайном...» Они говорили о значении пятилетки для развития всей страны и Кузбасса, много спорили. И в этом споре Рут с глубоким удовлетворением почувствовала, что ее друзья проявляли самый живой интерес к пятилетнему плану. Гольдфайн утверждал, что план необходим для развития страны и для ее обороны. Рут не во всем была согласна с ним. Позднее она писала: «...Время показало, что Гольдфайн был прав...»

13 октября 1934 года. По пути на вокзал мы остановились у мехзавода, где Николов был техническим директором. Хотя завод еще строился, работа шла полным ходом. Здесь был большой машинный зал с иностранными станками.

Я увидела литейный цех, литейщиков, готовящихся плавить металл, кузнечный цех с его дышащими горнами и автоматическими молотами, превращающими раскаленное докрасна железо в изделия. В соседнем помещении женщина управляла большим краном, поднимающим тяжелые куски железа. Джон Крумин сказал: «Обнаружено, что из женщины выходят самые лучшие операторы, поскольку они более внимательны к мелочам».

Крумин был старым знакомым Рут по колонии, и она очень рада была на прощанье встретиться с ним.

Суммируя все свои впечатления и данные, полученные в Кузбассе, Рут помечала в своем рапорте для ВОКСа:

«В Кемерове работает около 25 бывших колонистов, в большинстве славянского происхождения, и все они поддерживают принципы тех, кто приехал сюда в 1922 году. Колонисты говорили мне, что здесь неизменно хорошо принимали колонистов с их знанием условий и американским опытом.

Видно, что заложенный колонистами фундамент прочен. Колонисты чувствуют, что, несмотря ни на что, колония была успехом, и американцы горды своей помощью советской стране. Бывшие колонисты хорошо работают во всех частях Советского Союза.

Я нашла здесь бóльший интерес к русской революции, чем у буржуазных инженеров, и бóльшее сочувствие русским массам».

На обратном пути в поезде Рут встретила двух возвращающихся в Америку инженеров фирмы «Фрейн» с женами. Их высокомерие, снобизм, презрительные замечания о русских резко контрастировали со взглядами американских инженеров в Кемерове.

Рут написала об итогах поездки и в рапорте для англо-американского клуба в Москве. Его целью было узнать о бывших членах колонии «Кузбасс», работающих в данный момент в Сибири. Эта краткая сводка выглядела так:

«Бывшие колонисты, работающие сейчас в Кузнецкстрое: Слава Атанасов, Пауль Фальковский, Франк Грунд, Флор Токарек, Артур Ричмэн — переводчики, в которых здесь очень нуждаются.

Сообщаю о колонистах, все еще находящихся в Кемерове...

Во главе списка должен быть Гарри Сусман из Сан-Франциско, в течение десяти лет преданно работающий в Кемерове. Другие колонисты, находящиеся в Кемерове: Пит Кейтис с женой, Франк Браун, К. Николов с женой, Исаак Гольдфайн, Валентин Арнольд, Ник. Муравьев, Джон Прейкшас с женой, Джон Козлов, Валентин Ярович, В. Бродин, Карл Фредерикс, Эндрыю Лесчук и Джо Захаров (на ферме), Блайз Куш с женой, Джон Врачар, Перкович, Джон Крумин, Слава Крулиц.

У меня нет никакого сомнения, — добавляла Рут, — что есть еще много других колонистов, разбросанных по широкому пространству Сибири, и все заняты полезной работой. Кузбасские колонисты хотят чувствовать, что внесли посильный вклад в социалистическое строительство. Те, кто сей-

час находится в Кузбассе, хотя, чтобы их считали «твердокаменными» — выполняющими пятилетний план на индустриальном фронте».

Это было действительно так. Стоит лишь добавить, что успешный опыт работы АИК «Кузбасс», решение части колонистов остаться работать в СССР способствовали тому, что в 1929—1931 годах на работу в Кузнецкий бассейн ехали рабочие и специалисты из многих стран. Только в системе Кузбассугля работали 52 иностранных специалиста, а на Анжеро-Судженском руднике — 249 иностранных рабочих и специалистов.

В 1931 году группа американских рабочих через газету «Советская Сибирь» обратилась ко всем трудящимся Сибири.

«Мы, — писали американские рабочие, — приехали в Советский Союз, где шахты принадлежат рабочим, чтобы принять участие в социалистическом строительстве. Мы делаем все, от нас зависящее, чтобы передать наш опыт русским товарищам и вместе с ними приложить все усилия, чтобы пятилетний план развития был выполнен за четыре года».

Глава IX

Участие в работе АИК вместе с верными последователями дела Ленина, рыцарями идеи, беззаветными энтузиастами — Биллом Хейвудом и Себальдом Рутгерсом, встреча с Драйзером и большая творческая дружба с ним, возможность увидеть и услышать многих выдающихся людей Советской России, тех, кто свершил революцию и укреплял ее завоевания, — одних воспоминаний об этом хватило бы иному человеку на всю жизнь. Но только не Рут Кеннел с ее постоянным стремлением сделать не сколько возможно, а сколько должно.

Об этом трудно сказать лучше Теодора Драйзера, который 24 января 1938 года писал ей:

«Дорогая Рут!.. Я много думаю о Вас — из года в год — о Вашем ярком, неугомонном, ищущем характере, память о котором всегда со мной. Я никогда не забывал нашего путешествия по России, во время которого Вы так понимали меня и по-человечески просто терпели. Из всех, кто приходил и уходил, — мужчин и женщин — Вы на всю жизнь остались в моей памяти и в моем сердце... И я так благодарен, что близко знал ту, которая совершенно не боялась жить и которая так много сделала. Я давно хотел Вам об этом сказать...

С любовью ТД».

Да, она никогда не боялась жить. И никогда ее бы не устроила пассивная роль «героини Драйзера». Быть лишь объектом чьего-то изображения — достаточно для кого угодно, но не для Рут.

Письма Рут Кеннел, которые шли из США в Кемерово, давали возможность ближе узнавать Рут и все глубже понимать, что нельзя было сводить всю ее лишь к драйзеровской «Эрните».

В самом деле, действие «Эрниты» завершается двадцать седьмым годом. А что же последующий, сорокалетний период? Из ее писем нам стало известно, как сложилась жизнь зрелой, помудревшей Рут Кеннел. За кратким по времени периодом высшего духовного взлета ее последовала не бездумная инерция — началась пора сбора плодов, пора применения в повседневной жизни выработанных идеалов. Не менее прекрасная пора!

В письме к своей давней подруге Мелли Кальверт Рут делилась с ней мыслями и чувствами, объясняла, как она понимает интерес к ней советских людей.

«Хотелось бы верить, что главное в интересе ко мне русского читателя — и статьи о Кузбассе, и книги, и короткие рассказы, и мои романы в периодических изданиях для молодежи о Советском Союзе. К тому, что собрано по истории американской колонии в Кузбассе, неплохим дополнением

были бы мои статьи в «Нейшн»... Моя книга для детей «Товарищ Костыль» является рассказом о Кемерове. Грейс Макдональд сказала мне, что она получила самое яркое впечатление о Кузбассе из этой книги, когда собирала материал для своего романа...

Я написала рассказ «Волшебный свет», он был опубликован в детском литературном журнале «Сборник лучших рассказов», много раз перепечатывался. Рассказ написан под впечатлением поездки на Кузнецкстрой.

Другие короткие рассказы и романы, особенно о второй мировой войне, публиковались в разных периодических изданиях с 1935 по 1947 годы.

...Я надеюсь, что любой материал обо мне и истории кузбасской колонии представит меня не только как члена этой колонии, но также и как широко публикуемого в США писателя, пишущего о Советском Союзе.

«Холодная война» прервала публикацию моих произведений о Советском Союзе. В 1947 году была издана моя книга, которую я считала лучшей, — «Приключения в России» — рассказ о сироте блокадного Ленинграда, которого послали в санаторий в Киргизию. «Холодная война» остановила первую многообещающую распродажу. Я полагаю, что мои произведения о Советском Союзе, особенно мои рассказы для детей, явились моим основным вкладом в дружбу между нашими странами.

Не случайно мы так хорошо цитируем это письмо-эпилог, говорящее так определенно о том, что же сама Рут считает самым значительным в своей жизни. Впрочем, эпилог — слово, за которым как будто уже не предполагается развития событий. А читатель, очевидно, понял, что Рут и бездействие — понятия несовместимые.

В канун второй мировой войны, в то время, когда на Западе развернулась бешеная клеветническая кампания против нашей страны в связи с заключением с Германией договора о ненападении, Рут Кеннел опубликовала на страницах «Нейшн» статью «В защиту СССР». Эту статью в ноябре

1939 года перепечатала газета американских коммунистов «Дейли Уоркер», назвав ее «ясным голосом честности».

«Не многие ясно понимают, — писала Рут, — что именно СССР — прирожденный враг фашизма».

Может быть, в этой статье Рут не хватило прозорливости и глубокого анализа советско-германских отношений. Она не увидела серьезных просчетов во внешней политике СССР. Но зато она правильно оценила суть политики западных держав, пресловутую «западную безопасность», «невмешательство».

Глава X

Шли годы, а Рут Кеннел оставалась все той же. 20 октября 1967 года она писала своим кузбасским друзьям: «Мы уже не работаем, но еще принимаем участие в гражданской, государственной и национальной политике, в общественных делах, борясь против войны во Вьетнаме, за поддержку Советского Союза как прогрессивного социалистического общества».

Прежде чем рассказывать об этой стороне жизни Рут, которой, кажется, не коснулось время, — на восьмом десятке лет та же творческая напряженная работа, планы новых книг, тот же гражданский пафос, — мы хотели бы напомнить читателю о маленькой Опе Прейкшас, верной помощнице Рут, той, что столь темпераментно повествовала некогда Рут о своих убеждениях и чье письмо было опубликовано в 1923 году в американской прессе.

Рут и Она, или Аня, как она стала звать себя на русский лад, ничего не знали друг о друге с 1924 года. Анна Ивановна осталась в Советском Союзе, получила высшее образование, преподавала английский язык в Кемеровском педагогическом институте, а потом — в Днепропетровском университете. Она никогда не забывала о годах жизни среди колонистов и нередко вспоминала свою любимую наставницу, а узнав адрес Рут Кеннел, начала с ней деятельную переписку.

Анна Ивановна любезно предоставила авторам книги письма Рут к ней и разрешила использовать их.

Из писем мы с удивительной достоверностью узнаем о том, чем живет сегодня прогрессивная Америка, за какие идеалы борются те, кому дорого будущее нации, судьбы молодежи — и в их числе наша общая знакомая — Рут Кеннел.

Вот отрывки из этих писем:

20 мая 1969 г. «Я пришлю Вам свою книгу, как только она выйдет из печати¹. А пока, в ожидании гранок, которые мы с Франком² должны будем откорректировать, я была очень занята другими делами, особенно в кампании против производства Соединенными Штатами противобаллистической ракеты под названием «Оборона». Миллиарды долларов, которые поглотит эта совершенно ненужная оборона, мешающая заключению американо-советского соглашения по ограничению вооружений, крайне нужны в нашей борьбе с нищетой, особенно для снижения арендной платы за жилье и для обеспечения тысяч американцев, чей жизненный уровень ниже минимального».

29 августа 1969 г. «Дорогая Анна! Мы получили посланную Вами книгу «Как кончаются войны!» Это замечательное и одновременно потрясающее описание. Я надеюсь, что книгу прочтут мои друзья. Как скоро иные забывают, сколько советский народ сделал для всего мира!»

20 октября 1969 г. «Вместе с этим письмом посылаю вырезку из газеты и листовки о нашей демонстрации за мир 15 октября. Вы увидите признаки сильного антивоенного движения в США... Франк ходил на митинг, назначенный на полдень, а я оставалась дома, чтобы принять 15 студентов Стенфордского университета, поскольку наш дом выделен как сборный пункт для тех, кто ходит из дома в дом, вербуя

¹ Речь идет о книге «Драйзер и Советский Союз».

² Уже после выхода книги в свет в начале 1970 года Франк Кеннел скончался.

новых сторонников мира. Я устроила им завтрак. Это были чудесные молодые люди. Демонстрация будет повторена 15 ноября и каждое 15-е число последующего месяца, пока не появится настоящее доказательство того, что Никсон отзовет войска из Вьетнама. Он же заявил, что будет игнорировать наши демонстрации, но общественное сопротивление растет.

Вырезка из газеты, которую я посылаю Вам, показывает, что, несмотря на продолжающуюся «холодную войну», которая загнала коммунистов в подполье, они выходят возглавить движение протеста... Хочу добавить, как завершился день 15 октября. Вечером я была на площади перед Стенфордским университетом... В этот вечер пошел первый дождь, возвестивший начало нашего дождливого сезона, и все, не поместившиеся внутри, сидели на дожде и слушали ораторов по радио».

28 октября 1969 г. «Мы сейчас готовимся к продолжению наших манифестаций. Сегодня пришло письмо от нашего сына Давида, доктора биофизики в Вашингтонском университете. Мы были рады узнать о той важной работе, которую он провел в университете. Организация Давида устроила митинг перед зданием медицинского института при университете. Давид также вел радиопередачу в течение целого часа. По телефону ему задавали вопросы, а он отвечал на них по радио».

28 января 1970 г. «Давно я Вам не писала. Было так много работы по продвижению моей книги. Ее хорошо принимают, есть несколько хороших рецензий, но нам нужно попасть в большую прессу, все еще находящуюся под влиянием «холодной войны». Относительно нашего желания издать ее в Советском Союзе мой издатель написал мне: «Конечно, мы сделаем все возможное... Мы сейчас выпускаем к столетию Ленина книгу «Ленин и США». Большой раздел в ней посвящен «Кузбассу» и другим предприятиям. Я бы хотела побольше узнать об этом.

Конечно, намерение «Интерпейшил паблшерз» издать книгу о Кузбассе звучит многообещающе. Франк и я провели неделю у Мелли и много работали над составлением списка членов колонии. Я нашла свой дневник, записи изо дня в день в Кемерове в 1922—1924 годах, в нем много сведений о тех днях. Скоро я начну работать над исполнением списка колонистов с подробными сведениями о них.

Итак, снова АИК?

Не символичен ли этот факт? Сначала Рут Кеннел написала книгу об одном «пике» своей жизни — встрече с Драйзером. Сейчас мечтает о книге об АИК, уже не детской, а взрослой, детальной, обогащенной фактами сорокалетнего периода, прошедшего с тех пор, когда она впервые вступила на Кузнецкую землю.

Есть своя символичность в том, что и о дружбе с Драйзером, и о жизни в Кузбассе Рут решила рассказать только сейчас, на склоне лет. Этим она как бы говорит:

«Я остаюсь прежней. Мне и сейчас дорого то, что было дорого сорок лет назад. А право рассказать об этом я выверила всей своей жизнью».

Она скончалась в 1977 году.

Глава XI

Маленьким семечком, из которого вырос большой подсолнух, назвала Кемерово Нелл Фермеер-Фис, бывшая колонистка, когда приезжала в Кузбасс в 1966 году вместе с Гертрудой Тринчер-Рутгерс и четой голландцев Схоорлов, тоже бывших членов АИК.

В Кемеровском областном совете профсоюзов была организована встреча бывших «айковцев» с работниками облпрофсовета и общественностью города. Мы могли наблюдать, какой живой интерес проявили «айковцы» к Кузбассу, к Кемерову. Все интересовало их: система социального обеспечения, народное образование, города. Им хотелось увидеть места, связанные с их работой в АИК «Кузбасс».

Сорок лет прошло с того времени...

Они ходили по городу и разыскивали свои дома, свои памятные места. Немногое сохранилось с тех пор, и многого уже нет.

Тихим летним вечером мы сидели в номере гостиницы «Томь», и Нелл с Тине Схоорл говорили о том, как потрясены они увиденным, как счастливы, что есть и их зернышко в сегодняшнем «большом подсолнухе».

Нелл Фермеер-Фис, высокая, крепкая, моложавая для своих семидесяти лет, не выглядит усталой и после трех дней, до предела перегруженных встречами и поездками.

Гертруда Себальдовна пишет книгу о своем отце, и поездка в Кемерово для нее значит очень много¹. Тине Схоорл у себя на родине тоже выпустила книгу о том времени. Это рассказ о судьбе обычной голландской девушки, которой довелось провести лучшие годы своей жизни в Советской России, о свете тех дней, которым и сейчас наполнена ее жизнь. Книга нашла очень хороший прием в Голландии...

Они улетели обратно в Москву и в Голландию. Но до конца их дней им будут напоминать о крае молодости русский чай, русское слово, которое порой неожиданно сорвется с языка, и русские имена Андрей, Василий, Миша, которыми называют их дети своих детей...

Уходят из жизни «аиковцы» — время неумолимо. Но нить, связывающая их с далеким Кузбассом, не рвется. Свидетельством тому, недавно полученное письмо из Нидерландов. Его прислал одному из авторов книги Том Схоорл, сын Герхарда Схоорла и Кристины Страуб-Схоорл. Его родители работали в АИК «Кузбасс», а в его и в его сестры документах в графе место рождения запись — Кемерово.

Тысячу раз была права Рут, когда писала, что не знает ни одного колониста, который, уехав из России, не мечтал бы вернуться назад.

¹ Книга Г. Тринчер и К. Тринчера «Рутгерс» была выпущена издательством «Молодая гвардия» в 1967 году.

СОДЕРЖАНИЕ.

Предисловие	3
Часть I. Кузбасская одиссея	11
Часть II. «Та, которая не боялась жить...» . . .	123

Научно-популярное издание

Козько Нина Тимофеевна
Кривошеева Евгения Антоновна

Загадка Эрниты

Редактор Э. П. Дубровская
Художник Н. В. Сидоркин
Художественный редактор
В. П. Кравчук
Технический редактор
Г. Н. Маюхина
Корректор В. А. Волкова

ИБ № 1454

Сдано в набор 04.09.89. Подписано к печати 24.01.90. Формат 70X108^{1/32}. Бумага офсетная № 2. Гарнитура Обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,7. Усл. кр.-отт. 7,7. Уч.-изд. л. 8,56. Тираж 3000 экз. Заказ № 3930. Цена 50 к. Кемеровское книжное издательство. Кемеровский полиграфкомбинат. Адрес издательства и типографии: 650059, г. Кемерово, ул. Ногородская, 5

52

1

